

Александр Сойфер

Ван дер Варден:
размышления о жизни и судьбе

Перевод Б. Р. Френкина

Москва
Издательство МЦНМО
2008

Сойфер А. Ю.

С58 Ван дер Варден: размышления о жизни и судьбе / Перевод с англ. Б. Р. Френкина. — М.: МЦНМО, 2008. — 160 с.

ISBN 978-5-94057-395-1

Книга рассказывает о жизненном пути Б. Л. ван дер Вардена, одного из крупнейших математиков XX века. Ярко описаны перипетии жизни и деятельности учёного в сложную эпоху. Анализ обширного документального материала, в значительной мере собранного автором впервые, позволяет ему поставить важные социально-этические вопросы и дать свои оценки событий и людей, подчас острые и нелицеприятные.

Книга адресована всем, кто интересуется историей науки и ролью учёного в современном обществе.

ББК 22.1г

Настоящее издание является частью книги А. Soifer «Mathematical Coloring Book: Mathematics of Coloring and the Colorful Life of Its Creators» (Springer-Verlag, in print) и публикуется с разрешения издательства Springer-Verlag.

Александр Юрьевич Сойфер

ВАН ДЕР ВАРДЕН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ

Подписано в печать 22.09.2008 г. Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Печ. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ № 1683.

Издательство Московского центра непрерывного математического образования. 119002, Москва, Большой Власьевский пер., д. 11. Тел. (495) 241-74-83.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Книги издательства МЦНМО можно приобрести в магазине «Математическая книга», Большой Власьевский пер., д. 11. Тел. (495) 241-72-85. E-mail: biblio@mcsme.ru

Оглавление

К читателю	7
Вступление. Почему мне пришлось предпринять исследование о ван дер Вардене	12

Глава 1. Ранние годы

§ 1. Семья	15
§ 2. Юный Бартел	20
§ 3. Ван дер Варден в Гамбурге	24
§ 4. История Книги	27
§ 5. Теорема о монохроматических арифметических прогрессиях	32
§ 6. Гёттинген и Гронинген	34
§ 7. Превращения Книги	35
§ 8. Алгебраическая революция, породившая всего одну книгу	37
§ 9. Эпилог: на пороге Германии	42

Глава 2. Нацистский Лейпциг, 1933—1945

§ 1. До немецкой оккупации Нидерландов: 1931—1940	45
§ 2. Годы немецкой оккупации Нидерландов: 1940—1945	61
§ 3. Эпилог: конец войны	72

Глава 3. Послевоенный Амстердам, 1945

§ 1. Брейдаблик	75
§ 2. Новый Свет или Старый?	78
§ 3. «Оправдание»	86
§ 4. Ван дер Варден и ван дер Корпут: диалог в письмах	94
§ 5. Бунт в брауэровском Амстердаме	109

Глава 4. Беспокойные годы, 1946—1951

§ 1. Кампания газеты «Het Parool»	112
§ 2. История службы: 1945—1947	123

§ 3. «America! America!»	127
§ 4. Ван дер Варден, Гоудсмит и Гейзенберг: «треугольник из писем»	131
§ 5. Профессорство в Амстердаме	139
§ 6. Уход к нейтралам	142
§ 7. Эпилог: драма ван дер Вардена	149
Литература	155

*Моей юной дочери
Изабелы Солэй Сойфер*

Прошлое никогда не умирает. Оно даже не становится прошлым.

Уильям Фолкнер. Реквием по монахине, 1951

Я прочла Ваши статьи. Очень интересно, удивительно, ново для меня... Странно получать новые сведения о своей семье и предках, осознавая, что столь многие вещи никогда не обсуждались и о них никогда уже нельзя будет спросить напрямую.

Дорит ван дер Варден, [WaD4]

Спасибо Вам за присланный мне триптих, который я прочёл с огромным интересом! Эта история столь сложна, но Вы отыскали так много информации — я был поражён. Чтение было чрезвычайно захватывающим — мой величайший комплимент проделанному Вами исследованию.

Тео ван дер Варден, [WaT3]

К читателю

Когда я писал (долгие 18 лет) «Mathematical Coloring Book: Mathematics of Coloring and the Colorful Life of Its Creators» (Springer, 2008), я хотел сочинить не очередную «тягомотину» традиционного типа «теорема—доказательство—теорема—доказательство». Я исследовал рождение идей, и меня интересовали их создатели. Очень скоро я обнаружил, что, рассказывая о «красочной жизни создателей», я не всегда могу опираться на энциклопедии и биографические статьи, но должен сам производить исторические изыскания. Исследование некоторых биографий было трудной задачей, в особенности биографии Б. Л. ван дер Вардена: потребовалось полных 12 лет архивных изысканий и размышлений над собранными свидетельствами. К счастью, это привело к успеху — первой действительно достоверной биографии Бартела Лендерта ван дер Вардена. Она является частью почти 1000-страничной «Mathematical Coloring Book» и публикуется на русском языке благодаря любезному разрешению моего издателя «Springer».

Пришлось перекопать всё: архивы в Германии, Нидерландах, Швейцарии, Соединённых Штатах; бесценные и невозпроизводимые ныне интервью с очевидцами. В процессе написания книги я прочёл тысячи публикаций. Меня вдохновили люди, которых я лично знал: Пал Эрдёш, Джеймс У. Фернандес, Гарольд У. Кун и многие другие, а также люди, с которыми я не встречался лично: Борис Пастернак, Пабло Пикассо, Герберт Рид — назову лишь некоторых из них, — или, например, Д. А. Смит, который писал, обсуждая выступление¹ Альфреда Брауэра:

История математики — область, к сожалению, пренебрегаемая. Большая её часть принадлежит двадцатому столетию, и очень многое хранится в памяти ныне живущих математиков. Младшее поколение математиков приучено придавать главное значение продукту — математическим результатам, а о людях, его создавших, думать только как об именах, которые присвоены теоремам. Это часто способствует засушиванию предмета.

¹*Brauer A. Combinatorial Methods in the Distribution of k th Power Residues // Combinatorial Mathematics and its Applications; Proceedings of the Conference. Chapel Hill, NC: University of North Carolina, 1969. P. 14—37.*

Столь долгую работу над моей книгой в некотором смысле оправдывает Эрнест Хемингуэй в своём неопубликованном письме²:

Когда в романе я создаю страну, или город, или реку, — это медленная работа, поскольку вы должны всё время это *создавать*, тогда оно живое. Но ничто не делается быстро и легко, если только на что-нибудь годится.

Публикации по историческим исследованиям, как и в математике, состоят из формулировки утверждений и последующего их доказательств, с фактами и аргументами. По моему мнению, это рецепт для создания скуки. И потому я в эту книгу включил «кухню» своего исследования, так что читатель может в нём участвовать и вместе со мной воспринимать факты — в шерлок-холмсовском стиле разгадывания тайны. Это ни в коей мере не снизило стандарты исторического исследования. Действительно, Чарльз К. Джиллиспи, профессор Принстонского университета с 1947 г. и создатель Принстонской программы по истории науки, писал 25 июня 2007 г. Энн Костант из издательства «Springer», имея в виду мои предыдущие статьи о ван дер Вардене:

Они отвечают высочайшим стандартам исторической науки.

Изучая жизнь ван дер Вардена, я делился новостями за ежедневным кофе на кафедре математики Принстонского университета. Если интерес моих тамошних коллег сколько-нибудь показателен, любому понимающему читателю понравится участвовать в разгадке исторических тайн, особенно относящихся ко временам Третьего рейха, Второй мировой войны и денацификации Европы. Историки математики найдут здесь много новых сведений, а многие старые ошибки исправлены впервые. И на любого произведут впечатление редкие фотографии Бартела Л. ван дер Вардена и его семьи, важнейшие документы и, более того, стенограмма важнейшего собрания: таким образом, можно фактически принять участие в делах прошлого — и задуматься о похожих сегодняшних проблемах. Надеюсь, вы тогда согласитесь со словами Уильяма Фолкнера: «Прошлое никогда не умирает. Оно даже не становится прошлым». В самом деле, прошлое всегда с нами, оно правит нашим настоящим, и оно воздействует на наше будущее.

В 1978 г. я покинул Москву в поисках свободы — свободы политической, моральной и творческой. Я нашёл её в Соединённых Штатах. Но ко всем моим молодым российским читателям — и к тем старшим, кто не участвовал в притеснении диссидентов и евреев, — я испытываю лишь чувства сердечности и профессионального братства. Я рад этой встрече с вами, и мне было бы приятно услышать ваши отзывы.

²Из письма 1937 г. (Цит. по: New York Times. February 10, 2008. P. AR 8.)

Благодарности

Благодарю Бориса Френкина за перевод этой книги для вас. Он уже перевёл несколько моих математических работ и всегда демонстрировал точный глаз и глубокую любознательность, что позволило внести ряд исправлений и породило дополнительные примечания. Спасибо редактору за тщательную и квалифицированную работу, в результате которой устранены различные погрешности и внесены уточнения. Я признателен Майе Сойфер, которая прочла некоторые из моих прежних статей о ван дер Вардене: её предложения существенно улучшили текст и усилили мою аргументацию.

Я в долгу у моих детей Марка, Изабели и Леона и у моего кузена и выдающегося композитора Леонида Гофмана за поддержку, которую всегда давала их любовь. Благодарю моих старых друзей Константина Кикоина, Юрия Норштейна и Леонида Гофмана за годы вдохновляющих бесед на всевозможные темы, относящиеся к высокой культуре.

Эта книга — результат 12 лет исторических изысканий и размышлений над морально-философскими вопросами, стоящими перед математиком в обществе. Долгие годы писания книги дают одно преимущество, недоступное книге скороспелой. Мне досталось особое удовольствие — в связи с этой книгой переписываться о математике и истории с мудрыми старцами Бартелом Л. ван дер Варденом, Палом Эрдёшем, Анри Боде-младшим, Николасом Г. де Брёйном, Дирком Стройком, Гарольдом У. Куном. Некоторые из этих великих людей уже не с нами; другие достигли 80-летия. Их знания, их воспоминания влили живую кровь в тело моей книги. Я бесконечно обязан им всем, так же как и младшим по сравнению с ними Бранко Грюнбауму, Джеймсу У. Фернандесу и Ренате Фернандес, которые достигли лишь 70 лет.

Благодарю Дорит ван дер Варден и Тео ван дер Вардена, щедро предоставивших редкие фотографии их дяди Бартела Л. ван дер Вардена и всей их выдающейся семьи. Их сведения о семье ван дер Варденов были для моего исследования роскошным подарком, а их понимание и одобрение стали для меня лучшей наградой.

Благодарю архивы и их хранителей, предоставивших бесценные документы и фотографии с любезным разрешением использовать их: это Йон Вигманс, Государственный архив Северной Голландии; доктор Петер Й. Кнегтманс, историк Амстердамского университета; профессор Геральд Вимерс и Мартина Гайгенмюллер, архив Лейпцигского университета; профессор Хольгер П. Петерсон и его личный архив; Гертьян Диккен, газета «Het Parool»; Маделон де Кейзер; доктор Вольфрам Нойбауэр, Ангела Гастль и Корина Треш де Лука, библиотека ЕТН (Цю-

рих); доктор Хайнцпетер Штуки, архив Цюрихского университета; доктор А. Мариан Т. Шильдер и доктор Тон Брёйнс, музей Universiteitsmuseum de Agnietenkapel (Амстердам); Мартен Х. Томп, Centrale Archiefbewaarplaats, Утрехтский университет; Нэнси Крикко, архивариус Нью-Йоркского университета, и её помощники-аспиранты; Джеймс Стиперт, архивариус, специальные собрания Библиотеки Милтона С. Эйзенхауэра, Университет Джона Хопкинса; доктор Хельмут Рехенберг, директор архива Вернера Гейзенберга (Мюнхен); Г. Г. Й. (Гис) Бойнк, Национальный архив (Гаага); архив университета Джона Хопкинса; Александр Кройцер, декан математического отделения, и профессор Карин Райх из Центра истории естествознания, Гамбургский университет; Библиотека Конгресса, отдел рукописей (Вашингтон); Центр математики и информатики (Амстердам); профессор Николас М. Кац, заведующий кафедрой математики, Принстонский университет; Митчелл С. Браун и Сара М. Лафата, библиотека Fine Library, Принстонский университет.

Моё исследование жизни ван дер Вардена не могло основываться лишь на архивных материалах. Я особенно благодарен тем, кто лично оказал большую помощь в этом предприятии: это Дорит ван дер Варден; Тео ван дер Варден; Ханс ван дер Варден; Хельга ван дер Варден Хабиخت; Аннемари ван дер Варден; профессор Анри Боде (1919—1998); профессор Херман Й. А. Дюпарк (1918—2002); профессор Николас Г. де Брёйн; профессор Бенно Экман; профессор Дирк ван Дален; профессор Дирк Й. Стройк (1894—2000); доктор Пал Эрдёш (1913—1996); профессор Рейнхард Зигмунд-Шульце; Томас Пауэрс; профессор Марк Уокер, профессор Джеймс Фернандес и доктор Рената Фернандес; доктор Майя Сойфер; профессора Принстонского университета Гарольд У. Кун, Герард Вашнитцер, Симон Кочен, Джон Х. Конвей, Эдвард Нелсон, Роберт К. Ганнинг, Хейл Троттер, Артур С. Уайтман, Вэл Л. Фитч, Роберт Фэглз, Чарльз Джиллиспи и Стивен Спербер.

Заслуживают благодарности мои замечательные переводчики: с голландского — доктор Стефан ван дер Элст и профессор Марике Аугустейн, и с немецкого — профессора Симон А. Брендл, Роберт фон Дасановский, Роберт Сакет и Хейко Харборт.

Благодарю моих руководителей в Университете штата Колорадо, которые обеспечили поддержку и возможность надолго уезжать в Принстонский университет и университет Рутгерса: это Том Кристенсен, Том Винн и Пэм Шокли-Залабэк.

Я признателен моим друзьям и коллегам по отделению математики в Принстоне, поддерживающим уникальную творческую атмосферу в историческом Файн-холле, и Фреду Робертсу за спокойствие, царящее

в возглавляемом им DIMACS в университете Рутгерса. Библиотечные службы в Принстоне обеспечили неоценимо важную быстроту обслуживания; они даже откопали для меня подлинные выпуски газеты «Net Parool» за 1946 год!

Благодарю издательство «Springer» и моего редактора Марка Спенсера, давших согласие на это русское издание, а также главного редактора этого издательства Энн Костант: в трудные для меня времена она заставила меня действительно поверить в себя и в то, что я делаю.

Эта книга посвящается необыкновенной великодушной девушке, мечтающей стать писателем, — моей замечательной юной дочери Изабелли Солэй Сойфер.

Вступление

Почему мне пришлось предпринять исследование о ван дер Вардене

Бартел Лендерт ван дер Варден был знаменитым алгебраистом, физиком, статистиком, историком, автором ряда книг, а главное — одним из ведущих алгебраических геометров своего времени. Он опубликовал классическую теорему 1927 г. о монохроматических арифметических прогрессиях при раскраске целых чисел в конечное множество цветов. Ван дер Варден смог доказать эту великолепную теорему благодаря путеводной гипотезе Пьера Жозефа Анри Бодэ и Исаяи Шура, поэтому я назвал этот классический результат *теоремой Бодэ — Шура — ван дер Вардена*.

Профессор ван дер Варден внёс крупный вклад в алгебраическую геометрию, абстрактную алгебру, квантовую механику и другие области. Он публиковался по вопросам истории математики. Среди многих книг, написанных ван дер Варденом, выделим «Современную алгебру» [Wa3], одну из значительнейших и популярнейших математических книг всех времён. Удивительно поэтому, что его жизни и работе не посвящена ни одна монография. «Почему так произошло?» — спросил я однажды профессора Н. Г. де Брёйна, который поделился со мной своей теорией создания биографий [Br2]:

Вот мои советы учёным, которые хотели бы, чтобы после их смерти остались книги о них (кроме очевидных вещей вроде того, что нужно сделать важную работу и иметь много учеников).

1. Оставайтесь в своей стране.
2. Оставайтесь в рамках одной темы.
3. Не старейтесь.

А если Вам случилось состариться — попробуйте написать автобиографию.

Ван дер Варден нарушил пункты 1, 2, 3 и был слишком скромным, чтобы написать автобиографию.

Да, не существует книг о жизни ван дер Вардена: ни одна его родина — ни Нидерланды, ни Германия, ни Швейцария — их не породила.

ла. Однако имеются многочисленные биографические статьи о ван дер Вардене. Могут указать, что жизнь ван дер Вардена в целом и бурные годы с 1931 по 1951 в частности рассматривались в статьях [Eis], [Fre1], [FTW], [Dol1], [Dol2], [Fre2] и др. Хотя это верно, но удовлетворительное понимание его жизни в эти годы предполагает две обязательные составляющие: тщательное изучение многочисленных важных документов и большой запас беспристрастия и желания понять. До сих пор никто не показал ни того, ни другого качества. Указанные авторы явно верили, что личное знакомство с профессором ван дер Варденом автоматически делает их специалистами по его биографии. Повторяя слова и объяснения ван дер Вардена, они внесли вклад в математический фольклор. Но такое повторение, вперемежку с «возгласами одобрения», при недостатке архивных изысканий и критического анализа фактов, вряд ли добавило что-либо к истории в строгом смысле слова.

Подход профессора Майлза Рида в его книге [Rei] также не проясняет вопроса:

Строгие основания алгебраической геометрии были заложены ван дер Варденом, Зарисским и [А.] Вейлем в 1920-е и 1930-е годы (вклад ван дер Вардена часто замалчивается, поскольку многие математики первых послевоенных лет, включая некоторых ведущих алгебраических геометров, считали, что он сотрудничал с нацистами).

Даже если «ведущие алгебраические геометры» (видимо, Зарисский и Вейль) имели такое мнение, их блестящие достижения в математике не могут автоматически сделать их хранителями истины. Весьма прискорбно, что столь тяжкое обвинение было брошено профессором Ридом безо всякого обоснования.

Моё исследование было почти закончено и три моих статьи ожидали своей очереди в журнале «Geombinatorics», когда я получил от немецкого коллеги новую длинную статью к столетию ван дер Вардена с почти таким же заглавием, как у главы 2 этой книги: «Van der Waerdens Leipziger Jahre 1931—1945» («Лейпцигские годы ван дер Вардена: 1931—1945»). Автор — профессор истории математики Лейпцигского университета Рюдигер Тиле (Mitteilungen der DMV. 12.01.2004. P. 8—20). Оказалось, что заглавие — едва ли не единственное, что есть общего между нашими работами.

Мне потребовалась бы длинная статья, чтобы исправить ошибки Тиле и возразить ему. Например, Тиле утверждает: «Естественно, что за решение ван дер Вардена остаться в нацистской Германии на него нападали в первую очередь еврейские эмигранты». Выглядит так, будто Тиле осуждает евреев за их «нападки» на ван дер Вардена. Любой —

а особенно немецкий — историк должен был бы проявить бóльшую справедливость и уважение к евреям, которых преследовали, изгоняли с работы, бросали в тюрьму, отправляли в лагеря смерти, убивали, доводили до самоубийства. Более того, утверждение Тиле не соответствует действительности: критики ван дер Вардена Отто Э. Нейгебауэр и Освальд Веблен не были евреями.

Тиле цитирует декабрьское (1933) письмо Веблена о «признаках растущего антисемитизма», как бы уравнивая морально нацистскую Германию и Соединённые Штаты. Да, в Америке существовал антисемитизм, как и повсюду, где жили евреи, — но нацисты дали антисемитизму особенно дурную славу. Здесь нет морального равенства, профессор Тиле: разница составляет шесть миллионов трупов. Тиле стремится к предвзятому оправданию вместо беспристрастного анализа архивных документов даже *его* университета, доступных нам обоим. В результате, по моему мнению, статья профессора Тиле мало добавляет к истории в целом и нашему пониманию ван дер Вардена в частности.

Извинением для моих предшественников служит одно обстоятельство: ван дер Вардена бывает трудно понять. В течение двенадцати с лишком лет моих изысканий я собрал массу материала, относящегося к его жизни, в особенности к жизни в годы испытаний (1931—1951). В некоторых случаях профессор ван дер Варден заслуживает высокой оценки. Другие примеры весьма ясно показывают, что для человека, живущего в условиях тирании, выбор сводится к тому, чтобы либо эмигрировать, либо умереть, либо идти на компромиссы.

Я захотел узнать о жизни этого человека после его классического результата 1927 года в «дорамсеевской теории Рамсея» — так я назвал результаты, родственные статье Ф. П. Рамсея 1930 года, но появившиеся раньше. Триптих моих изысканий — «In Search of Van der Waerden», части I, II и III, — появился на страницах журнала «Geombinatorics» [So4], [So5], [So6]. Нулевая часть цикла [So7], «The Early Years», возникла позже. За время, прошедшее от появления части I в 2004 г., я сумел дополнительно найти много важных документов и глубже проанализировать собранный материал. Здесь Вы найдёте наиболее полный вариант этой серии из четырёх статей.

Эта работа постоянно продолжается — в стремлении понять её героя. Хотя я нашёл ответ почти на все вопросы, которые поставил перед собой, я предпочитаю рассматривать этот «тетраптих» как отчёт о продолжающемся исследовании жизни и судьбы ван дер Вардена — «In Search of Van der Waerden». Полное понимание человека невозможно, можно лишь надеяться подойти к этому как можно ближе!

*Дорит и Тео ван дер Варденам, чья помощь сделала
возможной эту часть моего исследования,
посвящается с благодарностью настоящая глава*

Глава 1

Ранние годы

§ 1. Семья

Очень важно изучить ранние годы ван дер Вардена и выяснить его взаимоотношения с его выдающейся семьёй, которая включала двух членов голландского парламента и судью города Амстердам.

Согласно Тео ван дер Вардену, племяннику Бартела [WaT1], [WaT2],

Семья ван дер Варденов происходит (по сведениям начиная с XV века) из Южных Нидерландов, которые позже, после отделения Бельгии в 1830 году, назывались Северным Брабантом. Их предки жили вокруг (нынешнего) Эйндховена в небольших деревнях, были католиками и занимались сельским хозяйством.

Это семейное древо трудно восстановить, и наша главная цель не в этом. Поэтому давайте перелетим через полтысячи лет, к герою нашего исследования. Бартел (Барт) ван дер Варден родился в Амстердаме 2 февраля 1903 г. в фамильном доме по адресу Hondcoeterstraat, 5. Он был первым ребёнком доктора Теодора (Тео) ван дер Вардена (21 августа 1876 г., Эйндховен — 12 июня 1940 г., Ларен) и Доротеи ван дер Варден, урождённой Доротеи Адрианы Эндт (конец 1876 или 1877 г., Вагенинген — 14 ноября 1942 г., Ларен), поженившихся в Амстердаме 28 августа 1901 г. Ещё два сына, Конрад (Кун) и Бенно (Бен), появились на свет 29 декабря 1904 г. и 2 октября 1909 г. соответственно.

Отец Барта, Тео ван дер Варден, был третьим из восьми детей (трёх девочек и пяти мальчиков) Хендрика Йоханнеса ван дер Вардена¹, владельца крупного кузнечного предприятия, и Йоханны Хуберты Корнелии Госсенс. Дорит ван дер Варден, внучка Теодора и дочь Бена, сообщает живые подробности [WaD2]:

¹На семейных фотографиях, с. 16 и 17, вы можете видеть его портрет, висящий на стене.

Перечислю по возрасту [8 детей]: Паулина, Юстина, Тео, Ян, Херман, Харри, Тьё и Анна. Трое девочек не вышли замуж. Старшая, Паулина, стала монахиней, вторая, Юстина, заботилась о семье, а позже — о своих родителях и брате Тьё, который был несколько отсталым умственно. Все пятеро мальчиков были отправлены в технический университет в Делфте, где можно было стать инженером или архитектором. Им приходилось быстро проходить курс, чтобы дать место (в финансовом смысле) для учёбы следующего. Анна, младшая в семье, была очень способной и хотела учиться, как её братья, но ей не позволили. Работая, она продолжала заниматься и позже стала учительницей математики в средней школе.

В Делфтском техническом университете Тео и его младший брат Ян изучали гражданское строительство, и оба стали социалистами — в числе первых студентов-социалистов в Нидерландах [WaT1]. После выпуска Тео преподавал математику и механику в Лейвардене, Дордрехте и, наконец, в течение 20 лет (1902—1922) в Амстердаме. В 1911 году он получил степень доктора технических наук, защитив диссертацию «Образование и техника».

Годом раньше, 28 июня 1910 г., Тео был избран как представитель SDAP (Социал-демократической рабочей партии) в провинциальный

Доктор Тео, Барт, Доротея, Бен и Кун ван дер Варден, 1916 г.
Из собрания Дорит ван дер Варден

Доктор Тео, Барт, Доротея, Бен и Кун ван дер Варден, 1925 г.
Из собрания Дорит ван дер Варден

парламент Северной Голландии, где оставался до 1919 года. Он был также редактором газеты «De Socialistische Gids», где с 1916 г. начал публиковать статьи на экономические темы. С 17 сентября 1918 г. и до своей кончины 12 июня 1940 г. Тео ван дер Варден пользовался всеобщим почтением как член палаты представителей (нижней палаты) голландского парламента от SDAP. Опубликованное² в день смерти доктора Тео прощальное слово было озаглавлено «Работник с горячим сердцем и здравым умом»:

Рабочий класс теряет в нём одного из пионеров социализма в Нидерландах, который не берёт себя, человека, который всегда отдавал людям лучшее, что мог дать им.

Мы вспоминаем о нём с признательностью и уважением.

Мать Барта, Доротея ван дер Варден, дочь Конрада Эндта и Марии Анны Клей, происходила из голландской протестантской семьи. Трое сыновей очень любили её.

²«Het Volk», 12 июня 1940 г.

Когда в конце 1920-х гг. сыновья покинули фамильный амстердамский дом на Hondescoeterstraat, 5, доктор Тео и Доротея ван дер Варден переехали за 30 километров от Амстердама в городок Ларен, известный тем, что здесь жили многие известные голландские художники и интеллектуалы, в том числе крупнейший голландский математик Лёйтцен Эгберт Ян Брауэр. Тео построил здесь великолепный дом по адресу Verlengde Engweg, 10.

В 1940 г. Нидерланды были захвачены германскими агрессорами всего за пять дней, с 10 по 15 мая. Социал-демократ доктор Тео ван дер Варден, вероятно, был в списке голландцев, подлежащих скорейшему аресту и отправке в концлагерь. Записи в документах показывают, что он лишился германских захватчиков этого удовольствия, скончавшись от рака в 8 часов утра 12 июня 1940 года. Ему было шестьдесят три года. После смерти доктора Тео его жена Доротея жила в ларенском доме вместе со своей сестрой. Не в состоянии справиться с депрессией, вызванной германской оккупацией Нидерландов, Доротея утопилась в близлежащем озере 14 ноября 1942 года. Ларенские документы показывают, что она была найдена в 10 часов утра. Её внучка Дорит ван дер Варден, названная в честь Доротеи, сообщает [WaD1]: «Моего отца [Бен, брат Барта] позвала её сестра, которая жила вместе с ней после смерти Тео. Она сказала, что До (как её звали) исчезла. Мой отец пошёл туда и нашёл её в небольшом озере». Ей было шестьдесят лет.

Средний брат Барта Кун (29 декабря 1904 г. — 24 декабря 1982 г.), названный, видимо, в честь своего деда по матери, учился в Делфтском техническом университете, как ранее его отец и дядя Ян. Сын Куна Тео, названный в честь своего деда, предоставил мне много информации о своём отце [WaT1], [WaT2]:

После войны, в 1947 году, он [Кун] ... стал секретарём правления в издательстве «Arbeiderspers» [«Рабочая печать»], а через несколько лет генеральным директором этой компании. Это было крупнейшее издательство в Нидерландах, которое выпускало крупнейшую газету «Het Vrije Volk» и огромное количество книг. Он ушёл с поста генерального директора в 1966 г., поскольку его жена (моя мать) была очень больна. Она умерла в 1968 г. в возрасте 65 лет.

В течение двух периодов Кун был членом сената [верхней палаты] голландского парламента от PvdA [Партии труда]³, в общей сложности 10 лет (1957—1966 и 1970—1971)⁴, и был одним из лидеров своей партии. Кун был

³PvdA была основана в 1946 г. как преемница SDAP — партии Тео, отца Куна, — к которой присоединились Либерально-демократическая ассоциация и Христианско-демократический союз.

⁴Первый раз он покинул сенат из-за плохого здоровья жены, а второй раз — из-за собственных проблем со здоровьем.

также оратором по экономическим вопросам и членом профсоюзного крыла PvdA.

У Куна и Йоханны Корнелии Теенса, поженившихся в 1931 г., было трое детей — Карла, Тео и Дориен, родившиеся в 1935, 1937 и 1941 годах соответственно. Мужем Карлы, режиссёра телевидения, стал известный журналист Йоханнес Кристиан Ян (Хан) Ламмерс, который был активным членом PvdA, подобно своему тестю Куну. Он стал членом городского совета Амстердама, а позже, в 1985 г., — верховным комиссаром (1986—1996) королевы Беатрисы в большой новой провинции Флеволанд, отвоёванной у моря. Тео изучал право в Амстердамском университете и стал директором голландской ассоциации какао и шоколада. Дориен стала художницей.

О Бенно (Бене), младшем из братьев Барта, и о его героическом поведении во времена нацизма в Германии и германской оккупации Нидерландов я многое узнал от его дочери Дорит [WaD1]:

Мой отец Бенно родился 2 октября 1909 г. и умер 9 мая 1987 г. Мою мать звали Роза Ева Луиза Вейль — отсюда мои еврейские корни, — она родилась 26 июля 1909 г. Мать умерла 4 года назад. Они встретились в 1939 г. и поженились в том же году через 4 месяца.

Бенно посещал то, что мы называем гимназией, — в противоположность отцу и двум братьям он не имел склонности к математике. Бенно был самым младшим. Он изучал право [Амстердамский университет, 1927—1932] и стал юристом. У него был собственный однокомнатный офис в доме на канале, общем с другими юристами, а жил он в двухкомнатной мансарде. Моя мать тоже переселилась туда, и все трое детей родились там во время войны. Это несколько удивительно, но я думаю, что родители были слишком стары, чтобы ждать с детьми, и надеялись, что война скоро закончится.

Во время оккупации для юриста не было работы, но позже отец вернулся к ней, однако попросил должность судьи. Это всегда было его мечтой, и в 1949 году он был назначен [судьёй города Амстердам]. Как судья он уделял большое внимание возвращению преступников в общество по окончании срока наказания. Мой отец основал в Голландии организацию для помощи заключённым и недавно освобождёвшимся. Организация много делала для возвращения этих людей в общество, устройства их на работу и так далее. Он был очень хорошо известен как гуманный судья, внимательный к личным обстоятельствам людей, стоящих перед ним, и всегда вежливый и корректный. По политическим взглядам он был социалистом, как его отец и брат Кун, но как судья не считал правильным состоять в какой-либо политической партии, так что он больше не занимался такой деятельностью. Моя мать имела специальность врача, но основную часть жизни была домохозяйкой.

То, что мой отец женился на еврейке, не было случайностью, как я полагаю. В тридцатые годы он активно помогал германским евреям бежать из Германии в Голландию. Во время оккупации отец делал фальшивые доку-

менты для евреев. Я мало знаю об этом, поскольку об этом периоде никогда не говорили в нашей семье, как и в большинстве семей.

У моих родителей было трое детей: 13 мая 1941 г. родилась я, Доротея-Луиза, брат Хан родился 14 апреля 1943 г., а сестра Аннеке — 8 февраля 1945 г. Мой брат — хозяин магазина старых плакатов. Моя сестра — известный художник по керамике. Я психолог. Я единственная, кто снова занимается политикой — на местном уровне, в левой партии зелёных.

Бартел Лендерт ван дер Варден испытывал понятную гордость от принадлежности к этой выдающейся семье слуг общества. В трудные послевоенные времена он будет обращаться к своему отцу и братьям как высшим судьям своего характера и совести.

§ 2. Юный Бартел

Коллективная память семьи сохраняет смешной, но содержательный рассказ о юном Бартеле. Им поделилась со мной его тётя Аннемари ван дер Варден:

Когда Барт был подростком, отец запретил ему цепляться за автомобили при езде на велосипеде. В следующий раз его уличили в цеплянии за трамвай. Конечно, отец рассердился. Но Барт сказал вполне невинным тоном: папа, но ты же запретил мне цепляться за **автомобили**?!

В 1919 г. Бартел поступил в Амстердамский университет. Ему было всего 16 лет (как ранее Л. Э. Я. Брауэру, когда последний поступил в тот же университет). Дирк ван Дален в своей замечательной двухтомной монографии [Dal1], [Dal2]⁵ о величайшем нидерландском математике Л. Э. Я. Брауэре приводит⁶ очень живые и содержательные замечания о студенческой жизни и личности молодого Бартела ван дер Вардена:

Изучение математики было для него приятным времяпрепровождением. Вспоминая о своих занятиях, он сказал: «Я слушал лекции Брауэра вместе с Максом Эйве и Лукасом Смидом⁷. Мы втроём слушали лекции, очень трудные — он трактовал теорию интегрирования Лебега с позиций интуиционизма, и такой подход работает. Весьма интересно, что Брауэр никогда не уделял аудитории никакого внимания. Всё время он вглядывался в точку на противоположной стене. Он жил в Ларене, довольно изолированно... После лекции он немедленно уходил, так что общаться с Брауэром

⁵См. мои рецензии этой монографии в «Geombinatorics» (V.16, № 2. P.278—285) и в «Zentralblatt für Mathematik».

⁶[Dal2, с. 516—519].

⁷Макс Эйве — чемпион мира по шахматам 1935—1937 гг.; Лукас Смид — специалист по математике страхования.

было очень трудно». Ван дер Варден делал тщательные записи на занятиях, и обычно этого было достаточно для овладения всем материалом. Курс Брауэра был исключением. Ван дер Варден вспоминал, что «вечером ему действительно приходилось думать над материалом полчаса, чтобы в итоге его понять».

Ван дер Варден был талантливым студентом, и он хорошо сознавал этот факт. Его присутствие на занятиях сопровождалось яркими и подчас не почтительными замечаниями. Быстрый и остроумный (в гораздо большей степени, чем большинство его профессоров), он мог сделать жизнь посредственных преподавателей у доски поистине несчастной. Во время довольно заурядных лекций ван дер Ваальса-младшего он мог внезапно, со своим характерным заиканием, выкрикнуть: «Профессор, что за чепуху Вы сейчас пишете?» Он не допускал таких выхонок во время лекций Брауэра, но был одним из немногих, кто осмеливался задавать вопросы.

Как мы увидим, такой сарказм по отношению к коллегам-математикам станет вполне характерным для ван дер Вардена.

Когда пришло время последнего экзамена и докторской диссертации, наставником ван дер Вардена был не Брауэр, как можно было бы предположить. Ван Дален объясняет [Dal2]:

Можно было бы подумать, что такой яркий студент был бы Брауэру по сердцу. На самом деле Брауэр был далёк от математики ван дер Вардена; более того, Брауэр хотел оставаться один, чтобы создавать свою собственную математику. Меньше всего он хотел иметь дело со способным молодым человеком, который будет прерывать его собственные размышления яркими замечаниями и вопросами. При этом он, несомненно, оценил математические дарования ван дер Вардена.

Действительно, 21 октября 1924 г. Брауэр написал для ван дер Вардена рекомендательное письмо⁸, адресованное Гёттингенскому приват-доценту топологу Хельмуту Кнезеру:

Через несколько дней мой студент (фактически Вейценбёка) придет в Гёттинген на зимний семестр. Его имя ван дер Варден, он очень одарён и уже публиковался (а именно по теории инвариантов). Я не знаю, нужно ли выполнять трудные формальности иностранцу, который хочет там зарегистрироваться; тем не менее для ван дер Вардена было бы очень важно найти некоторую поддержку и руководство. Может ли он обратиться — наивно, один раз — к Вам? Заранее благодарен.

Это рекомендательное письмо, видимо, оказалось важным для ван дер Вардена: в его архиве в ЕТН я нашёл и подлинник Брауэра, и нес-

⁸ЕТН, Нs 652:10563, 10563a и 10563b. Здесь и далее ЕТН — это Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (часто упоминается как Швейцарский федеральный технологический институт), один из ведущих мировых исследовательских центров и университетов.

колько копий, написанных рукой ван дер Вардена. Брауэр, выглядевший столь эгоцентричным по отношению к столь многим коллегам, в действительности выказал почти материнскую заботу о молодом ван дер Вардене, когда пытался получить для него рокфеллеровскую стипендию Международного совета по образованию (International Education Board, или сокращённо ИЕВ). Брауэр послал 8 апреля 1925 г. рукописное письмо⁹ по-английски доктору Огастесу Тробрюбриджу (1870—1934), главе отделения ИЕВ в Париже (в прошлом профессору физики в Принстоне):

Я несколько озабочен тем, что формы, заполненные для ван дер Вардена, могут не поступить к Вам до 15 апреля. Я послал их профессору Нётер (непосредственному наставнику ван дер Вардена в Гёттингене), которая должна подписать их в знак поддержки вслед за мной как инициатором, но они не возвращаются, т. е. мисс Нётер, видимо, отсутствует в Гёттингене и не имеет регулярного почтового сообщения со своим домом (март и апрель — месяцы каникул в Германии).

В этих формах ван дер Варден просит стипендию на семь месяцев (три в летнем семестре и четыре в зимнем) в сумме 100 долларов в месяц.

Ван дер Вардену была назначена эта рокфеллеровская стипендия в Гёттингенском университете на семь месяцев (1925—1926) для изучения абстрактной алгебры под руководством Эмми Нётер. Ван Дален отмечает:

Учитывая алгебраические интересы ван дер Вардена, руководить им должна была Эмми Нётер. В Гёттингене ван дер Варден под крылом Эмми со временем стал ведущим алгебраистом. Ей очень понравился молодой голландец: «Что ван дер Варден доставит нам много радости, было правильно предсказано Вами. Статья („Нули полиномиальных идеалов“), представленная им в августе в „Анналы“, особенно замечательна», — писала она Брауэру [14 ноября 1925 г.].

Ван дер Варден действительно был хорошо принят в Гёттингене. Он произвёл впечатление не только на недооценённую официально либеральную еврейку Эмми Нётер, но и на гёттингенских официальных лидеров Давида Гильберта и Рихарда Куранта. В недалёком будущем оба напишут рекомендательные письма для молодого голландца.

Любопытно, что ван дер Варден написал свою диссертацию в 1925 г. в Нидерландах, во время прохождения воинской службы на военно-морской базе Ден Хельдер. Ван Дален приводит эпизод, типичный по

⁹Письмо хранится в Рокфеллеровском архивном центре (RAC). Благодарю Рейнхарда Зигмунд-Шульце, который предоставил мне этот и некоторые другие документы 1925, 1927 и 1933 годов, относящиеся к ван дер Вардену.

впечатлению, которое производил ван дер Варден на людей в течение своей жизни [Dal2]:

В математике ван дер Варден легко был признан выдающимся учёным, но в «реальном мире» он явно не производил столь сильного впечатления. Когда ван дер Варден отбывал срок воинской службы на военно-морской базе в Ден Хельдере, городке на северном краю Северной Голландии, его однажды посетил руководитель его диссертации [Хендрик де Фриз]. Позже он говорил, что на командира юноша не произвёл впечатления: «приятный парень, но не слишком умный».

Один вопрос остаётся для меня загадкой: почему ван дер Варден не стал защищать докторскую диссертацию в своём любимом Гёттингене? Похоже, что столь же озадачен и ван Дален [Dal2]:

Несмотря на свою популярность в Гёттингене, ван дер Варден вернулся в Амстердам за докторской степенью. Возможно, он хотел, чтобы его руководителем был Брауэр, но Брауэр систематически препятствовал студентам писать диссертацию под его руководством. Брауэр не был заинтересован в почёте, радости и тяготах, связанных с ролью руководителя докторской диссертации... Роль руководителя молодого Бартела взял на себя де Фриз¹⁰. Темой диссертации ван дер Вардена была исчислительная геометрия, которая позже составила предмет монографии самого де Фриза [1936]. Диссертация ван дер Вардена [«Алгебраические основы исчислительной геометрии», 1926] немедленно создала ему известность в мире алгебраических геометров ввиду своего значения как надёжного фундамента этой области.

Оценка ван Далена «немедленная известность в мире алгебраических геометров» — это высокая планка. Чтобы её проверить, я иду в библиотеку Fine Library Принстонского университета и оказываюсь первым человеком, когда-либо потребовавшим эту диссертацию 1926 г. [Wal1]. Эта малоизвестная 37-страничная брошюра (плюс несколько страниц предисловия) на голландском языке, без каких-либо доказательств, напечатанная, как я предполагаю, в ничтожном количестве экземпляров (кто её купит?), никак не могла сделать автора известным. Конечно, ван дер Варден завоевал известность в алгебраической геометрии большой серией статей на эти темы, опубликованной в самом престижном журнале «*Mathematische Annalen*», но позже.

¹⁰Де Брёйн сообщает [Br2]: «Следующий факт может Вас заинтересовать. По-видимому, я однажды слышал о нём от [А.] Гейтинга. Был в Амстердамском университете известный профессор геометрии Х. де Фриз. Факт состоит в том, что, как рассказывал позже Х. де Фриз, в один год у него было три блестящих студента: Б. Л. ван дер Варден, Макс Эйве и К. Цвиккер, и лучшим из трёх был [будущий чемпион мира по шахматам] Эйве. Цвиккер стал профессором физики».

В предисловии к своей диссертации ван дер Варден, разумеется, благодарил своего руководителя Хендрика де Фриза и своих профессоров Вейценбёка, Эмми Нётер, Брауэра и Маннури. Он также воздал должное профессору Йохану Антони Баррау, которого мы вскоре вновь встретим на этих страницах:

На первый [пробел в доказательстве] обратил моё внимание профессор Баррау, заметивший, что теорема о числе пересечений кривой и поверхности в проективном R^3 -пространстве, которая обычно приписывается Безу, была доказана Безу лишь в весьма частном случае, когда кривая есть полное пересечение двух поверхностей. Профессор Баррау наметил два возможных доказательства в последующей переписке со мной; одно из них, указанное профессором Вольфом, опиралось на теорию римановых поверхностей.

§ 3. Ван дер Варден в Гамбурге

В 1975 г. ван дер Варден приступает к рассказу о Гамбурге следующим образом [Wa18]:

[В 1926 г.] я поехал в Гамбург как рокфеллеровский стипендиат, чтобы заниматься с Гекке, Артином и Шрейером.

Он подтверждает это в интервью 1993 года [Dol1]:

Да, после одного семестра в Гёттингене Курант начал обращать на меня внимание. Он обеспечил мне, по рекомендации Эмми Нётер, рокфеллеровский грант на один год. По нему я занимался следующий семестр в Гёттингене и один семестр в Гамбурге с Артином.

В 1930 г. в книге «Современная алгебра» [Wa3] ван дер Варден перечисляет свои занятия в Гамбурге, когда указывает источники этой книги:

Лекция Э. Артина по алгебре (Гамбург, летняя сессия 1926 г.).

Семинар по теории идеалов под руководством Э. Артина, В. Бляшке, О. Шрейера и автора [т. е. ван дер Вардена] (Гамбург, зима 1926/27).

Я запросил Гамбургский университет, какую должность занимал ван дер Варден в Гамбурге в 1926—1927 гг. На мой запрос дал ответ декан отделения математики профессор Александер Кройцер 11 января 2006 г.:

Несомненно, он [ван дер Варден] не был помощником руководителя математического семинара Гамбургского университета, а значит — и ассистентом кого-либо из профессоров. (В то время слово «ассистент» не употреблялось.)

Он не упоминается в перечне курсов¹¹, как любой штатный сотрудник университета, и он не читал лекций. Он был здесь в течение одного семестра, и мы полагаем, что в это время он ещё получал рокфеллеровскую стипендию (или ещё какие-то деньги не от Гамбургского университета).

Карин Райх, профессор Гамбургского университета по истории естествознания, математики и техники на кафедре математики, подтвердила слова Кройцера (намекая, что всё это я бы узнал, всего лишь прочитав других биографов):

Что касается ван дер Вардена, я не могу сообщить Вам ничего, отличного от сведений Р. Тиле и А. Кройцера. Ван дер Варден не стал штатным сотрудником, он был рокфеллеровским стипендиатом, что отмечено во всех [sic] его биографиях.

Профессор Райх права: это «отмечено во всех биографиях» — но становится ли поэтому истиной? Следует остановиться и усомниться: в конце концов, немецкие авторы, особенно историки Гамбургского университета, знают его историю лучше всех — но так ли?

Гёттингенский наставник ван дер Вардена Рихард Курант — который должен был лучше моих теперешних гамбургских коллег знать, был ли ван дер Варден участником математического семинара, — 29 ноября 1926 г. адресует своё письмо¹² «Herrn Dr. v. d. Waerden, Hamburg. Mathem. Seminar der Universität». Далее, согласно Рейнхарду Зигмунд-Шульце, автору фундаментальной книги [Sie] о поддержке математиков Рокфеллером, рокфеллеровский архив не содержит упоминаний о том, что ван дер Варден получал ещё когда-либо рокфеллеровскую стипендию: ни в 1926—1927 годах, ни в 1933 г. (запись за 1933 г. показывает, что он, по крайней мере, просил о ней).

Мы точно знаем, что ван дер Варден был в Гамбурге 15 января 1927 г., поскольку рокфеллеровский сотрудник Уилбур Эрл Тиздейл, новый помощник Огастеса Трuebas Трuebas, главы парижского отделения Международного совета по образованию (IEB), записал¹³ в своём дневнике 15 января 1927 г.:

¹¹Формально декан Кройцер прав. Однако мы видим в перечне курсов зимнего семестра 1926/27 учебного года в разделе «Для старших курсов»: «561 Vortragsseminar über Algebra: Prof. Artin, Prof. Blaschke, Dr. Schreier. Fr[itag] 12-2 MathS[eminar]» — в точности как указал ван дер Варден в «Современной алгебре», см. выше; разница лишь в том, что в перечне отсутствует его имя. Осмелюсь предположить, что просто он был добавлен к числу руководителей этого семинара слишком поздно, чтобы это было отражено в перечне курсов.

¹²New York University, Archive, Richard Courant Papers.

¹³Rockefeller Archive Center (RAC), «Tislog» (Tisdale's Log).

Я говорил более часа с ван дер Варденом, у которого закончился срок стипендии этой [т. е. 1926 года] весной. Теперь он ассистент [sic] профессора Гекке, но в апреле поедет в Гёттинген как ассистент профессоров Куранта и Эмми Нётер. Для него это заметное продвижение, и он относит его к возможностям, предоставленным его стипендией.

Таким образом, человек, который бы предоставлял ван дер Вардену рокфеллеровские деньги, утверждает, что ван дер Варден *не* был рокфеллеровским стипендиатом в Гамбурге, а являлся «ассистентом профессора Гекке», — причём утверждает в настоящем времени. Далее в своих записях Тиздейл упоминает, что ван дер Варден записал о себе в январе 1927 г.: «*Ван дер Варден, ассистент [sic] по алгебраической геометрии и алгебре*».

С другой стороны, 23 июля 1928 г. кураторы Гронингенского университета предоставили следующие сведения¹⁴ нидерландскому министру образования, искусств и наук:

Он [ван дер Варден] получил докторскую степень в Амстердаме в 1926 г.; после этого он был ассистентом профессора [Вильгельма] Бляшке в Гамбурге.

То же повторено в приложении к голландскому математическому журналу «*Euclides*»¹⁵, где под фотографией молодого и статного Бартела в июне 1931 г. читаем среди прочего:

Ассистент профессора Бляшке в Гамбурге 1927/28 уч. г.

Таким образом, ван дер Варден был в Гамбургском университете на должности ассистента, без преподавательских обязанностей, но принимал участие в ведении семинара совместно с Артином, Бляшке и Шрейером. Формально он был ассистентом Гекке — поскольку я считаю записи Тиздейла наиболее достоверным документом — или же Бляшке, но, разумеется, основной целью его пребывания в Гамбурге было изучение абстрактной алгебры под руководством Эмиля Артина. Из переписки¹⁶ ван дер Вардена с Курантом нам известно, что ван дер Варден находился в Гамбурге в течение летнего и зимнего семестров 1926/27 уч. г. (а не один семестр, как сообщил декан Кройцер). И нам известно, что это время было, видимо, важнейшим в его математической биографии.

Гамбургский период позволяет также узнать кое-что о взглядах и личности ван дер Вардена. Во время уже упомянутой беседы с ван дер

¹⁴Het Nationaal Archief, Гаага, поисковый номер 2.14.17, номер записи 73 (архив министерства образования).

¹⁵«*Euclides*», 7-й год (т. е. 1931 г.), № 6. Кстати, там ошибка в датах: правильно 1926/27 уч. г.

¹⁶New York University, Archive, Richard Courant Papers.

Варденом 15 января 1927 г. Тиздейл отмечает его пристрастие к категорическим суждениям:

Хотя он [ван дер Варден] молод, он имеет очень чёткие и определённые мнения — пожалуй, даже слишком. Я говорил с ним о Клостермане¹⁷, и он, в своей откровенной манере, сказал, что считает Клостермана ленивым, средним, прямолинейным, но темпераментным и заранее требующим для работы идеальных условий... Он полагает, что [Эдмунд] Ландау из Гёттингена — не особенно глубокий человек¹⁸.

Всё же ван дер Варден оставляет у Тиздейла положительное впечатление:

Ван дер Варден нравится мне как очень целеустремлённая, одарённая и увлечённая личность. К сожалению, он страдает заиканием, особенно в более напряжённые моменты, но с ним так приятно разговаривать, что дефект ощущается минимально. Я объяснил ему, что серьёзные успехи таких стипендиатов, как он, могут весьма способствовать предоставлению средств последующим стипендиатам, и он отреагировал с энергичным одобрением.

Как записал Тиздейл, в этой беседе Ван дер Варден положительно оценивает своё математическое окружение в Гамбурге:

По его мнению, гамбургская школа исключительно сильна, особенно если учесть ее молодость. Очень сильное ядро составляют профессор Бляшке в дифференциальной геометрии, профессор Гекке в алгебраической теории чисел и профессор Артин в алгебраической теории чисел и общей алгебре, а также [Отто] Шрейер, внештатный лектор и ассистент по теории групп; ван дер Варден, ассистент по алгебраической геометрии и алгебре; [Ханс] Петерсон, ассистент по аналитической теории чисел; [Генрих] Бенке, ассистент профессора Гекке по аналитическим функциям; а также Клостерман, стипендиат ИЕВ по аналитической теории чисел; Цвирмер — по алгебраической теории чисел; и Гаакке (в последнее время — ассистент в Иене) — по геометрии.

§ 4. История Книги

Эмиль Артин, создатель абстрактной алгебры как дисциплины, обещал Рихарду Куранту написать книгу по абстрактной алгебре для ре-

¹⁷Хендрик Доув Клостерман (1900—1968), впоследствии профессор Лейденского университета (1947—1968).

¹⁸Годом позже этот прославленный специалист по теории чисел, или, согласно ван дер Вардену, «не особенно глубокий человек», получит просьбу написать — и напишет — пылкую рекомендацию для успешного назначения ван дер Вардена на должность полногo профессора в Гронингене.

дактируемой Курантом «Жёлтой серии» в издательстве «Springer». В течение лета 1926 г. он читал курс алгебры, который посещался ван дер Варденом, делавшим тщательные записи. Артин согласился написать книгу на основе своих лекций совместно с 23-летним молодым голландцем. Однако, как все мы знаем, книга появилась через несколько лет под одним именем — именем Ученика, без Мастера.

Что же случилось? Это вопрос огромного значения, поскольку Книга стала одной из самых известных и популярных в истории математики. Однако я не обнаружил никаких опубликованных исследований на эту тему. Ван дер Варден рассказывал об этом, его интервьюеры и бывшие ученики повторяли, а историки и математики некритически принимали созданную таким образом легенду! Приглашаю присоединиться ко мне и взглянуть на документы. Уместнее всего предоставить первое слово ван дер Вардену [Wa18], который (в 1975 г.) сообщает нам, сколь огромен в действительности вклад Артина в Книгу:

Артин прочёл курс алгебры летом 1926 г. Он обещал написать книгу по алгебре для шпрингеровской «Жёлтой серии». Мы решили, что я буду записывать лекции и мы напишем книгу вместе. Курант, редактор серии, согласился. Лекции Артина были изумительны. Я обрабатывал свои записи и показывал Артину одну главу за другой. Он был совершенно удовлетворён и сказал: «Почему Вы не напишете всю книгу?».

Главными темами в лекциях Артина были поля и теория Галуа. В теории полей Артин в основном следовал Штейницу, и я лишь обработал свои записи. То же и в теории Галуа: её изложение в моей книге принадлежит Артину.

Разумеется, Артин должен был объяснить в самом начале своего курса основные понятия, такие как группа, нормальный делитель, факторгруппа, кольцо, идеал, поле и многочлен, и доказать теоремы, такие как Homomorphiesatz (теорема о гомоморфизмах) и теоремы о единственности разложения для целых чисел и многочленов. Эти вещи были общеизвестны. В большинстве случаев я просто воспроизвёл в своих записях доказательства Артина.

Я встречал Артина и Шрейера почти каждый день в течение двух или трёх семестров. Я имел счастье видеть, как они создавали теорию «вещественных полей» и как Артин доказал свою знаменитую теорему о представлении знакоопределённых функций в виде сумм квадратов. Я включил всё это в свою книгу (глава 10). Моими источниками служили, разумеется, две статьи Артина и Шрейера в «Abhandlungen aus dem mathematisches Seminar Hamburg» (1926, № 5, p. 83¹⁹, 100).

Ван дер Варден воздаёт дальнейшие похвалы Артину (там же):

¹⁹На самом деле 85. Указано начало статьи Артина и Шрейера (85) и статьи Артина (100).

В главе 5 («Теория полей») я в основном следовал Артину и Штейницу...

Глава 7 по теории Галуа основана на курсе лекций Артина...

В главе 10... (а) теория вещественных полей Артина—Шрейера и представление положительных рациональных функций как сумм квадратов... При изложении темы (а) я близко следовал статьям Артина и Шрейера.

Ван дер Варден повторяет этот рассказ в 1994 г., и профессор Дольд Самплониус публикует его [Dol1]:

Предполагалось, что Артин напишет книгу, и он хотел написать её вместе со мной. Закончив первую главу, я показал её Артину. Затем я послал ему вторую и спросил, как продвигается его часть книги. Он ещё ничего не сделал. Тогда он оставил мысль написать книгу вместе со мной. Тем не менее, книга основана на лекциях Артина и Нётер.

Идиллию усиливает Дольд-Самплониус в её панегирике ван дер Вардену в 1997 г. [Dol2]:

Артин в то лето читал курс алгебры, и они планировали вдвоём, основываясь на записях ван дер Вардена, написать книгу по алгебре для «Жёлтой серии» издательства «Springer». Когда ван дер Варден стал обрабатывать свои записи и показывать Артину одну главу за другой, Артин был столь удовлетворён, что сказал: «Почему Вы не напишете всю книгу?»

«Артин был столь удовлетворён», — предлагают нам поверить ван дер Варден и Дольд-Самплониус. На самом деле Артин был столь возмущён, что, очевидно, отказался писать книгу вместе с непочтительным и неблагодарным учеником. Я читаю — с огромным удивлением — письмо²⁰ Рихарда Куранта ван дер Вардену от 6 августа [192]7 г.:

Дорогой господин в. д. Варден!

Господин Артин прислал мне копию прилагаемого письма, которым я потрясен и озабочен. Понимаете ли Вы позицию Артина? Я — нет. Стоят ли за этим личные чувства, или эти разногласия — объективной природы? В любом случае, Артина нельзя заставить. Но я хотел бы услышать Ваше мнение, прежде чем отвечать ему.

Надеюсь, что Вы его не рассердили.

Ясно, что Артин отказался писать книгу вместе с ван дер Варденом и этим «удивил» Куранта. Артин явно был задет ван дер Варденом, но как? Давайте взглянем на сохранившиеся свидетельства.

29 ноября 1926 г. небеса безоблачны, как видно из письма²¹ Куранта ван дер Вардену:

²⁰New York University, Archive, Courant Papers.

²¹Ibid.

Дорогой господин ван дер Варден!

Как обстоит дело с Вашим назначением [Habilitation]? Было бы очень хорошо привести это дело в движение.

Как Ваши другие дела? Как продвигается Ваша с Артином книга?

Первые облака мы видим в ответе²² ван дер Вардена от 2 декабря 1926 г.:

Жёлтая книга продвигается; я закончил большой раздел; я наполовину закончил другие части, и план всей книги становится яснее в деталях из бесед с Артином, единственная проблема — что сам Артин пишет очень мало.

Итак, Артин прочёл курс, его материал «становится яснее в деталях из бесед», но «сам Артин пишет очень мало», или — как выразился бы Редьярд Киплинг [Kip] — Артин не стал «таскать и возить, как все мы». Два месяца спустя, 2 февраля 1927 г., мы ощущаем более густые тучи в письме²³ Ученика, недовольного своим Мастером:

Моё общение с Артином по-прежнему очень плодотворно. Он непрерывно откапывает хорошие вещи, которые тоже надо будет включить в книгу, а из наших бесед выясняются многие подробности, благодаря которым упрощаются доказательства или открываются новые взаимосвязи. Хотя он и не работает над книгой непосредственно, она всё же продвигается вперёд.

Выглядит так, что Артин не только создал хорошо продуманный лекционный курс, готовый для записи, но и вносит дальнейший вклад в совместную книгу: «он непрерывно откапывает хорошие вещи», «выясняются многие подробности, благодаря которым упрощаются доказательства или открываются новые взаимосвязи». Но Артин не «пашет, как все мы» (снова Киплинг), и Ученик расстроен и, судя по письмам Куранту, видимо, обвиняет Мастера в том, что тот *не пишет справедливую долю* «хороших вещей». Ван дер Варден утверждает, что «он [Артин] ничего ещё не сделал». Это могло бы объяснить вспышку Артина и отказ писать свою книгу вместе с ван дер Варденом. Теперь можно лучше понять цитированное выше интервью 1994 года [Doll]. На самом деле ван дер Варден говорит нам правду, но без окружающего контекста. Вернёмся к этому интервью, зная теперь контекст. Ван дер Варден говорит:

[Я] спросил его [Артина], как продвигается его часть книги. Он ещё ничего не сделал. Тогда он оставил мысль писать книгу вместе со мной.

²²New York University, Archive, Courant Papers.

²³Ibid.

Но, независимо от Мастера, Ученик уже получил всё необходимое и может теперь опубликовать книгу сам, с благословения своего наставника и редактора «Жёлтой серии» Рихарда Куранта.

Как математик, я был соавтором многих совместных работ. Нас никогда не беспокоило, кто записал совместные идеи и доказательства. Такие великие математики, как Пал Эрдёш, И. М. Гельфанд и Саарон Шелах, часто предоставляли написание совместных работ своим соавторам. (Как соавтор Эрдёша и Шелаха, я это хорошо знаю.) Меня удивляет узкое понимание соавторства ван дер Варденом. Чтобы создать книгу, нужно не просто записать её, но прежде всего найти и соединить множество идей, теорем, доказательств, придав всему материалу структуру и стиль, и во всей этой работе вклад Артина был неизмерим. Публиковать книгу, основанную на идеях Артина, и не указать Артина хотя бы как соавтора было, по моему мнению, совершенно недопустимо. Это можно квалифицировать как акт присвоения (*nostrification*). Предоставляю Рихарду Куранту [Cour] определить этот термин:

Как бы то ни было, учёный имеет определённую обязанность уделять внимание другим и воздавать им должное. В этом отношении гёттингенская группа была известна недостатком чувства ответственности. Обычно мы называли этот процесс — узнать нечто, забыть, откуда узнал, затем, возможно, сделать то же самое лучше и опубликовать без должных ссылок — процессом «присвоения» [*nostrification*]. Это было очень существенной чертой гёттингенской группы.

На титульном листе своей книги — какое необычное место для благодарностей — ван дер Варден воздал-таки должное лекциям Артина (и лекциям Нётер) как «использованным» в книге — но достаточно ли было этого? Сколько теорем, доказательств, идей требовали — и не получили — отдельной ссылки на Артина?

Ван дер Варден опубликовал два тома в 1930 и 1931 годах в редактируемой Рихардом Курантом «Жёлтой серии». Великая книга имела великий успех. Она вдохновила поколения математиков (включая меня) и сделала Б. Л. ван дер Вардена знаменитым.

Несомненно, ван дер Варден заслуживает признательности за то, что написал и опубликовал эту книгу. В какой мере заслуживает — зависит от того, насколько книга близка к лекциям Артина и насколько они были пригодны к публикации. Те, кто посещал лекции Артина летом 1926 г., сегодня не могут давать оценки. Но здесь, в Принстонском университете, я нашёл изрядное количество учеников Артина из его принстонского периода (1946—1958): это Герард Вашнитцер (который слушал все курсы Артина в 1947—1952 годах), Гарольд В. Кун, Роберт

К. Ганнинг, Хейл Ф. Троттер, Джозеф Дж. Кон и Симон Б. Кочен. Спрошенные независимо, они были поразительно единодушны в своих суждениях и даже в употребляемых эпитетах. Высокий, худой, элегантный, с сигаретой в одной руке и мелом в другой, всегда без всяких записей (ну иногда маленький клочок бумаги, вынутый на секунду из кармана пиджака), Артин читал лекции изящные, отшлифованные, хорошо продуманные — и до такой степени, что их тщательно сделанные записи были бы вполне похожи на законченную книгу. Гарольд Кун, слушавший курс Артина в 1947 г., вспоминает:

Лекции Артина были построены как музыкальная пьеса: со вступлением, экспозицией, разработкой, репризой и кодой.

«Таким образом, записанные лекции составили бы книгу?» — спросил я Гарольда, который ответил:

Несомненно. В действительности записи лекций составили несколько книг Артина — о теории Галуа, о теореме Коши и т. д.

Ван дер Варден делал такие записи в своём поколении; Серж Ленг — в своём²⁴. В своей книге [Lan, с. vi, в рус. перев. с. 8] Ленг называет книгу ван дер Вардена «Артин — Нётер — ван дер Варден» — достаточно корректно, — но тогда он должен был назвать свою книгу «Артин — Ленг», *не так ли?*

Был и другой способ воздать должную честь своему учителю. Ван дер Варден дал пример этого, когда не «присвоил» записи чужих лекций. Но, разумеется, это был особый случай его почитаемой наставницы *фрейлейн* Эмми Нётер [Wa18]:

Я вёл записи последнего курса [Эмми Нётер], и эти записи составили основу публикации Эмми Нётер [sic] в журнале «*Mathematische Zeitschrift*» (1929, № 30, p. 641).

§ 5. Теорема о монохроматических арифметических прогрессиях

В сентябре 1927 г. на годовом заседании Немецкого математического общества в Бад-Киссингене Бартел Л. ван дер Варден анонсировал доказательства следующего результата [Wa2]:

Для любых k, l существует такое $N = N(k, l)$, что если множество целых рациональных чисел $1, 2, \dots, N$ разбито на k классов, то в одном из классов содержится арифметическая прогрессия длины l .

²⁴ «Поскольку алгебре научил меня Артин, чувство обязанности по отношению к нему пронизывает всю книгу», — писал Ленг в предисловии к своей книге «Алгебра» [Lan].

Голландский профессор Воутер Переманс, защитивший в 1949 г. диссертацию под руководством ван дер Вардена, пишет [Per, с. 135], что этот «результат... сразу сделал его [ван дер Вардена] знаменитым в математическом мире»²⁵.

Мне искренне нравится этот классический результат, и в первую очередь именно поэтому я заинтересовался жизнью ван дер Вардена. Признаю, однако, что появление этого результата не могло «сразу сделать ван дер Вардена знаменитым в математическом мире», — на самом деле потребовалось время, чтобы эта публикация была замечена и развился вкус к подобным новым результатам рамсеевского типа. Вначале сам ван дер Варден, видимо, не оценил высоко свой, ныне классический, результат и не ожидал такой оценки от других, поскольку опубликовал его в малоизвестном голландском журнале «*Nieuw Archief voor Wiskunde*», тогда как статьи по алгебраической геометрии, которые считал важными, публиковал в самом престижном журнале «*Mathematische Annalen*». Николас Г. де Брёйн, который это знает лучше всех, подтверждает [Br1, с. 116]:

Старое и почтенное, насколько это было возможно для «*Wiskundig Genootschap*», оно всегда было не более чем математическим обществом маленькой страны. Поэтому неудивительно, что его журнал, «*Nieuw Archief voor Wiskunde*», имел относительно малый тираж и, как эффект второго порядка, в «*Nieuw Archief*» попадала не более как малая доля важнейших достижений голландцев в математике.

Из захватывающей статьи ван дер Вардена «Как было найдено доказательство гипотезы Бодэ» [Wa13], [Wa14], [Wa16], [Wa17] и [Wa20] мы узнаём, что доказательство было получено в результате сотрудничества трёх математиков — Эмиля Артина, Отто Шрейера и Бартела Л. ван дер Вардена, — но приписано лишь одному, который опубликовал результат. Позвольте воспроизвести лишь один отрывок из воспоминаний ван дер Вардена:

Отыскание доказательства гипотезы Бодэ было хорошим примером коллективной работы. Каждый из нас троих внёс существенные идеи. После обсуждения с Артином и Шрейером я доработал детали доказательства и опубликовал его в «*Nieuw Archief voor Wiskunde*» (1927, № 15, p. 212).

²⁵Переманс также пишет: «Эта задача циркулировала в двадцатые годы в немецких математических кругах, и знаменитые математики, например Артин и Шрейер, безуспешно пытались решить её. Ван дер Вардену это удалось». Мне неизвестны подтверждения этой легенды. На самом деле сам ван дер Варден противоречит ей [Wa13], [Wa14], [Wa16], [Wa17] и [Wa20].

Дотошный историк математики (если существуют такие неосторожные люди) возразил бы мне, указав ссылку на Артина в сноске к этой публикации 1927 года [Wa2]. В самом деле, мы читаем:

Гипотеза, что обобщение от $k = 2$ к произвольному k можно провести по индукции, исходит от господина Артина.

Вклад Артина и Шрейера был гораздо больше — ван дер Варден подробно рассказал об этом, — и, таким образом, теорему следовало бы опубликовать от имени всех трёх авторов. Видимо, ван дер Варден просто не осознал значение этого результата и потому не подумал о совместном авторстве, поскольку, как отмечено выше, он опубликовал его в малоизвестном журнале Голландского математического общества.

На самом деле ван дер Варден доказал гипотезу, которую независимо выдвинули Пьер Жозеф Анри Боде и Исая Шур. Он никогда не встречался ни с одним из соавторов утверждения, которое мы должны называть классической теоремой Боде — Шура — ван дер Вардена.

§ 6. Гёттинген и Гронинген

В конце февраля 1927 г. ван дер Варден был успешно утверждён на должность в Гёттингенском университете: Рихард Курант таким образом «опекал» своего голландского ученика. В апреле 1927 г. он стал ассистентом Куранта.

История обладает своим собственным чувством юмора; кроме того, она повторяется. То и другое мы увидим в пересечении судеб Бартела Л. ван дер Вардена и Йохана Антони Баррау.

Действие первое их истории, согласно ван дер Вардену, состоялось, когда ван дер Варден был школьником. В 1994 г. он сказал интервьюеру [Dol1], что посмеивался над groningenским профессором Баррау, будто бы сделавшим много ошибок в своей книге по аналитической геометрии. Он написал об этом автору. Письмо произвело впечатление на Баррау, и тот — с элегантным восхищением — выразил желание, чтобы ван дер Варден стал его преемником, если ему придётся покинуть Гронинген. С другой стороны, мы достоверно знаем, что в 1926 г. в предисловии к докторской диссертации ван дер Варден упомянул с благодарностью — и с полным почтением — свою переписку с Баррау.

Действие второе этой истории состоялось в 1927 г., когда Баррау переехал из Гронингена в Утрехт и его профессорская позиция была действительно предложена ван дер Вардену. На следующий год, 6 мая 1928 г., ван дер Варден занял позицию Баррау в Гронингене благодаря

горячей поддержке таких знаменитостей, как Давид Гильберт, Эдмунд Ландау и Рихард Курант. Несомненно, ван дер Варден мог получить менее престижную должность в более престижном германском университете. Но Гронинген сделал 25-летнего молодого человека «ординариусом», т. е. полным профессором.

С *действием третьим* истории Баррау — ван дер Вардена придёт-ся подождать до декабря 1942 г. Мы доиграем её в следующей главе. Между тем здесь, в Гронингене, в жизни Бартела Л. ван дер Вардена произошло ещё нечто весьма важное.

В середине своего гронингенского периода, в 1929 году, ван дер Варден совершил в качестве приглашённого профессора исключительно плодотворный визит в Гёттинген: в июле он встретил там свою будущую жену. Камилла Реллих, на два года моложе Бартела (она родилась 10 сентября 1905 г.), была сестрой Франца Реллиха, который в том же году (1929) защитил докторскую диссертацию под руководством Рихарда Куранта. Уже 27 сентября 1929 г. Бартел и Камилла соединились в браке, продлившемся всю жизнь. Их первым ребёнком стала Хельга, родившаяся в Гронингене 26 июля 1930 г. Остальные двое детей родятся в Германии: Ильза 16 октября 1934 г., а Ганс-Эрик 7 декабря 1937 г.

Гронинген выглядит важной вехой на пути многих замечательных математиков. Там побывал и ван дер Корпут, а ван дер Варден вспоминал, что многому в математике научился от него. Что самое важное — в Гронингене ван дер Варден закончил Книгу.

§ 7. Превращения Книги

Книга была главным итогом гронингенских лет ван дер Вардена. Каждый написавший книгу согласится, что ван дер Варден показал замечательное умение в изложении нового абстрактного взгляда на алгебру. В предисловии к первому изданию тома 1 в 1930 г. он пишет, что книга вначале возникла как записи лекций Артина, затем существенно изменялась, и к моменту выхода в ней трудно было найти лекции Артина. Я не знаю способа проверить это утверждение сегодня. Следует предполагать, что с 1927 по 1930 г. вклад ван дер Вардена должен был возрасти. Однако ясно также, что сохранился необычно большой вклад Артина, не указанного в качестве автора, — как мы видели выше, цитируя собственные слова ван дер Вардена (1975). Книга немедленно стала классической и радовала многие поколения математиков. Я тоже помню, как на первом курсе (1966—1967) читал первое русское издание (том 1, 1934; том 2, 1937) с огромным удовольствием и пользой.

В отличие от своих наставников Брауэра и Гильберта, ван дер Варден явно не имел твёрдых математических принципов, которые хотел бы отстаивать, как показывает история изменения — и обратного изменения — его книги «Moderne Algebra». Удивительно, что ван дер Варден, быстро всё схватывавший, видимо, просмотрел значение битвы вокруг оснований математики, бушевавшей десятилетиями, и не занял в ней твёрдую позицию. Ведущий историк аксиомы выбора Грегори Мур пишет [Moo]:

В 1930 г. ван дер Варден опубликовал свою «Современную алгебру», подробно излагая впечатляющие новые применения аксиомы [выбора]... Голландские коллеги ван дер Вардена побудили его устранить аксиому выбора из второго издания 1937 года. Он это сделал... [и это] вызвало столь сильный протест его коллег-алгебраистов, что он вынужден был в третьем издании 1950 г. восстановить эту аксиому и все её следствия.

В самом деле, в январе 1937 г. в предисловии ко второму изданию тома 1 ван дер Варден сам раскрывает удивительное превращение книги [Wa6, цит. по рус. переводу, с. 10—11]:

Я попытался по возможности избежать в алгебре рискованных [sic] теоретико-множественных способов доказательства. К сожалению, вполне «финитное» построение алгебры с устранением всех неконструктивных доказательств существования невозможно без больших жертв. Пришлось бы существенные части алгебры вовсе изъять, либо формулировать теоремы со столь большим числом ограничений, что изложение стало бы неудобоваримым и во всяком случае недоступным для начинающего...

В осуществление той же тенденции, в настоящем издании целиком выпущены те части теории полей, которые основываются на постулате выбора и теореме о полном упорядочении. Решающим при этом было признание того, что полным упорядочением поля вносится в алгебру чуждый элемент [sic], а также то соображение, что почти для всех применений вполне достаточен специальный случай счётных полей, когда полное упорядочение заменяется перечислением элементов поля. Прекрасные идеи классического мемуара Штейница об алгебраической теории полей... вполне выявляются уже в счётном случае.

Удалив рассуждения, опирающиеся на полное упорядочение, мы получили возможность... обойтись без увеличения объёма книги.

А затем в предисловии к третьему изданию, в июле 1950 г., мы с недоумением читаем, что ван дер Варден пошёл на попятный [Wa11]:

В ответ на многочисленные просьбы я вновь включил разделы о полном упорядочении и трансфинитной индукции, опущенные во втором издании, и на этой основе изложил во всей общности теорию полей, развитую Штейницем.

§ 8. Алгебраическая революция, породившая всего одну книгу

Книга ван дер Вардена стала столь популярной благодаря своему высокому уровню, но также, представляется мне, и ввиду отсутствия конкуренции. В самом деле, в 1920-х и 1930-х годах математику охватила алгебраическая революция, начатая Эмми Нётер и Эмилем Артином, однако за десятилетия вышла лишь одна книга о новой алгебре. Почему так случилось? Документы показывают, что Шпрингер заключил контракт на трёхтомную книгу с одним из ведущих алгебраистов Рихардом Брауэром и она уже находилась в работе, но не без участия ван дер Вардена это конкурирующее издание было заблокировано. Обратимся к фактам.

Хотя Рихард Курант был евреем, как участник Первой мировой войны он не подпадал под действие закона Третьего рейха о государственной службе от 7 апреля 1933 г., который лишал евреев университетских должностей. Тем не менее 5 мая 1933 г. ему вручили уведомление об отставке. Он принял предложение о годовом пребывании в Кембриджском университете и соответственно информировал²⁶ ван дер Вардена:

Между 24 и 28 октября я предполагаю читать лекции для студентов в Голландии — в Амстердаме, Утрехте, Гронингене и Лейдене, и по этой причине хочу уехать отсюда 22-го. Видимо, из Голландии отправлюсь прямо в Англию. Я имею приглашение в Кембридж на следующий академический год.

Ввиду этого отъезда Курант — как и Фердинанд Шпрингер²⁷ — хотел найти кого-нибудь, кто мог бы служить номинальным редактором, тогда как Курант будет дирижировать всем из Кембриджа. Естественно, выбор пал на протееже Куранта — ван дер Вардена, которому Курант предложил²⁸ эти функции 10 октября 1933 г.:

Хотел бы поэтому попросить Вас о следующем, на основании разговора, который недавно имели Нейгебауэр и я со Шпрингером. Весьма возможно, что мой отъезд с насиженного места и моя работа в качестве редактора «Жёлтой серии» у Шпрингера создадут мне некоторые помехи, и потому мы подумали, кого можно подключить в качестве нашего представителя в случае такого затруднения. В итоге мы согласились, что без сомнения Вы — очевидный кандидат на эту роль. Сегодня я хочу спросить Вас, склонны ли Вы в принципе это делать.

²⁶Письмо Куранта ван дер Вардену от 10 октября 1933 г., New York University, Archive, Courant Papers.

²⁷Фердинанд Шпрингер-младший (1881—1965).

²⁸New York University, Archive, Courant Papers.

Курант добавляет: «Это не будет для Вас большим бременем», поскольку Курант собирается принимать все решения сам. Протеже не медленно соглашается (письмо²⁹ к Куранту от 13 октября 1933 г.). Однако дело меняется, когда Куранту не предлагают более долгого пребывания в Кембридже, и потому во время рождественского визита семьи Куранта в Гёттинген он побуждает³⁰ ван дер Вардена стать более или менее действительным редактором «Жёлтой серии» и членом редколлегии журнала «Mathematische Annalen»:

Во время короткого визита на прошлой неделе я открыто говорил со Шпрингером о разных вещах, и среди прочего о ситуации с «Анналами». Между тем, как сказал мне Гильберт, Вы приняли приглашение войти в редколлегию, и я надеюсь, что это знаменует начало последовательного возрождения редколлегии «Анналов». Шпрингер боялся, что Гильберт что-нибудь перепутал, — это легко может случиться, — но всё же от меня в этом деле ничего больше не требуется.

Что касается редактирования моей [sic] «Жёлтой серии», то я бы хотел, как мы уже обсуждали, рассматривать Вас отныне как редактора, с той мыслью, что если бы я поехал в Америку на большее время, то Вы смогли бы заниматься этим делом, может быть, больше, чем на чисто формальном уровне.

Теперь нам пора посмотреть на судьбу книги Рихарда Брауэра «Algebra». Идёт 1935 год. Рихард Курант, который теперь живёт в Нью-Йорке, предлагает поддержку книге Брауэра — свою и Эмми Нётер (ныне в колледже Брин-Мор в Филадельфии) — против замечаний ван дер Вардена (письмо³¹ ван дер Вардену от 16 июля 1935 г.):

Я нахожу ошибкой менять что-то в контрактах и соглашениях, существовавших годами, например с Рихардом Брауэром. Книга Брауэра, новый план которой я скоро пошлю [Ф. К.] Шмидту³², в прошлом году неоднократно обсуждалась с Эмми Нётер и, бесспорно, не будет лишним изданием.

Ван дер Варден предпринимает дерзкий шаг, обратившись через голову Куранта прямо к Фердинанду Шпрингеру. Но он не может полностью игнорировать мнение Эмми Нётер. Он пишет³³ об этом 10 августа 1935 г. из Ларена, Голландия, где гостит у родителей:

Что касается Брауэра (Р.), я исходил из допущения, что сам Б. [Брауэр], как предположил Шмидт, в действительности не хотел чересчур много

²⁹New York University, Archive, Courant Papers.

³⁰Ibid.

³¹Ibid.

³²Фридрих Карл Шмидт, соредактор ван дер Вардена в «Жёлтой серии».

³³New York University, Archive, Courant Papers.

заниматься книгой. Если это неверно, и если даже Эмми Нётер поддерживает это издание, то на данный момент я снимаю свои возражения. Однако мне будет очень интересно посмотреть на план, который автор, разумеется, пришлёт нам, и на этой основе составить своё мнение. В любом случае я согласен со Шм[идтом] и Шпр[ингером], что не нужно спешить, с учётом нынешнего состояния рынка книг по алгебре. Другими словами, подталкивать это дело явно не следует.

Курант возмущён, что его протеже обратился к Шпрингеру, не проконсультировавшись с ним. Его пятистраничное письмо³⁴ от 20 августа 1935 г. начинается так:

Мне не понравилось, что обсуждение... вместо того, чтобы сначала произойти между нами, было перенесено к Шпрингеру без попытки предварительно договориться со мной. Ведь Шпрингер из этого может получить впечатление, что в ряде случаев моя позиция игнорируется.

Курант подчёркивает свою безусловную поддержку Рихарда Брауэра:

Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь ни с каким шагом против Рихарда Брауэра.

Затем Курант предоставляет нам замечательный анализ истории с книгой Брауэра:

Ещё раз о предыстории. Старый план издания Шуром лекций Фробениуса по алгебре давно превратился в план издания лекций Шура. Затем Шур назвал Рихарда Брауэра в качестве соавтора и с течением времени свалил на него всё дело. В то время после очень тщательных консультаций, в том числе с Эмми Нётер, был подписан контракт, в котором ясно сказано, что это будет элементарная конкретная алгебра и, в некотором смысле, расширение Вашей книги.

Когда много позже произошла нацистская революция и Брауэр уехал в Америку, мы специально обсуждали со Шпрингером, нужно ли придерживаться этого плана при изменившихся обстоятельствах, включая деловые. В то время Шпрингер полностью это одобрял и даже, чтобы помочь Брауэру, выплатил ему довольно значительный гонорар. Будучи здесь, Брауэр много работал над книгой — кстати, всё время в тесном контакте с Эмми Нётер, с которой он был связан больше, чем кто-либо ещё здесь³⁵. Единственно серьёзным конкурентом книге Брауэра мне представляется Перрон. Раньше Шпрингер постоянно придерживался позиции, что существование конкурирующей книги в другом издательстве не создаёт для него

³⁴New York University, Archive, Courant Papers.

³⁵Брауэр и Нётер регулярно видели друг друга. Брауэр провёл 1934/35 уч. г. в Институте высших исследований в Принстоне в качестве ассистента Германа Вейля, тогда как Эмми Нётер преподавала в колледже Брин-Мор в Филадельфии и в тот год вела еженедельный семинар в Принстонском университете.

проблем. Книга Брауэра будет сильно отличаться от книги Перрона по очень многим пунктам. Поэтому можно надеяться, что она всё же найдёт читателей в Германии. Здесь [т. е. в Америке], где Брауэр, без сомнения, добился больших успехов и где его повсеместно ценят и перевозносят, у его книги существенные шансы (кстати, Брауэр стал профессором в Торонто).

Я написал Шмидту о возможной модификации плана, предполагая деление на три тома. Первый представляет собой элементарное введение, обращённое к широкому кругу читателей, второй содержит более сложные вопросы, а третий — теорию Галуа, и все три относительно независимы. Первый том скоро может быть готов. В последнее время я постоянно подталкивал Брауэра, так как после всего происшедшего, как мне казалось, именно этого хотел Шпрингер. Но если мы в принципе не собираемся спешить, то можно сказать Брауэру: Вам не следует торопиться, и по всей вероятности возможен переход с немецкого языка на английский. Можно также, при согласии Вашем и Шмидта, предложить изменения плана. Считаю, что в обоих упомянутых случаях [второй случай — книга Segé] сегодняшний германский подход, что неарийские авторы составляют проблему, должен быть насколько возможно отброшен. Но мне ясно, что для Шпрингера — чтобы существовать, а также по той причине, что он хочет послужить делу, — подобные подходы порой должны играть роль и заставлять его быть особенно осторожным.

Ван дер Варден должен был почувствовать угрозу в плане Куранта опубликовать книгу Брауэра как «расширение Вашей [т. е. ван дер Вардена] книги». Однако следующие две недели принесли скандальные новости об увольнении Шпрингером ключевых сотрудников-евреев. Ввиду этого Курант начинает думать, что Шпрингер больше не может выпускать книги еврейских учёных-беженцев. 3 сентября 1935 г. Курант отказывается³⁶ от борьбы за книгу Брауэра:

От Нейгебауэра я получил очень короткое послание, согласно которому из издательства «Springer» неарийские сотрудники были уволены, в том числе Арнольд Берлинер³⁷ и *фрейлейн* Штрелиц...

Что наша переписка относительно Segé, Брауэра, Винтнера и т. д. выглядит вследствие такого поворота событий в новом свете, — это, разумеется, ясно. Видимо, Шпрингер долго находился под тяжёлым давлением и стал более боязлив и осторожен, чем показывал мне явно.

Наконец, 28 сентября 1935 г. ван дер Варден отвечает³⁸, с намерением согласиться не более чем на один из трёх томов Брауэра:

³⁶New York University, Archive, Courant Papers.

³⁷Арнольд Берлинер (1862—1942), основатель и редактор журнала «Naturwissenschaften» («Естественные науки»), издававшегося Шпрингером.

³⁸New York University, Archive, Courant Papers.

С книгой Брауэра нет спешки, поскольку эта книга не заполняет какой-либо пробел в учебной литературе. Поскольку автор начал, он должен завершить элементарную часть, когда ему удобно — именно когда ему удобно. Но запланированный второй (или третий? — мне это до сих пор неясно) том «Теория Галуа» мы со Шмидтом хотели бы остановить самым определённым образом. Теория Галуа так хорошо представлена в столь многих книгах и так полно — в «Жёлтой серии», что новый учебник такого рода представляется совершенно излишним. Я полагаю, что даже Брауэр, которому, как мы знаем, есть что делать, должен это осознать.

Курант пробует написать ответ 15 октября 1935 г., но не отсылает его (редкая нерешительность при его уверенном стиле общения), и в итоге он переписывает и отсылает ответ³⁹ 18 октября 1935 г.:

В конкретных издательских делах, которые мы обсуждаем, я не вижу другого достойного выхода, кроме как расторгнуть контракт Брауэра. В настоящее время он выглядит крайне испуганным и грустным по этому поводу. Но так как Брауэр имеет сильнейший тыл в лице Флекснера, Веблена и Вейля, ему будет легко опубликовать свою книгу в американском издательстве или в одном из создающихся издательств. Без всякого сомнения, если его книга написана достаточно хорошо, она будет иметь здесь успех.

В своём ответе ван дер Варден утверждает, что «книга Брауэра... не оправдана каким-либо научным [sic] интересом». Он набрасывает письмо⁴⁰ к Рихарду Брауэру о разрыве контракта с ним и 1 ноября 1935 г. посылает его Куранту для просмотра и отправки:

Вложено письмо Брауэру, которое я прошу Вас прочесть и, если Вы не имеете существенных возражений, переслать Брауэру, нынешний адрес которого я не знаю. Из письма Вы увидите, что после долгой беседы со Шмидтом я всё же пришёл к мнению, что книга Брауэра будет представлять для нас существенную помеху, не оправданную каким-либо научным интересом. После долгого размышления я решил просить от него книгу по теории инвариантов. Но если Ваши усилия по поиску американского издателя для его книги приведут к успеху, я весьма склонен согласиться. О теории инвариантов мы ещё сможем поговорить с ним, когда будет сделана эта книга.

Курант удивлён необычным, по его мнению, тактом ван дер Вардена и передаёт плохие новости Брауэру 16 ноября 1935 г.⁴¹:

Ваше письмо Брауэру я нашёл — разумеется, не в абсолютном смысле, но применительно к Вам — столь дипломатичным, и притом столь любезным и прочувствованным, что переслал ему безо всяких оговорок. Сам я

³⁹New York University, Archive, Courant Papers; сохранились оба экземпляра — и не посланный, и посланный.

⁴⁰Ibid.

⁴¹New York University, Archive, Courant Papers.

писал ему несколько раз и теперь, когда он оправился от удара, надеюсь получить его ответ.

Курант успокаивается, поскольку 28 ноября 1935 г. сообщает⁴² о готовности Брауэра расторгнуть контракт:

В то же время Вы получите письмо от Брауэра, согласно которому всё дело решается достаточно удовлетворительным образом.

В отличие от ван дер Вардена, Рихард Брауэр не стал автором классической книги по алгебре. Поощряемый Шуром, Шпрингером и Курантом, Брауэр взялся за написание книги, и даже в 3 томах. Противодействие ван дер Вардена, соединённое с антисемитским и антиэмигрантским давлением на Шпрингера в Третьем рейхе, остановило этот многообещающий проект. В итоге ван дер Варден отразил попытку соперничества, и Брауэр вернулся к своему любимому занятию — исследованиям. Математический мир так и не увидел трёхтомную «Алгебру» Рихарда Брауэра. Взамен мы получили, однако, огромное трёхтомное собрание его научных трудов [BraR].

§ 9. Эпилог: на пороге Германии

Начиная со студенческих лет, ван дер Варден надеялся получить работу в Германии — пожалуй, лучшем месте для математика того времени. Ведущие немецкие коллеги имели о нём весьма высокое мнение. Чтобы это доказать, достаточно отметить, что ван дер Варден был назван третьим в исключительно важном перечне кандидатов на место Давида Гильберта в Гёттингене⁴³. Голландские учёные об этом знали и пытались склонить ван дер Вардена остаться в Нидерландах. Ван Дален сообщает⁴⁴:

Существовали силы, пытавшиеся удержать ван дер Вардена в Голландии, — в частности Пауль Эренфест⁴⁵, который предпринял попытку устроить ван дер Вардена в Лейдене... Он сознавал, что Лейден не может соперничать с Гёттингеном [и никакое место не могло тогда!]: «Мысль о том, что осенью Вы начнёте работать здесь и Лейден разовьётся в один из центров математики, настолько засела в моей голове... что я был бы совершен-

⁴²New York University, Archive, Courant Papers.

⁴³Письмо Рихарда Куранта Паулю Эренфесту от 9 февраля 1930 г., процитированное в [Dal2, с. 688, сноска 28].

⁴⁴[Dal2, с. 687—688].

⁴⁵Пауль Эренфест (1880—1933), профессор физики в Лейдене (1912—1933), близкий друг Альберта Эйнштейна и Нильса Бора.

но удручён, если бы в последний момент Вас куда-то унесло» [6 февраля 1930 г.].

Насколько серьёзно стоял вопрос — видно из того, что Гильберт по просьбе Эренфеста написал рекомендацию ван дер Вардену.

1 мая 1930 г. ван дер Варден сообщил Эриху Гекке, что он намерен остаться в Гронингене на некоторое время. «Я отклонил приглашение в Лейден», — писал⁴⁶ он.

Попытки удержать ван дер Вардена в Нидерландах провалились, и 1 мая 1931 г. он заменил Отто Гёльдера в качестве профессора Лейпцигского университета. В Лейпциге он сразу начал посещать семинар, который вели физики Вернер Гейзенберг и Фридрих Хунд. Ван дер Варден всё схватывал очень быстро. Он научился от них физике (как когда-то алгебре от Эмми Нётер и Эмиля Артина) и уже на следующий год опубликовал в «Жёлтой серии» издательства «Springer» книгу о приложениях теории групп к квантовой механике [Wa4].

Приход Гитлера к власти в начале 1933 г. застал ван дер Вардена ожидающим свою вторую рокфеллеровскую стипендию (от фонда IEB).

⁴⁶Nachlass von Erich Hecke, Universität Hamburg.

Эти трагические времена дают столь глубокие уроки понимания человеческой природы, что нам необходимо почерпнуть из них возможно больше. Мы встречаем героев и злодеев, а также гораздо более многочисленную группу в промежутке между этими двумя крайностями. Тема обсуждаемого текста — жизнь одного из таких «промежуточных» людей.

Александр Сойфер, [So8]

Трудно быть историком. Это трудно, если Вы не жили в то время, о котором пишете, а если жили, то это даже труднее.

Н. Г. де Брёйн, 1 июня 2004 г., [Br3]

Хорошая «история» возможна, когда историки решают предпринять свои собственные исследования того, что раньше признавалось как факт.

*Харриет Сепинуолл, 6 февраля 1996 г.,
College of Saint Elizabeth,
Holocaust Education Resource Center*

Глава 2

Нацистский Лейпциг, 1933—1945

Мы познакомились с детством Бартела Лендерта ван дер Вардена и с его выдающейся семьёй, которая включала двух членов голландского парламента и судью города Амстердама. Теперь пора исследовать сложную, неоднозначную и малоизученную область: двадцать лет жизни ван дер Вардена в Лейпциге и Амстердаме, с 1931 по 1951 год.

§1. До немецкой оккупации Нидерландов: 1931—1940

С 1933 по 1940 год я считал своей важнейшей обязанностью помогать защите европейской культуры, и в особенности науки, от разрушающего культуру национал-социализма.

Ван дер Варден, «Оправдание»¹, 20 июля 1945 г.

1 мая 1931 года в возрасте 28 лет Бартел Лендерт ван дер Варден приступил к работе в Лейпцигском университете в качестве ординарного профессора². В то время Германия была центром математического мира, а Лейпциг имел превосходный университет, хотя и уступавший гёттингенскому и берлинскому. Переезд можно было считать повышением после предыдущей должности ординарного профессора в Гронингенском университете в Нидерландах. Бартел приехал в Лейпциг в сопровождении своей жены, австрийки Камиллы, урождённой Камиллы Реллих (они поженились за год до этого), и их маленькой дочери Хельги.

Спустя неполных два года в Германии произошли драматические изменения, ослабившие её положение в математическом мире. Вскоре

¹Rijksarchief in Noord-Holland (RANH), документы Ганса Фрейденталя, 1906—1990. Инв. № 89.

²Высшее профессорское звание, примерно соответствующее полному профессору в американском университете.

Камилла, Бартел, Тео, Кун, Доротея и Бен ван дер Варден, 30-я годовщина свадьбы Тео и До, август 1931 г., Фройденштадт, Южная Германия.

Любезно предоставлено Тео ван дер Варденом

после прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. Закон о восстановлении профессиональной государственной службы от 7 апреля 1933 г. «избавил» германские университеты от всех еврейских (в нацистском определении) профессоров, за исключением поступивших на государственную службу до 1914 г., воевавших за Германию в Первой мировой войне или потерявших на этой войне отца или сына³.

Ван дер Варден включил одну короткую фразу о событиях 1933 года в «Оправдание» — документ, написанный им после Второй мировой войны для утрехтской и амстердамской комиссий по денацификации: «В 1933 году я ездил в Берлин и Гёттинген протестовать против бойкота курсов [Э.] Ландау гёттингенскими студентами-нацистами»⁴.

К сожалению, я не знаю никаких свидетельств, подтверждающих или поясняющих протест ван дер Вардена против массовых увольне-

³Эти исключения «пробил» германский президент Пауль фон Гинденбург (1847—1934).

⁴«Оправдание», RANH, документы Ганса Фрейденталя. Инв. № 89.

ний евреев в 1933 году. Эти увольнения затронули и его учителя и наставника Эмми Нётер. Ван дер Варден напишет ей прекрасный панегирик в 1935 г. [Wa5]. Но когда она была в 1933 году изгнана из Гёттингенского университета, ван дер Варден был занят самозащитой. Фридрих, лидер организации студентов-математиков, доказывал, что ван дер Варден, как иностранец, не подходит на должность директора Института математики. Ван дер Варден боялся потерять должность и 29 марта 1933 г. написал о своих опасениях в Гёттинген Рихарду Куранту, который 15 апреля 1933 г. ответил⁵ следующим образом:

Нахожу смешным, если Вы полагаете, что существует какая-либо угроза Вашему положению в Лейпциге из-за того, что Вы голландец. Напротив, я очень опасаясь за Вашего лейпцигского коллегу Л. [Ф. Леви, который был евреем].

В свою защиту ван дер Варден написал 18 мая 1933 г. следующее письмо⁶ декану философского факультета в Лейпциге Вейкману:

Ваше высокопревосходительство!

Я только что узнал от Вас, что министерство располагает письмом, в котором утверждается, что у меня неарийское происхождение. Заявляю, что я не знаю, как было получено такое заключение и кто мог написать это в министерство. Я чистокровный ариец и могу это доказать, если необходимо, поскольку моё происхождение можно проследить на протяжении трёх поколений.

С искренним почтением, Ваш Б. Л. в. д. Варден⁷.

Количество арийских поколений среди предков ван дер Вардена быстро росло: на следующий день, 19 мая 1933 г., лейпцигский ректор Ахелис информировал⁸ саксонского министра Хартнаке, что обвинение ван дер Вардена в еврействе неправильно, ван дер Варден может доказать, что *пять* поколений его предков были христианами, и потому имеет право остаться директором.

Пока ван дер Варден доказывал своё арийство, Принстонский университет решил⁹ предложить ему должность приглашённого профессора. «Заседание Комиссии по науке состоялось во вторник 9 мая 1933 г. в кабинете декана [факультета Лютера Пфалера] Эйзенхарта, Файнхолл, в 12:00. Присутствовали: декан Эйзенхарт, профессора [Эдвин Грант] Конклин [биология], [Рудольф] Ладенбург [физика], [Соломон]

⁵Письмо от 15 октября 1935 года, несколько изменённое позже, 18 октября 1935 года. New York University Archives, Courant Papers.

⁶Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 18.

⁷См. ниже факсимиле этого письма.

⁸Universitätsarchiv Leipzig, PA 70. P. 21.

⁹Archive of the Department of Mathematics, Princeton University.

10F. DR. B. L. V. D. WAERDEN
LEIPZIG C 1
FERDINAND-RHODE-STRASSE 41
POSTSHECKKONTO: LEIPZIG NR. 2854:
TELEFON 20997

PA 70 18
Leipzig, DEN 18. Mai 1933

An Seine Speltabilität dem Dekan
der Philosophischen Fakultät in Leipzig.

Zw. Speltabilität!

Eben erfahre ich von Ihnen, daß dem Ministerium ein Brief vorliegt,
in dem behauptet wird, ich sei von nicht-arischer Abstammung. Ich
erkläre, nicht zu verstehen, wie man zu dieser Behauptung kommt und
wer das sogar an das Ministerium geschrieben haben kann. Ich
bin Vollblut-Arie und kann das, wenn es sein muß, auch nachweisen,
da meine Abstammung sich leicht bis ins dritte Geschlecht verfolgen
läßt.

Mit ergebensten Grüßen

H.

B. L. v. d. Waerden

Заявление Б. Л. ван дер Вардена о своём арийстве

Лешец [математика], [Генри Норрис] Рассел [астрономия] и [сэр Хью] Тейлор [химия]», — прочитал я на пожелтевших страницах. Интересен пункт 2:

2. Декан Эйзенхарт сообщил о желании кафедры математики нанять профессора ван дер Вардена из Лейпцига в первом семестре 1933/34 уч. г. с оплатой из математического фонда в размере 3500\$. Декан Эйзенхарт сообщил, что в данном случае также¹⁰ произойдёт задержка из-за неопределённости положения в Германии.

¹⁰Этим «также» декан Эйзенхарт сослался на пункт 1 данного протокола, который тоже представляет исторический интерес и выглядит следующим образом: «Декан Эйзенхарт сообщил, что профессор Гейзенберг в настоящее время не может дать определённый ответ на предложение контракта на восемь недель с жалованьем 3000\$ из-за неопределённости положения в Германии. Профессор Гейзенберг полагает, что сможет дать

Действительно, Принстонский университет предложил профессору ван дер Вардену должность приглашённого профессора на семестр с 15 сентября 1933 г. по 15 февраля 1934 г. Активно добиваясь и получив согласие Вейкмана, декана лейпцигского философского факультета, и фон Зейдевица от имени саксонского министерства народного образования, обеспечив себе замену (приват-доцент¹¹ Фридрих Карл Шмидт из Эрлангенского университета), ван дер Варден внезапно изменил своё намерение и 29 июля 1933 г. отозвал свою уже одобренную просьбу о посещении Принстонского университета.

Это было первое важное перепутье в жизни ван дер Вардена: если бы он приехал в Принстон, то, как превосходный молодой математик, скорее всего получил бы дальнейшие предложения от Принстонского университета или от недавно созданного Института высших исследований (Institute for Advanced Study). Его жизнь и история алгебраической геометрии сложились бы иначе. Но ван дер Варден предпочёл остаться в нацистской Германии, как и его друг, нобелевский лауреат физик Вернер Гейзенберг, который не принял предложения из Принстонского (документальное доказательство см. в сноске 10), Гарвардского, Йельского и Колумбийского университетов в первые годы Третьего рейха.

Национализм Гейзенберга и его приверженность Германии как причины остаться в Третьем рейхе хорошо установлены ([Wal1], [Wal2], [Row] и др.). Принстонский шанс ван дер Вардена никогда раньше не обсуждался подробно и не подтверждался документами. Его неожиданный отказ от предложения из Принстона порождает вопрос: почему он так поступил?

Ван дер Варден объясняет это в своём письме¹² Освальду Веблену (из Института высших исследований) от 12 августа 1933 г.:

Как и Вы, я весьма сожалею, что мы не встретимся в Принстоне следующей зимой, но для меня действительно было невозможно покинуть Лейпциг в это время.

Как мы знаем из лейпцигского архива, все разрешения были даны. Поэтому ясно, что ван дер Варден в письме Веблену предпочёл вежливость правде. Но в чём же состояла правда?

определённый ответ к концу года. Декан Эйзенхарт в письме Гейзенбергу предположил, что имелся в виду конец академического года, и счёл приемлемым принять решение к июлю».

Интересен и пункт 7 протокола: «Профессор Лефшец поднял вопрос о замене профессору Гейзенбергу на случай, если окажется невозможным обеспечить его приезд. После обсуждения было решено, что дело следует отложить до появления новых сообщений о положении в Германии».

¹¹Примерно соответствует адъюнкт-профессору, но без гарантированного оклада.

¹²Library of Congress, Veblen Papers.

Ван дер Варден просил своего наставника Рихарда Куранта помочь ему получить вторую рокфеллеровскую стипендию (от фонда IEB), на этот раз для работы по алгебраической геометрии в Италии, в основном в Риме, с Федерико Энриквесом и Франческо Севери. 2 марта 1933 г. Рихард Курант, ещё остававшийся в Гёттингене, «неформально и лично» спросил¹³ У. И. Тиздейла, рокфеллеровского представителя в Париже, возможна ли поддержка для ван дер Вардена:

Хотя ван дер Варден совсем молод, он является сейчас одним из самых выдающихся математиков в Европе. Он был одним из трёх кандидатов факультета на замещение Гильберта. В последние годы ван дер Варден начал успешную работу над проблемами алгебраической геометрии и намерен по-настоящему развивать это направление в Германии. В самом деле, геометро-алгебраическая традиция в Германии почти затухла, тогда как в Италии на протяжении последних десятилетий она процветала.

Тиздейл получил письмо 6 марта 1933 г. и в тот же день ответил Куранту, прося, чтобы ван дер Варден изложил дело подробнее, что ван дер Варден сделал 12 марта 1933 г. в двухстраничном письме (получено в Париже 31 марта 1933 г.). Это письмо¹⁴, написанное по-английски, позволяет понять взгляды ван дер Вардена на состояние алгебраической геометрии.

Алгебраическую геометрию, возникшую в Германии в результате работ Клебша, [Макса] Нётера и других, в течение последних 30 лет развивали почти исключительно итальянские математики: Энриквес, Кастельнуово, Севери и другие. Они создавали методы и теоремы, которые представляют исключительный интерес как для алгебры, так и для геометрии, но до сих пор ожидают строгого алгебраического фундамента: контакт между итальянской геометрией и немецкой алгеброй отсутствует. Я думаю, это типичный случай, когда ваш фонд может помочь. Алгебраические методы, которые могут служить основой алгебраической геометрии, я знаю очень хорошо — видимо, лучше всех немецких математиков.

Таким образом, ван дер Варден считал себя *лучшим* среди немецких математиков для того, чтобы поставить алгебраическую геометрию на фундамент абстрактной алгебры. При этом впервые в документах, найденных мной, ван дер Варден причисляет здесь себя к *немецким математикам*.

Для своего приезда ван дер Варден выбрал зимний семестр 1933/34 учебного года:

¹³Rockefeller Archive Center (RAC); Collection IEB, Series 1, Sub-series 3, Box 61, Folder 1027.

¹⁴Ibid.

Бартел Л. ван дер Варден, Лейпциг, июнь 1931 г.
Любезно предоставлено Лейпцигским университетом

...Для меня было бы желательно остаться на полгода в Италии, а конкретнее — в Риме, с профессорами Севери и Энриковесом. ...Предпочтительнее зимний семестр, поскольку тогда я могу оставаться в Италии до конца полугодия и должен найти преподавателя себе на замену только на 4 месяца зимнего семестра. Вероятно, замену можно оплатить из вашей стипендии, тогда как я мог бы жить на своё жалованье, если саксонское правительство захочет согласиться на это... Я приобрёл достаточное знание итальянского языка.

Успешно использовав первую рокфеллеровскую (IEB) стипендию, ван дер Варден, несомненно, ожидал — и заслуженно, — что вторая стипендия легко будет утверждена. Получается, что ван дер Варден просто променял Принстон на Рим? Действительно, я нашёл доказательство этого в его собственных словах — причём ещё до того, как он преодолел все лейпцигские бюрократические барьеры, — в (недатированном, но явно написанном в мае либо июне 1933 г.) письме¹⁵ Рихарду Куранту:

Снова и снова благодарю Вас за Ваши усилия [в фонде] у Рокфеллера. Я только что получил ответ от Тиздейла, что теперь имеется достаточно документов, чтобы обсуждать вопрос с его коллегами в Париже...

Я получил приглашение из Принстонского университета провести там, с оплатой, предстоящий зимний семестр (сентябрь—январь). Это приглашение пришло уже в начале апреля. Но оно меня не столь привлекает, как поездка в Рим; кроме того, не знаю, разрешат ли власти столь большой отпуск...

Как мы знаем, в некоторый момент, а именно в конце июля 1933 г., ван дер Варден узнал, что «власти разрешат столь большой отпуск». Возможно, он даже тогда, в июле 1933 года, надеялся получить рокфеллеровские деньги на полугодие в Риме. Из-за этого ли ван дер Варден отменил уже одобренную всеми сторонами поездку в Принстон? Возможно. Но могла быть и другая важная причина, чтобы не ездить в Принстон и в Рим — на самом деле ван дер Варден не желал¹⁶ покидать Германию на первую зиму Третьего рейха:

Однако не могу судить, не будет ли разумнее провести эту зиму в Лейпциге.

Почему же было так разумно провести в Германии зиму 1933—1934 годов? Мы никогда не узнаем этого точно, но уместно задать естественный вопрос: может быть, ван дер Варден не желал возбуждать подозрений у новоявленного нацистского режима? А поскольку ван дер Варден

¹⁵New York University Archive, Courant Papers.

¹⁶Ibid.

в любом случае не собирался ехать в Принстон, ему было легко проявлять¹⁷ честность и благородство:

Полагаю, что смогу убедить американцев, что в этот раз они могли бы лучше потратить свои деньги, чем вытаскивая меня отсюда, поскольку я всё же имею должность, на которой и могу оставаться.

Кажется правдоподобным, что люди Рокфеллера, узнав о приглашении ван дер Вардену из Принстона, предпочли использовать свои фонды для поддержки тех математиков, которые всецело зависели от денег Рокфеллера, и потому решили не давать ван дер Вардену вторую стипендию. Согласно ведущему исследователю финансовой поддержки математиков и автору монографии на эту тему [Sie] Рейнхарду Зигмунд-Шульце из Рокфеллеровского архивного центра, в Рокфеллеровском центре нет документов об утверждении этой стипендии, откуда следует, что заявка ван дер Вардена не получила финансирования. В самом деле, Тиздейл записал¹⁸ в своём дневнике 29 марта 1933 г.:

Ван дер Варден — бывший стипендиат, ныне в Лейпциге, — великолепен. По существу Принстон хочет заполучить его на кафедре, чтобы возместить перемещения, вызванные деятельностью Флекснера [т. е. созданием Института высших исследований]. Вероятно, его попросят приехать на семестр, в течение которого возможен обмен мнениями.

Да, должность в Принстоне, видимо, стала бы для ван дер Вардена долговременной. Представляется несомненным, что принстонские математики были расстроены «разумным» решением ван дер Вардена остаться в нацистской Германии, когда ему предложили прекрасную возможность выбраться оттуда. Как мы увидим позже, этот отказ ему припомнили после войны, когда ван дер Варден хотел — более того, жаждал — уехать в Принстон из разорённых войной Нидерландов.

Увы, мы должны вернуться в нацистскую Германию, год 1934. Как от него и ожидали, ван дер Варден подписал¹⁹ присягу Гитлеру, поставив дату 1 ноября 1934 г.:

Подтверждаю, что сегодня я принёс следующую присягу:

«Клянусь: буду верен и послушен фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, буду соблюдать законы и добросовестно выполнять мои служебные обязанности, и да поможет мне Бог».

Май 1935 г. начался с решения властей уволить пятерых профессоров-евреев из Лейпцигского университета. Это были доктор медици-

¹⁷New York University Archive, Courant Papers.

¹⁸Rockefeller Archive Center, Tisdale Log 7. 1933. P. 27.

¹⁹Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 33.

Ich bestätige, dass ich heute folgenden Eid geleistet habe:

„ Ich schwöre: Ich werde dem Führer des Deutschen Reiches und Volkes, Adolf Hitler, treu und gehorsam sein, die Gesetze beachten und meine Amtspflichten gewissenhaft erfüllen, so wahr mir Gott helfe.“

Leipzig, den 1. Nov. 1934

Name... *B. L. v. A. Waerden* (B. L. v. A. Waerden)
(Bitte recht deutlich!)

Dienstbezeichnung... *Professor*

Fakultät bzw. Dienststelle... *Philos. Fakultät*

Присяга Б. Л. ван дер Вардена Гитлеру

ны Беттман и четыре профессора философского факультета: Вах, Ландсбергер, Леви и Вайгерт. Все они были ветеранами Первой мировой войны и как таковые не попадали под увольнение по закону от 7 апреля 1933 года. В пятницу 2 мая 1935 г. лейпцигский ректор Крюгер обсуждал эти увольнения с государственным секретарём Теодором Фаленом (по случайному совпадению также математиком), который отвечал в рейхсминистерстве образования за назначения в университетах Третьего рейха и докладывал непосредственно рейхсминистру образования Бернхарду Русту.

Ректор объявил об этих увольнениях в среду 8 мая 1935 г. во второй половине дня на собрании философского факультета. Он хотел просто проверить настроения на факультете, а не устраивать полномасштабную дискуссию. Но три профессора — физики Вернер Гейзенберг²⁰ и Фридрих Хунд²¹, а также Бартел Л. ван дер Варден — поставили вопрос

²⁰Вернер Гейзенберг (1901—1976); Нобелевская премия «за создание квантовой механики...», 1932; медаль Макса Планка, 1933.

²¹Фридрих Хунд (1896—1997); медаль Макса Планка, 1943.

о законности увольнений и твёрдо высказались в поддержку увольняемых коллег.

По срочному требованию («завтра к часу дня») представить «точный» текст в саксонское министерство народного образования, секретарь-протоколист Юнкер расшифровал 21 мая 1935 г. стенограмму собрания, основываясь на заметках, сделанных им во время собрания. Эта сохранившаяся стенограмма²² позволяет «услышать» голоса участников:

Д е к а н. Увольнения произведены «в интересах службы». В наши функции не входит вникать в это глубже.

Г е й з е н б е р г. Этот шаг встревожил многих из нас, поскольку они [уволненные профессора] почувствовали, что он не соответствует смыслу закона. А именно: участники войны принадлежат к народу! Наш долг — помогать им во всех отношениях, и особенно потому, что их студенты уже встали на их защиту. Факультет должен сказать, что речь идёт о людях, которые рисковали жизнью ради нас.

Г о л ь ф²³. Такое беспокойство оправданно. Но пожалуйста, не продолжайте дискуссию и не задавайте вопросов. Сейчас сообщение послано в Дрезден. Придёт ответ. Декан едет в Дрезден завтра. Поэтому любое дальнейшее обсуждение сегодня излишне. Мы надеемся, что получим информацию об ответе.

Х у н д. Я полагаю, что обязан высказать в кругу коллег своё настроение. Если такие действия станут свершившимся фактом, то тем самым будет нарушен смысл оговорки в законе, что люди, сражавшиеся на фронте, не могут быть уволены. Это стало бы серьёзным разочарованием во властях. Многим из нас, кто не побывал на фронте, в том числе и мне, пришлось бы стыдиться перед этими людьми.

В а н д е р В а р д е н. Было бы полезно, если бы удалось прийти к единоголосному решению относительно прав фронтовиков и смысла закона, которым явно пренебрегли.

Д е к а н. Позволю себе заметить, что я допускаю это обсуждение *только* для того, чтобы я мог сообщить в Дрезден о мнении факультетской комиссии.

Г о л ь ф. Я чувствую удовлетворение тем, что сказал нам ректор. Но хочу посоветовать профессору ван дер Вардену быть осторожнее. Он сказал: параграф закона был *нарушен*. Он явно не учёл, что это всё равно что сказать: *ReiStatth.* [*Reichsstatthalter*, имперский наместник Саксонии] нару-

²²Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 36—40.

²³Профессор сельского хозяйства Артур Гольф (1877—1941), ректор Лейпцигского университета (с октября 1933 года по март 1935 года и вновь с октября 1936 г. по март 1937 г.), член НСДАП (известной как нацистская партия) с 1932 г., автор книги «Nationalsozialismus und Universität. Rektoratsrede» («Национал-социализм и университет. Разговор о ректорстве»), Лейпциг, 1933 г.

шил закон. Мы не знаем его соображений и не вправе выносить суждение. Так что, пожалуйста, будьте аккуратнее, будьте осторожнее в ваших замечаниях.

Ван дер Варден (Гольфу через стол вполголоса). Спасибо!
Гольф (через стол, громко). Вопрос, таким образом, закрыт²⁴!

Ван дер Варден, конечно, знал, что Германия жила не по закону, а по последнему слову нацистских властей. Но закон в том виде, как он существовал с 7 апреля 1933 года, предусматривал исключение для ветеранов Первой мировой войны, и ван дер Варден использовал нарушение этого закона как основание для возражения. В любом случае публичный протест ван дер Вардена был смелым шагом — особенно с учётом его иностранного (голландского) гражданства, — хотя его защищала присяга на верность Гитлеру, как и тот факт, что ван дер Варден был не один, а входил в группу из трёх протестующих. Стенограмма собрания оставляет впечатление, что Гейзенберг, Хунд и ван дер Варден были «заговорщиками», обсуждавшими между собой политику, даже несмотря на то что Камилла ван дер Варден, в присутствии профессора ван дер Вардена, в 1993 году отрицала это: «С Гейзенбергом и Хундом мы говорили о науке, а не о политике» [Dol1].

Между тем Томас Пауэрс, автор бестселлера «Война Гейзенберга» [Pow], любезно предоставил мне (в основном не опубликованную) запись следующего интервью, которое для него взяла у ван дер Вардена мисс Делия Мет-Кон в Цюрихе 21 февраля 1989 г.:

В Лейпциге Гейзенберг, Фридрих Хунд, Фридрих Карл Бонхёфер и в. д. В. [ван дер Варден] образовали группировку (сообщество), чтобы охранять научный уровень в математике и физике от нацистов. Все они были твёрдыми антинацистами, встречались очень часто и много говорили о политических вопросах.

Ван дер Варден даже упомянул одну конкретную политическую дискуссию такого рода в своём частном письме²⁵ Гейзенбергу от 28 апреля 1948 г.:

²⁴В статье [Dol2] автор пишет следующее, явно намекая на этот эпизод 1935 г.: «Персональное дело ван дер Вардена, сохранившееся в архивах Лейпцигского университета, показывает, однако, что он высказывался в поддержку молодых математиков-евреев». Слова «молодые математики» применительно к ветеранам Первой мировой войны, уже постаревшим к 1935 г., показывают, что профессор Дольд-Самплиониус никогда не читала этот документ.

²⁵Частные бумаги Вернера Гейзенберга, Физический институт Макса Планка, Мюнхен. Профессор Марк Уокер первым обнаружил и использовал переписку между Гейзенбергом и ван дер Варденом в своей диссертации и книгах. Я признателен ему за предоставленные мне этих сведений. Благодарю также доктора Хельмута Рехенберга и руководимый им Архив Вернера Гейзенберга за разрешение цитировать эту переписку.

Помните ли, что я сказал Вам, когда Вы показали мне статью [1937 г.] в «Das Schwarze Corps»? «Хорошенькое заглавие — белый еврей, Вы можете этим гордиться». Вместо гордости Вы испытали от этой статьи досаду.

Что касается Гейзенберга, то 21 июля 1937 года он попросил лично рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера о защите от нападок со стороны изобретателей пресловутого понятия «немецкая физика» Филиппа Ленарда и Йоханнеса Штарка, о которых выше упоминал ван дер Варден. Такую защиту Гиммлер предоставил, написав²⁶ 21 июля 1938 г. шефу гестапо Рейнхарду Гейдриху: «Полагаю, что Гейзенберг — приличный человек и мы не можем себе позволить потерять или заглушить этого человека, который ещё молод и ещё может создать восходящее поколение в науке». В тот же день Гиммлер обещал защиту в личном письме Гейзенбергу.

Высокая эсэсовская поддержка навсегда положила конец тем дням, когда Гейзенберг мог публично критиковать какие-либо действия режима, — даже если бы он к этому и склонялся: Гейзенберг стал особо защищённой ценностью этого «гангстерского режима» (как его назовёт ван дер Варден в 1945 году в письме к ван дер Корпуту). У Гейзенберга было много возможностей эмигрировать, поскольку он, пока не началась война, получал многочисленные предложения из Принстонского, Гарвардского, Йельского, Колумбийского университетов и т. п. Но он предпочёл остаться и служить Германии — нацистской Германии, какой она была.

Вернёмся в Третий рейх, год 1935. Вскоре после факультетского собрания в Лейпциге — 15 сентября 1935 года — послушные Гитлеру законодатели в т. н. «Нюрнбергских законах» утвердили новые определения «еврейства» и его связь с гражданством. Меня удивляет, что через 13 дней после того как новый закон установил безоговорочный запрет для поступления евреев на государственную службу, ван дер Варден не проявил должной реакции на увольнение из издательства «Springer» еврея Арнольда Берлинера²⁷. 28 сентября 1935 года ван дер Варден писал²⁸ Рихарду Куранту следующее:

Нет впечатления, что издательство «Springer» подверглось серьёзной атаке. Могло лишь ужесточиться требование уволить евреев, всё ещё находившихся на службе. Я не понимаю, почему в зарубежных странах так встревожены сменой редактора в «Naturwissenschaften». Берлинеру, безусловно, уже 73 года.

²⁶[Gou, с. 116—119].

²⁷Арнольд Берлинер (1862—1942), основатель и редактор известного шпрингеровского журнала «Naturwissenschaften» («Естественные науки»); покончил с собой в 1942 году.

²⁸New York University Archives, Courant Papers.

И Куранту пришлось объяснять²⁹ ван дер Вардену то, что должно было быть очевидно:

Вам непонятно волнение за границей по поводу увольнения Берлинера. Конечно, всё было бы в порядке, если бы Б. получил отставку по возрасту с соблюдением приличий, соответствующих его положению и заслугам. В действительности, однако, его снятие выглядит за границей — и, видимо, является — оскорбительным изгнанием со службы вследствие давления извне. В этом контексте высокая репутация Б. даёт основание для всеобщей жёсткой критики и для выражения сомнений относительно возможностей Шпрингера проводить объективную издательскую линию. Я получил, в том числе от весьма влиятельных людей, комментарии и дальнейшие сведения, которые не могу излагать в письме в Германию.

С момента публичных высказываний ван дер Вардена на факультетском собрании в мае 1935 года над его головой повисло облако подозрительности со стороны Третьего рейха. Ван дер Вардена будут критиковать за возражения Бибербаху, автору пресловутого антисемитского понятия «*Deutsche Mathematik*»³⁰, на заседании Немецкого математического общества 13 сентября 1934 г., даже несмотря на то что Бибербаху возражало большинство присутствовавших математиков.

Ван дер Вардену приходилось защищаться от этого обвинения даже через 8 лет, в 1942 году (я приведу его оправдания ниже в этой главе). Некоторые (но не все) просьбы ван дер Вардена о поездках будут отвергнуты. Германским представителям в Нидерландах предложат проверить поведение его отца, доктора Теодора ван дер Вардена, который был членом нижней палаты голландского парламента (1918—1940) от SDAP. Германское посольство в Гааге 9 мая 1939 г. сообщило³¹ в министерство иностранных дел в Берлине следующее:

В ответ на распоряжение от 11 апреля сего года относительно доктора техники Теодора ван дер Вардена, родился 21 августа 1876 г. в Эйндховене

Доктор ван дер Варден участвовал в социал-демократическом движении со студенческих времён. На данный момент он является представителем социал-демократов в нижней палате [парламента] и, видимо, принадлежит к более умеренному крылу. В своём отношении к Новой Германии он, вероятно, не отличается от своих марксистских сотоварищей. Однако публично он этого не проявлял.

[Подпись] Цех

²⁹ Курант, письмо от 15 октября 1935 г., несколько изменено позже, 18 октября 1935 г. New York University Archives, Courant Papers.

³⁰ «Немецкая математика», в противоположность «еврейской математике».

³¹ Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 51.

Основываясь на этом не слишком опасном сообщении об отце ван дер Вардена, саксонское министерство народного образования 23 августа 1939 г. направило³² его лейпцигскому декану следующее указание:

Конфиденциально!

Господин рейхсминистр образования прислал мне прилагаемое сообщение германского посольства в Гааге об отце профессора ван дер Вардена и отметил, что для успешного продолжения его преподавательской деятельности в Лейпцигском университете требуется, чтобы профессор ван дер Варден, сохранивший своё голландское гражданство, лояльно относился к национал-социалистической Германии и её установлениям и политическим рамкам.

Если Вы узнаете факты, доказывающие, что профессор ван дер Варден не оправдывает этих ожиданий, прошу сообщить мне.

Распорядился
[подпись] Зудентковский

Ван дер Варден, конечно, видел нацистский режим таким, каким он был. 10 августа 1935 года он писал³³ из родительского дома в Ларене, Нидерланды, уже находившемуся в Нью-Йорке Рихарду Куранту следующее:

Мы здесь, в Голландии, уже два месяца, и восстанавливаем наши души от постоянного напряжения, вражды, приказов и бумажной работы. Премника Лихтенштейну пока нет; вместо этого министерство выясняет, кто ещё не до конца перешёл [в национал-социализм], кто дружит с евреями, у кого жена еврейка, и т. д., — в той мере, в какой их самих не раздирает борьба за власть.

Всё же ван дер Варден решил не оставаться в Нидерландах и в этот, и в несколько других приездов (в 1933, 1935, 1938, 1939, 1940 и 1942 гг.), в том числе и тогда, когда он приезжал в Нидерланды с женой и детьми (т. е. по крайней мере в 1935 и 1939 годах), а также не уезжать в Соединённые Штаты, как мы видели выше. Он предпочёл жить в нацистской Германии. Этот выбор выглядит столь необоснованным, что неизбежно возникает вопрос: почему же ван дер Варден предпочёл Германию? Я попытаюсь ответить на этот важнейший вопрос в ходе этого исследования.

Ван дер Варден не был бунтовщиком: он подчинялся законам Третьего рейха и его настойчивым рекомендациям. Я располагаю копиями нескольких официальных писем, которые ван дер Варден заканчивал рекомендуемым «Хайль Гитлер!». П. Петерс, амстердамский сту-

³²Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 50.

³³New York University Archives, Courant Papers.

дент, утверждал в печати³⁴ 8 февраля 1946 г., что «каждый день он [ван дер Варден] публично произносил приветствие „Хайль Гитлер“, начиная лекции во вражеской аудитории»³⁵.

С другой стороны, достойно одобрения его поведение в качестве заместителя редактора важнейшего математического немецкого журнала «*Mathematische Annalen*». С 1934 г. ван дер Варден был одним из заместителей редактора этого журнала, издаваемого Шпрингером. В конце 1930-х гг. редколлегия состояла из главного редактора Эриха Гекке и двух его заместителей — ван дер Вардена и Генриха Бенке. Это было не только трио превосходных математиков. Эта группа, кроме того, стремилась быть справедливой ко всем авторам, включая евреев. Профессор Сэнфорд Сегал [Seg, с. 234—244] дал прекрасное описание деятельности этой редколлегии в 1939—1941 годах, а также испытания, которому её подверг издатель, Фердинанд Шпрингер.

Не желая ставить журнал под удар нацистских властей из-за публикации авторов-евреев, Шпрингер соответственно высказался на встрече с Гекке 20 декабря 1939 года. Гекке пригрозил отставкой, не соглашаясь допускать нечестность в работе редакции. К удовлетворению Гекке, ван дер Варден также пригрозил отставкой. «Ни при каких обстоятельствах не собираюсь служить помехой, если Шпрингер хочет сформировать в «*Анналах*» национал-социалистическую редколлегию», — ван дер Варден писал Бенке 10 мая 1940 г. [Wa7]. Гекке действительно ушёл в отставку (письмо об отставке датировано 24 июня 1940 г.), разрешив лишь оставить своё имя на обложке журнала (как символ его связи с Гильбертом, учеником которого был Эрих Гекке). Он сделал это лишь после угрозы Шпрингера прекратить выплату пенсии Блюменталю³⁶. Ван дер Варден остался редактором — возможно, его убедил Бенке, считавший, что их отставка откроет дорогу в редколлегию худшим людям. (Ван дер Варден оставался редактором «*Анналов*» в течение 35 лет, с 1934 по 1968 год.)

³⁴ «*Propria Cures*», еженедельник студентов Амстердамского университета, 8 февраля 1946 г. Подробнее об этом см. в следующей главе.

³⁵ Конечно, я не знаю, каким образом П. Петерс это узнал(а) и насколько можно доверять этому сообщению. Но это был ответ на письмо профессора ван дер Вардена от 1 февраля 1946 г., опубликованное в «*Propria Cures*», и если бы ван дер Варден был не согласен, он мог бы опубликовать опровержение, чего не сделал.

³⁶ Людвиг Отто Блюменталь (1876—1944), первый ученик Давида Гильберта, был редактором журнала «*Mathematische Annalen*». Как еврей, он был вынужден покинуть эту должность в 1938 г., а в 1939 г. — эмигрировать из Германии в Нидерланды. Его пенсия, которую выплачивал Шпрингер, была единственным источником средств для его сестры, остававшейся в Германии. В 1943 г. Отто Блюменталь и его жена были отправлены в концлагерь Вестерборк, где Мали Блюменталь умерла. Отто Блюменталь умер в Терезине 12 ноября 1944 г.

§ 2. Годы немецкой оккупации Нидерландов: 1940—1945

Однако голландскому народу я должен объяснить не свои действия до 1940 года, а своё поведение после нападения Германии на Нидерланды... Я никогда не читал курсов и не работал над вещами, которые допускали применение для военных целей. В 1943 году физико-математический факультет в Утрехте задал мне вопрос, не соглашусь ли я на должность профессора этого факультета. Я попросил их отложить, если можно, этот вопрос до окончания войны, поскольку не хотел, чтобы меня назначил департамент ван Дама³⁷.

*Ван дер Варден, «Оправдание», 20 июля 1945 г.*³⁸

Как ученик ван дер Вардена (диссертация 1968 г.), профессор Гюнтер Фрей пишет с авторитетностью специалиста и с понятным восхищением перед своим учителем. Беда в том, что он это делает, не проводя большого исторического исследования. Например, он поддерживает миф [Fre1], что Бодэ — и только Бодэ — был автором гипотезы, которую ван дер Варден доказал в [Wa2]. Вот почему я с осторожностью читаю его пылкие слова в панегирике 1998 года [Fre2]:

До и во время войны ван дер Варден жил в Лейпциге как иностранец и всегда отказывался сменить своё голландское гражданство, что подвергало его многим неприятностям со стороны нацистов. Последнее, однако, не могло повлиять на его морально безупречное поведение.

В отличие от Фрея, который явно считает, что история ниже математики и в доказательствах не нуждается, я приведу здесь документы, позволяющие читателю решить самостоятельно, повлияли ли обстоятельства на «морально безупречное поведение» ван дер Вардена. Он сохранил своё голландское гражданство — и можно воспринимать этот факт как проявление его неприязни к гражданству Третьего рейха. Однако следующий эпизод допускает иное, неожиданное истолкование.

Когда Германия вероломно напала на Нидерланды 10 мая 1940 года и захватила страну к 15 мая 1940 г., голландцы в Германии вначале рассматривались как враги. Действительно, уже 15 мая 1940 г. ван дер Варден был отстранён ректором³⁹ от преподавания в Лейпцигском университете:

Я уже просил Вас вчера по телефону воздержаться от любой преподавательской деятельности до дальнейших указаний. Настоящим подтверждаю

³⁷Профессор Ян ван Дам, генеральный секретарь министерства образования Нидерландов во время войны.

³⁸RANH, документы Ганса Фрейденделя. Инв. № 89.

³⁹Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 55.

Б. Л. ван дер Варден, видимо, в начале 1940-х годов.
Любезно предоставлено Лейпцигским университетом

это указание в письменном виде и прошу Вас приостановить Вашу административную деятельность в качестве директора математических семинаров и Математического института.

Одновременно я попросил министерство принять решение, сохраняет ли силу моё указание относительно Вашей деятельности как профессора и директора института с учётом Вашего официального положения и Вашей присяги фюреру.

Ван дер Варден был очень скоро восстановлен на службе. Его реакция на этот короткий перерыв позволяет лучше понять отношение ван дер Вардена к Германии и Нидерландам. Он понимал, что отстранение, вероятно, будет недолгим, но что ему, возможно, предложат принять

подданство Третьего рейха. На следующий день после отстранения от службы, 16 мая 1940 г., ван дер Варден писал⁴⁰ прославленному математику и своему надёжному другу Эриху Гекке [Wa8]:

В настоящее время мне не разрешено читать курсы. Но ректор уже написал в Берлин и попросил полномочий разрешить мне продолжать службу. Декан предсказывает, что это не вызовет возражений; возможно, мне предложат стать германским подданным. Вы поймёте, что сейчас это было бы мне неудобно. В принципе у меня нет возражений против германского подданства, но в данный момент, когда Германия оккупировала мою родину, я действительно не хочу терять свой нейтралитет и брать сторону Германии.

Как можно объяснить «нейтралитет» ван дер Вардена, когда Германия жестоко захватила его страну? Может быть, ван дер Варден считал, что он принадлежит немецкой культуре в целом и немецкой науке и математике в частности? Если да, то это объяснило бы также, почему ван дер Варден не принял предложение покинуть Германию, полученное в середине Второй мировой войны.

В предыдущем параграфе мы «присутствовали» на факультетском собрании в Лейпциге в мае 1935 года, когда ван дер Варден смело критиковал саксонского министра за нарушение закона и увольнение четырёх профессоров-евреев. Конечно, министр хотел за это отплатить, и ван дер Варден был обвинён в антинацистском поведении на заседании Немецкого математического общества в 1934 г. в Бад-Пирмонте, которое состоялось примерно на год раньше. Что удивительно даже для тяжеловесной нацистской бюрократии, это дело оставалось открытым и через 8 лет, и ван дер Варден всё ещё должен был оправдываться за своё поведение в 1934 году. 13 июня 1942 г. ван дер Варден объяснил, что произошло в 1934 г., в письме «руководителю доцентов (Dozentenschaftleiter) профессору М. Клара, с копией ректору и декану». Послушаем⁴¹:

В ответ на обвинения, направленные против меня, сообщаю о том, что произошло на годовичном заседании Немецкого математического общества в Пирмонте 13 сентября 1934 г.

Датский математик Харальд Бор выступил против немецкого математика Людвиг Бибербаха⁴² в газетной статье. Г. Бибербах защищался от его осуждения и опубликовал свой ответ в годовичном отчёте Немецкого мате-

⁴⁰Архив редактора журнала «Mathematische Annalen» Эриха Гекке; частное собрание профессора Хольгера П. Петерсона.

⁴¹Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 59.

⁴²В 1933—1934 годах немецкий математик Людвиг Бибербах, позже основавший движение и журнал под одинаковым названием «Deutsche Mathematik», стал распространять свои расистские антисемитские взгляды на математику. Датский математик Харальд Бор

математического общества (Bd. 44). В этом ответе он оскорбил лично Бора и заклеил его как «паразита [schaedling] всего международного сообщества». Публикация произошла вопреки выраженному желанию обоих редакторов годовичного отчёта, Хассе и Кноппа. По этой причине на годовичном заседании ответственность была возложена на господина Бибербаха. Публикация резко критиковалась мной и многими другими. Все мы рассматривали её как вредную для репутации немецкой науки [die Deutsche Wissenschaft]⁴³ за рубежом. Многие хорошие немцы и национал-социалисты поддерживали меня, среди них господина Хассе и Шпернер, ныне казначей Немецкого математического общества и редактор годового отчёта. В итоге собрание одобрило значительным большинством предложение, осуждающее выступление Бибербаха, и господин Бибербах был смещён с должности секретаря Немецкого математического общества.

Это было точное описание заседания 1934 года. Однако ван дер Варден продолжает со словами, противоречащими его послевоенным утверждениям о его «решительном антинацизме»:

Твёрдо заявляю, что я имел в виду лишь интересы и репутацию немецкой науки. Я никоим образом не выступал против национал-социалистических принципов или действий. Во время указанного заседания не обсуждались расовый вопрос в математике и выступление господина Бибербаха о нём, составившее причину критики со стороны Бора, а лишь форма личного ответного выпада Бибербаха и его публикация в годовом отчёте Немецкого математического общества.

Теперь вспомним Йохана А. Баррау, который сделал ван дер Вардена своим преемником в Гронингене в 1928 г., когда Баррау стал профессором в Утрехте. В преддверии своей отставки в связи с 70-летием, Баррау вновь захотел видеть ван дер Вардена своим преемником, теперь уже в Утрехте. Баррау написал⁴⁴ об этом ван дер Вардену 16 декабря 1942 г., прося дать ясный ответ:

Дорогой коллега!

После окончания текущего семестра, в сентябре 1943 г., наступает моя очередь уйти в отставку и быть заменённым. Факультетский выбор преемника зависит от точного знания, пожелаете ли Вы вернуться в Нидерланды. Почтительно просим Вас дать определённый ответ. Если Вы совсем не намерены так поступить, то не считайте за труд сообщить об этом как можно скорее. Однако если Вы хотите об этом подумать, пожалуйста, также сообщите мне, и тогда мы подождём Вашего решения.

опубликовал суровую отповедь Бибербаху незадолго до заседания Немецкого математического общества в Бад-Пирмонте.

⁴³ Термин «die Deutsche Wissenschaft» имел расистский антисемитский подтекст.

⁴⁴ Утрехтский университет, архив математического факультета, переписка, 1942.

28 декабря 1942 года ван дер Варден ответил⁴⁵ открыткой, имеющей на каждой стороне двойной штамп «Проверено. Высшее командование вооружённых сил» в круглой печати:

Весьма благодарен за Ваше письмо от 16 декабря 1942 г. Что касается Вашей последней фразы, я хотел бы иметь это дело в виду, оно очень важно для меня. Я напишу Вам в начале января.

Вскоре, 4 января 1943 года, ван дер Варден уже обдумал вопрос, но отказался дать ясный ответ⁴⁶:

Ваше предложение — это честь для меня, и я им обрадован. Я не отвергаю мысль о возвращении в Нидерланды, напротив, я всегда учитывал такую возможность в своих планах на будущее.

Эта возможность имеет свои преимущества. Сожалею, что не могу дать Вам определённый ответ, о котором Вы меня просили. Приму я должность или нет — зависит от обстоятельств, и я смогу о них судить, лишь когда будет сделано конкретное предложение работы. Многое зависит от обстоятельств, которые будут на тот момент в Лейпцигском университете, и я не могу судить о них сейчас и не смогу судить в течение двух недель.

Буду Вам весьма признателен, если в дальнейшем Вы будете держать меня в курсе этого дела.

В тот же день, 4 января 1943 года, ван дер Варден уже встретился со своим начальством в Лейпцигском университете и зафиксировал это на бумаге⁴⁷ 5 января 1943 г.:

Ректору университета, через посредство
декана философского факультета [Хайнца]

Ваше высокопревосходительство!

Факультет натуральной философии Утрехтского университета (Голландия) спрашивает меня, не пожелаю ли я занять должность ординарного профессора математики, которая освободится в сентябре 1943 г. Как я уже сообщил Вам вчера устно, этот вопрос равнозначен предложению, поскольку переговоры о предложениях не приняты в Нидерландах. Я сообщил факультету в Утрехте, что ещё не могу решить, приму ли такое назначение от [голландского] министерства. Прошу Вас сообщить в саксонское министерство народного образования об этой ситуации.

Хайль Гитлер!

[Подпись] Б. Л. в. д. Варден

Через три дня декан Хайнц добавил после текста ван дер Вардена свой собственный:

⁴⁵Утрехтский университет, архив математического факультета, переписка, 1942.

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 66 [ван дер Варден ошибочно датировал документ 1942 годом].

Переслано его высокопревосходительству господину ректору Лейпцигского университета для его сведения.

Хайль Гитлер!

[Подпись] декан Хайнц

27 июля 1943 года utrechtский физико-математический факультет официально постановил сделать ван дер Вардена первым среди своих кандидатов и сообщил⁴⁸ последнему об этом решении:

Физико-математический факультет имеет честь известить Вас, что факультет намерен поставить Вас первым среди кандидатов на вакансию в связи с отставкой Й. А. Баррау с должности профессора синтетической, аналитической, дескриптивной и дифференциальной геометрии. Мы хотели бы знать, желаете ли Вы занять должность в Утрехте.

Руководитель и секретарь факультета.

Даже несмотря на то, что ван дер Варден знал и сообщил своему лейпцигскому начальству в начале января 1943 г., что «этот вопрос равнозначен предложению, поскольку переговоры о предложениях не приняты в Нидерландах», он снова, уже 19 сентября 1943 г., уклонился⁴⁹ от ясного ответа Утрехту:

Мне очень приятно, что факультет имеет намерение поставить меня первым среди кандидатов на место Баррау. Перспектива вернуться в свою страну привлекательна для меня, но, к сожалению, в нынешней обстановке войны я не могу определённо сообщить вам, что приму назначение.

Наконец, 18 января 1944 г. генеральный секретарь министерства образования Нидерландов профессор Ян ван Дам попросил⁵⁰ ван дер Вардена дать решительный ответ:

Президент-куратор Utrechtского университета предложил мне назначить Вас профессором синтетической, аналитической, дескриптивной и дифференциальной геометрии, заполнив должность, освободившуюся после отставки профессора Й. А. Баррау. А именно, профессор Баррау недавно достиг 70 лет. Такое назначение будет соответствовать рекомендации физико-математического факультета.

Так как для меня очень важно заполнить вакансию как можно скорее, я просил бы дать мне знать, желаете ли Вы, чтобы Ваша кандидатура на эту должность рассматривалась.

Генеральный секретарь министерств
образования, науки и по делам культуры

[Подпись] ван Дам

⁴⁸Utrechtский университет, архив математического факультета, переписка, 1943.

⁴⁹Ibid.

⁵⁰Universitätsarchiv Leipzig, PA 70. P. 69.

В этой ситуации ван дер Варден порадовал своё лейпцигское начальство желанием оставаться в Германии на протяжении войны, поскольку не хотел «стать дезертиром». Декан информировал ректора, а тот, в свою очередь, доложил⁵¹ в министерство:

25 февраля 1944

Декан философского факультета Лейпцигского университета
Его высокопревосходительству ректору университета

Коллега ван дер Варден сообщил мне о сделанном ему предложении из Утрехтского университета. Во время моей беседы с ним он выразил намерение оставаться в Лейпциге, пока длится война. Я испытываю удовлетворение его позицией.

Хайль Гитлер!

[Подпись] Хайнц

[ОБОРОТНАЯ СТОРОНА:]

Лейпциг, ректор Лейпцигского университета
Beethovenstrasse 6I. Mü

1 марта 1944 г.

Nr. A: 73

Имперскому наместнику Саксонии,
министерство народного образования, Дрезден
Dresden — T 6

Ординарный профессор математики ван дер Варден сообщил мне о предложении, полученном от Утрехтского университета, и выразил намерение оставаться в Лейпциге в течение войны, поскольку не хочет стать дезертиром. Я приветствую его решение, но — не касаясь официальной стороны дела — по причинам общего характера нахожу целесообразным в дальнейшем рассмотреть возможность перехода профессора ван дер Вардена в другой университет.

Учитывая поведение профессора ван дер Вардена в связи с ужасным налётом 4 декабря 1943 г., известное мне от декана естественнонаучно-математического отделения философского факультета, я был бы признателен, если бы профессор ван дер Варден был приглашён в министерство для обсуждения академического запроса (предложения работы), полученного им.

[Подпись] Вильманнс

Таким образом, ван дер Варден убедил чиновников Третьего рейха по вопросам образования в своей лояльности к Германии (действительно ли ван дер Варден не хотел стать «дезертиром» Третьего рейха или лгал, мы никогда не узнаем). Лишь факультет в голландском

⁵¹Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 79—80.

Утрехте оставался в неведении — пока генеральный секретарь по образованию Ян ван Дам не написал⁵² президенту-куратору Утрехтского университета 22 мая 1944 г.:

В связи с Вашим предложением относительно заполнения вакансии по синтетической, аналитической, дескриптивной и дифференциальной геометрии, я передал его на рассмотрение немецких властей. В то же время я написал профессору ван дер Вардену, спросив его, пожелает ли он принять эту должность.

С немецкой стороны я получил некоторое время назад просьбу «отбросить эту мысль».

Профессор ван дер Варден написал мне, что в данное время не имеет разрешения от германского министерства образования покинуть свою должность в Лейпциге. Из его письма я заключил, что он хотел бы переехать в Утрехт.

После дальнейшего обсуждения с германскими властями в нашей стране, мне сказали, что они действительно не дадут разрешения на отъезд профессора ван дер Вардена из Лейпцига. Лично против него они ничего не имеют.

При таких обстоятельствах прошу Вас подумать, каким образом можно было бы организовать преподавание на временной основе, и дать мне предложение по этому вопросу.

Как истолковать этот документ? Ван дер Варден 25 февраля 1944 года сообщил своему немецкому начальству, в свою очередь доложившему в саксонское министерство народного образования, что хочет остаться в Лейпциге. Кажется логичным, что тогда, в соответствии с желанием ван дер Вардена, саксонское министерство сообщило ван Даму, что не разрешит ван дер Вардену покинуть Лейпциг. Кроме того, ван дер Варден ответил на письмо ван Дама от 18 января 1944 года, высказав свой интерес к работе в Утрехте, но утверждая, что у него нет разрешения от германских властей уехать в Утрехт. Логично предположить, что последнее утверждение ван дер Вардена было ложным. Действительно, после войны, защищаясь от подозрений в коллаборационизме, он ни разу не упомянул, что германское правительство не позволило ему принять должность в Утрехте. Ван дер Варден не хотел ехать в Утрехт, и обвинение в этом немцев выглядело для него в тот момент, в 1944 году, удобным оправданием.

Даже много позже, в 1993 году, ван дер Варден будет вспоминать историю с Утрехтом без упоминания этого немецкого запрета на работу в Голландии [Doll]:

⁵²Утрехтский университет, архив математического факультета, переписка, 1944.

Я получил предложение из Утрехта. Во время войны они спрашивали в письме, не желаю ли я перейти в Утрехт. Я ответил: «Сейчас нет, но после войны перейду».

Что здесь имел в виду ван дер Варден, говоря «после войны»? Если это был ответ на первоначальное предложение из Утрехта от 16 декабря 1942 г., то как мог он *тогда* знать, когда и как наступит конец войны? Первое реальное предвестие, поражение Германии в Сталинградской битве, наступит позже, 2 февраля 1943 г., а «день Д» был ещё дальше, 6 июня⁵³ 1944 г.

Больше подробностей содержало объяснение⁵⁴ ван дер Вардена от 20 июля 1945 г., написанное сразу по приезде в Амстердам после войны. Но и в нём отсутствует обвинение немцев в запрете на отъезд из Лейпцига:

В 1943 г. физико-математический факультет в Утрехте задал мне вопрос, соглашусь ли я стать там профессором. Я попросил их, если возможно, отложить вопрос до конца войны, поскольку я не хотел, чтобы меня назначил департамент [генерального секретаря голландского министерства образования Яна] ван Дама.

Действительно ли считал ван дер Варден, что если генеральный секретарь по образованию ван Дам (служивший немецким оккупантам) утвердит его назначение *по инициативе факультета* в Утрехте, то его репутация пострадает больше, чем от пребывания в одном из университетов Третьего рейха в течение всего периода жестокой германской оккупации Нидерландов? Нельзя ли предположить, что истинным мотивом снова был «нейтралитет»: переезд в Утрехт мог быть воспринят как уход с «германской стороны» и нарушение «нейтральности» ван дер Вардена?

Ясно одно: профессорство в Утрехте служило ван дер Вардену позицией для отступления — на случай поражения Германии в войне. Это предположение подтверждается ответом⁵⁵ Константина Каратеодори 25 марта 1944 года на явную просьбу ван дер Вардена о совете:

Что касается Утрехта, я очень хорошо понимаю Вашу позицию. Но конец света ещё не настал, и получилось бы неудачно, если бы Вам не удалось на некоторое время сохранить возможность туда перейти.

⁵³Союзные войска 6 июня 1944 года начали высадку в Нормандии, тем самым открыв второй фронт в Европе.

⁵⁴RANH, документы Ганса Фрейденталя. Инв. № 89.

⁵⁵Письмо Каратеодори ван дер Вардену на немецком языке от 25 марта 1944 г.; ETH-Bibliothek Zürich, Wissenschaftshistorische Sammlungen HS 652:10611.

В своём письме от 14 марта 1944 года ван дер Варден спрашивал президента Немецкого математического общества Вильгельма Зюсса, следует ли ему принять приглашение из Утрехта. В данном письме это приглашение явно использовано для того, чтобы получить другую должность. Чего жаждал ван дер Варден на самом деле, так это должности профессора в Гёттингене. Он просил Зюсса использовать своё влияние, чтобы помочь ван дер Вардену занять эту должность, и в частности обратиться в Гёттингене к Хельмуту Хассе, которому ван дер Варден уже ранее писал. В поддержку своей просьбы о работе в Гёттингене он перечислил⁵⁶ — более открыто, чем когда-либо раньше, — свидетельства своего глубокого тяготения к Германии:

Я отдал свои лучшие силы Германии, применив их в немецкой науке. Практически все свои работы и книги я написал по-немецки, я изучал, а также преподавал математику преимущественно в Германии; моя жена — немка, а мои дети воспитывались как чистокровные немцы.

Как и следовало ожидать, после войны «немецкая» жена ван дер Вардена снова стала «австрийской». После войны ван дер Варден никогда уже не станет гордиться тем, что его дети воспитывались «как чистокровные немцы». «Морально безупречное поведение», как утверждает профессор Гюнтер Фрей? Нет, сэр, в условиях тирании человек может либо эмигрировать, либо умереть, либо идти на компромиссы.

Кроме того, приглашение из Утрехта явно использовалось ван дер Варденом для получения прибавки к жалованью. 6 июля 1944 года он написал следующее довольно сердитое письмо⁵⁷ руководителю саксонского министерства образования Швендеру:

Моя проблема состоит в следующем.

Как было сообщено мне в письме А:18^bSt5 [номер документа] от 12 мая, рейхсминистр образования сказал, что повышение саксонским министерством моей преподавательской зарплаты, о котором я просил и которое притом было утверждено, не будет реализовано. Причина не сообщалась. Полагаю, что основание для отказа в том, что рейхсминистерство не ценит мою работу в Германии. Всего несколько месяцев назад один из моих коллег, по его собственным словам, получил прибавку к зарплате в 3 000 рейхсмарок. Ввиду того, что мои коллеги-математики также имеют более высокую зарплату, я считаю, что отказ [в повышении зарплаты] является понижением. Для меня это не только вопрос денег, но и вопрос о признании моей работы.

Я всё ещё имею дело с голландским министерством по поводу моего приглашения в Утрехт. Я сообщил им, что во время войны не приеду, но

⁵⁶ЕТН, Нs 652:12031.

⁵⁷ЕТН, Нs 652:11835

sehr großen Wert beilegt. Ich selbst würde das sehr bedauern. Denn ich habe das Gefühl, immer meine besten Kräfte für Deutschland und die deutsche Wissenschaft eingesetzt zu haben. Ich habe praktisch alle meine Arbeiten und Bücher in deutscher Sprache geschrieben, ich habe den wesentlichen Teil meiner Mathematik in Deutschland gelernt und wieder gelehrt; ich habe eine deutsche Frau geheiratet und meine Kinder rein deutsch erzogen.

Утверждение ван дер Вардена о своей «немецкости», факсимиле

моё окончательное решение зависит от успешности моих дел в Дрездене и Берлине.

Поэтому прошу Вас сообщить мне о причинах в любой подходящей для Вас форме... Возможно, здесь возрождаются прежние обвинения, выдвигающиеся против меня в Берлине.

Между тем ван дер Варден явно проявлял деловую активность и в своём Лейпцигском университете. Когда летом 1944 г. там появилась вакансия профессора физики, ван дер Варден предложил включить в перечень кандидатов ближайшего друга и коллегу Вернера Гейзенберга — Карла фон Вайцеккера, профессора Страсбургского университета, который был, согласно [Wall, с. 108], членом национал-социалистической лиги учителей Германии. Конечно, ван дер Варден не знал, что Вайцеккер вместе с Гейзенбергом был ключевой фигурой «Uranverein» («Уранового клуба») в «Heereswaffenamt» («Армейском бюро вооружений»); это была группа, которая пыталась создать германскую атомную бомбу и атомный реактор.

24 июля 1944 г. Вайцеккер ответил в стиле, напоминающем о письмах ван дер Вардена в Утрехт, поскольку он хотел сделать профессорство в Лейпциге своей позицией для отступления⁵⁸:

⁵⁸ETH, письмо без номера.

Мне не так легко принять решение. Мне хотелось бы иметь личного помощника; при этом условии университет в Лейпциге привлекал бы меня. Но я останусь здесь даже в случае, если условия [в Лейпциге] будут такими же, каковы они в Страсбурге. Но это трудно предвидеть.

Прежде чем завершить этот параграф, я должен упомянуть «дело о мебели и книгах». 4 декабря 1943 г. дом ван дер Вардена был разрушен бомбардировкой союзников. 19 февраля 1944 г. он попросил⁵⁹ — и 11 мая 1944 г. получил⁶⁰ — разрешение рейхсминистра науки на поездку в Нидерланды:

Рейхсминистру науки через посредство
господина ректора Лейпцигского университета

Прошу разрешения на частную поездку в Голландию в марте 1944 года для покупки мебели и научной литературы.

Я потерял всю свою мебель и книги во время воздушного налёта на Лейпциг 4 декабря 1943 г., и я узнал, что в Голландии ещё имеются возможности для возмещения ущерба.

Б. Л. в. д. Варден

Как понимать этот документ? Может быть, голландцы в оккупации больше нуждались в еде, чем в книгах и мебели, и вот почему «в Нидерландах ещё имелись возможности для возмещения ущерба»? И профессор ван дер Варден рассматривал Нидерланды просто как источник собственного снабжения? Или, как предположил профессор Н. Г. де Брёйн в электронном письме ко мне от 1 июня 2004 г. [Br3], ван дер Варден, возможно, имел иные мотивы, а книги и мебель использовались как предлог для поездки в Нидерланды? Но почему ван дер Варден искал возможность туда поехать — чтобы дезертировать из Германии? Это сомнительно, поскольку если в итоге он и ездил в Нидерланды, то быстро вернулся в Германию.

§ 3. Эпилог: конец войны

Когда 6 июня 1944 г. наступил «день Д», исход войны стал ясен. Её конец застал семью ван дер Вардена — Бартела, Камиллу и трёх их детей Хельгу, Ильзе и Ганса — в австрийской глубинке, а именно в Тауплице близ Граца, в доме его тёщи [Doll]. Ван дер Варден не желал возвращаться в Лейпциг. Он и его семья позволили американским освободителям перевезти их из Австрии в Нидерланды, где, как считал ван

⁵⁹Universitätsarchiv Leipzig. PA 70. P. 70—71, 76—78, 81—82.

⁶⁰ETH, Hs 652:12289.

дер Варден, для него по-прежнему имелось предложение работы в Утрехтском университете — в конце концов, за два с половиной года, пока его уговаривал Утрехт, он ни разу не ответил «нет».

В следующей главе мы последуем за профессором Б. Л. ван дер Варденом в Нидерланды.

Это было совсем неподходяще для голландца: работать на благо немецкой математики в те годы, когда Германия готовилась к войне и отовсюду изгоняла евреев.

Й. Г. ван дер Корпут, 20 августа 1945 г.¹

Моё искреннее желание — сохранить Вас для родины и для высшего образования.

Й. Г. ван дер Корпут, 28 августа 1945 г.²

¹Письмо ван дер Корпута ван дер Вардену; EТН-Bibliothek Zürich, Wissenschaftshistorische Sammlungen, EТН, Hs 652:12161.

²Письмо ван дер Корпута ван дер Вардену; EТН, Hs 652:12162.

Глава 3

Послевоенный Амстердам, 1945

§ 1. Брейдаблик

Доктор Тео ван дер Варден был членом второй палаты голландского парламента от SDAP и как политик пользовался всеобщей симпатией. В середине 1920-х трое сыновей его и Доротеи — Барт, Кун и Бен покинули свой амстердамский дом, чтобы жить самостоятельно. Тео тогда построил дом в амстердамском пригороде Ларен по адресу: Verlengde Engweg, 10. Великолепный дом даже имел название, гордо стоявшее прямо под большим эркером второго этажа: Брейдаблик (Breidablik).

Дочь Бена Дорит объясняет [WaD3], что Брейдаблик «означает широкий вид и происходит из древней норвежской саги о богах Водане и Донаре». Сын Куна Тео добавляет [WaT1]:

«Брейдаблик» означает «с широким видом» (вид был прекрасен) и фигурально: «люди с широкими взглядами».

Доктор Тео ван дер Варден скончался в Брейдаблике от рака 12 июня 1940 года. Его жена Доротея тяжело переживала немецкую оккупацию Нидерландов; 14 ноября 1942 г. она покончила с собой. Великолепный дом стоял пустым — или так казалось. На самом деле во время немецкой оккупации Брейдаблик использовался для спасения человеческих жизней [WaT1]:

В 1942 г., после смерти бабушки, дом был сдан людям, укрывавшим тех, кого разыскивали нацисты.

Теперь война была позади, оккупация окончилась, и Брейдаблик действительно стоял пустой, готовый принять новых обитателей. Про-

*Эта глава была впервые опубликована в апреле 2004 г. [So5]; она охватывает лишь вторую половину 1945 года, но это очень важное время, которое вполне оправдывает затраченные усилия. Предыдущая глава впервые опубликована в июле 2004 г. [So4], а следующая — в январском выпуске журнала «Geombinatorics» за 2005 г. [So6].

Брейдаблик.

Любезно предоставлено Дорит ван дер Варден

ведя в конце войны «три месяца вдали от всякой культуры и варварства»⁴ в австрийских Альпах, ван дер Варден были освобождены от фашистского режима американской армией. Ван дер Варден был не в восторге от тягот своего освобождения и описал их 1 июля 1945 года в письме⁵ Отто Нейгебауэру⁶ из лагеря для перемещённых лиц в городе Ситтард в самой южной голландской провинции Лимбург:

Когда мы были освобождены американцами, нас запихнули, как коров, в вагоны для скота и перевезли в Голландию — мою жену, 3 детей и меня. Перевозка длилась 16 дней, это было ужасно. Дети, конечно, заболели, но затем поправились здесь в лагере.

⁴Письмо Ван дер Вардена Отто Нейгебауэру от 1 июля 1945 г.; Library of Congress, Manuscript Division; копия была послана мне без указания расположения письма в этом обширном архиве — видимо, в бумагах Веблена.

⁵Library of Congress, Manuscript Division, Washington, D. C.; мне не сообщено более конкретное место хранения.

⁶Отто Э. Нейгебауэр (1899—1990), историк математики, антинацист, основатель реферативных журналов «Zentralblatt für Mathematik» (1931) и «Mathematical Reviews» (1940).

Спустя месяцы, в ноябре 1945 года, ван дер Варден всё ещё сердился на американцев, «дружеский» совет которых обернулся столь неприятным опытом, о чём он писал⁷ Рихарду Куранту в Нью-Йорк:

[Зачёркнуто⁸:] Когда пришли американцы и нам дали дружеский совет отправиться прямо в Голландию, начались мучения. Три недели мы провели в неудобных товарных вагонах и в грязных антисанитарных лагерях с плохо приготовленной и трудноперевариваемой пищей.

Однако ван дер Варден понимал, что по сравнению со многими другими людьми, пережившими войну, он находится в благополучном положении — или, может быть, он не хотел выглядеть нытиком перед своим другом Курантом. Поэтому он вычеркнул вышеприведённое описание и заменил его более мягкими словами:

Репатриация была менее чем привлекательной. Три недели в товарных вагонах и лагерях, но, конечно, это можно пережить.

1 июля 1945 года ван дер Варден был свободным человеком. Он рассчитывал переехать из Ситтардского лагеря в Ларен очень скоро, ибо в этот день он написал своим американским коллегам Лефшецу, Веблену и Нейгебауэру, дав в качестве обратного адреса Брейдаблик. И действительно, Брейдаблик готов был предоставить крышу над головой Бартелу и Камилле ван дер Варден и их детям Хельге, Ильзе и Гансу. Через несколько дней ван дер Варден переселился в этот великолепный дом. Теперь им нужно было найти хлеб для своего стола.

Ван дер Варденам в Германии пришлось легче во время войны, чем жителям оккупированной Голландии. После пяти лет оккупации и ужасной последней зимы жизнь в Нидерландах по окончании войны была нелёгкой. Послевоенная жизнь в Нидерландах была ещё суровее для ван дер Варденов, приехавших туда практически ни с чем.

Даже полгода спустя они испытывали такую нехватку самого необходимого, что ван дер Варден вынужден был переступить через свою (весьма значительную) гордость и попросить⁹ Рихарда Куранта в Нью-Йорке о помощи:

⁷Письмо ван дер Вардена Рихарду Куранту от 11 ноября 1945 года; EТН, Hs 652:10649 (не закончено и не послано, сохранились 2 страницы). Окончательное трёхстраничное письмо было послано 20 ноября 1945 г. Его местонахождение: New York University Archives, Courant Papers.

⁸Здесь и повсюду в книге текст, помеченный словом «зачёркнуто», соответствует словам, которые в подлинной рукописи аккуратно вычеркнуты, но прочитываются.

⁹Письмо ван дер Вардена Рихарду Куранту от 29 декабря 1945 г.; New York University Archives, Courant Papers.

Весьма Вам благодарен за присылку двух томов Куранта—Гильберта. Ваша любезность придаёт мне смелость выразить другое пожелание. Мы крайне нуждаемся в белье и тёплой одежде для детей. Хельге 15 лет, Ильзе — 11, Гансу — 8. В доме моего отца очень холодно. Может быть, у Вашей жены найдётся какая-нибудь шерсть или вещи, которые дети больше не носят? Они могут быть сколь угодно старыми и уродливыми: моя жена может превратить практически что угодно во что угодно. И ещё: нельзя ли прислать простыню (на кровать)? У нас только 4 простыни на 5 кроватей, и здесь их совсем невозможно достать.

Надеюсь, что Вы и Ваша жена не рассердитесь, что я прошу так много. Если это трудно для Вас или если Ваши близкие больше нуждаются в вещах, чем я, — пожалуйста, ничего не посылайте.

§ 2. Новый Свет или Старый?

Я отвергаю не то, что он остался немецким профессором до конца, — я отвергаю то, что он остался немецким профессором в начале!

Отто Нейгебауэр, 15 августа 1945 г.¹⁰

Читатель может здесь вспомнить о приглашении из Принстонского университета, которое получил профессор ван дер Варден в апреле 1933 года, вскоре после прихода Гитлера к власти [см. предыдущую часть]. Уже получив все разрешения, ван дер Варден в последний момент (в конце июля 1933 г.) внезапно решил не ехать в Принстон.

1 июля 1945 года, пробыв ровно неделю в Голландии, он написал из лагеря для перемещенных лиц в Ситгарде новому заведующему кафедрой математики в Принстоне Соломону Лефшецу¹¹. После войны ван дер Вардена встретил бы восторженный прием в Лейпцигском университете — почему же он туда не вернулся? Этот вопрос занимал меня много лет, пока я не нашёл ответ в этом письме, адресованном Лефшецу. Даже Лефшец никогда не узнал ответ, поскольку он сохранился только в копии, сохранённой ван дер Варденом для себя: там ответ был написан, а затем зачёркнут! Мы читаем здесь — и нигде больше, — что ван дер Варден особенно не хотел возвращаться в Лейпциг потому, что Лейпциг был теперь в русской зоне оккупации, и ван дер Варден не имел желания жить под властью русских. И вообще он не желал оста-

¹⁰Письмо Хайнцу Хопфу; Hopf Nachlass, ETH, Hs 621:1041.

¹¹Соломон Лефшец (Москва, 1884—Принстон, 1972), профессор (1924—1953) и заведующий математическим отделением (1945—1953) Принстонского университета. В 1945 году он сменил многолетнего заведующего (1929—1945) Лютера Пфалера Эйзенхарта.

ваться в Нидерландах, Австрии или Германии ввиду их «разорённого состояния».

Он считал, что сможет получить должность в Нидерландах, основываясь, видимо, на прежнем предложении из Утрехта, но предпочитал¹² поехать в Америку:

Наконец мир, слава Богу! С помощью наших могучих союзников Голландия освобождена от гнёта, но она находится — подобно Германии и Австрии — в разорённом состоянии. Продовольственное снабжение достаточно, но не хватает всего остального, необходимого для жизни: даже железные дороги не работают. Научная работа и международные контакты практически невозможны.

В марте, когда мой дом в Лейпциге был уничтожен бомбами, я с семьёй смог вырваться из ада бомбёжек в Австрию. Оттуда нас только что репатриировали в Голландию. [Зачёркнуто: Возвращение в Лейпциг, принадлежащий ныне русской зоне оккупации, представляется невозможным, а если и возможным, то нецелесообразным.] Я могу получить должность в Голландии, [зачёркнуто: вероятно,] но, как я уже сказал, Голландия находится в тяжёлом экономическом и политическом кризисе. По всем этим причинам я предпочёл бы переехать [зачёркнуто: временно или окончательно] в Америку.

В частности, ван дер Варден хотел быть снова приглашённым в Принстон:

Несколько лет назад Вы побуждали меня написать Вам, если я хочу быть приглашённым в Америку. В 1939 году¹³ я был приглашён приехать в Принстон как гость на полгода. Как Вы считаете, можно ли повторить это приглашение? Я был бы очень рад возобновить контакты с американскими математиками, особенно с принстонскими. Я с радостью приму любое приглашение такого рода... С наилучшими пожеланиями Веблену¹⁴, Нейману¹⁵ и другим принстонцам.

В тот же день, 1 июля 1945 года, ван дер Варден написал почти идентичное письмо¹⁶ Освальду Веблену в Институт высших исследований в Принстоне. Единственная разница состояла в мотивировке желания

¹²Письмо на английском языке; ЕТН, Нs 652: 11346.

¹³На самом деле он был приглашён шестью годами раньше, в 1933 году, см. предыдущую главу.

¹⁴Освальд Веблен (1880—1960), профессор (1905—1932) в Принстоне, первый профессор (1932—1950) в Институте высших исследований, существенно способствовал спасению европейских учёных от Гитлера и их переезду в США.

¹⁵Джон фон Нейман (Будапешт, 1903—Вашингтон, округ Колумбия, 1957), математик и физик, один из великих учёных XX века, профессор Института высших исследований.

¹⁶Письмо на английском языке; ЕТН, Нs 652:12193.

переехать в Америку — к «разорённому состоянию» Голландии, Германии и Австрии ван дер Варден добавил высокую оценку уровня математики в США:

В течение пяти лет я был отрезан от международной математики, чьё сердце бьётся в Америке, и хочу возобновить контакты как можно скорее.

Третье письмо¹⁷ ван дер Варден послал 1 июля 1945 г. Отто Нейгебауэру.

20 августа 1945 года Соломон Лефшец ответил¹⁸ следующим образом:

Мне было весьма печально слышать о том, что Вы лишились дома в Лейпциге, и я вполне могу понять Ваше желание приехать в Соединённые Штаты (кто сейчас в Европе не испытывает подобных чувств?). Однако у нас всё сейчас полностью меняется, и время не кажется очень подходящим для приёма учёных из-за границы, особенно бывших профессоров германских университетов. Я переслал копии Вашего письма некоторым математикам, которые Вас знают, в частности членам Института высших исследований, так как упомянутое Вами довоенное приглашение могло исходить только от них. Они сообщили мне, что в настоящее время ничего подходящего нет. Один из них выразил надежду, что Вы займёте должность в Утрехте, поскольку, без сомнения, они весьма нуждаются в Вас. Признаюсь, что до некоторой степени я с ним согласен.

Ван дер Варден не мог счесть письмо Лефшеца особенно обнадеживающим. Несомненно, он уловил иронию, тонко скрытую за риторическим вопросом Лефшеца: «Кто сейчас в Европе не испытывает подобных чувств?». Более того, Лефшец был даже резок, когда признал, что время не было «очень подходящим для приёма учёных из-за границы, особенно бывших профессоров германских университетов». Похоже, Лефшец подразумевал, что ван дер Варден сделал ошибочный выбор, оставшись в Германии, и теперь должен платить за то, что во время войны был не на той стороне. В «оправдание» Лефшеца следует заметить, что он обращался жёстко и саркастично с подавляющим большинством окружающих людей. Даже в панегирике Лефшецу в 1973 г. [Hod] сэръ Уильям Ходж цитирует песню принстонских студентов:

Это о Лефшеце (Соломоне Л.),
Адском спорщике.
Когда он в итоге окажется в земле,
Он станет донимать Бога.

¹⁷Library of Congress, Manuscript Division, Washington, D.C.; мне не сообщено более конкретное место хранения.

¹⁸ETH, Hs 652:11347.

Нужно добавить, что в своём ответе профессор Лефшец допустил фактическую ошибку: приглашение 1933 года не только пришло из Принстонского университета, а не из института, но Лефшец сам присутствовал на заседании Принстонской комиссии по науке, где было решено пригласить ван дер Вардена (см. предыдущую главу).

При этом Принстону был нужен алгебраист. Просто Лефшец имел одного в виду и намеревался его завлечь. В среду 17 октября 1945 г. он написал¹⁹ избранному им алгебраисту:

Дорогой Артин!

Вследствие недавних потерь нашего отделения²⁰, к которым теперь надо добавить отставку Веддербёрна²¹ (которая скоро станет официальной), я чётко осознаю, что в наш состав необходимо включить крупного алгебраиста. Вы первый, о ком я подумал в этой связи, и, если можно, я бы предпочёл не продолжать своих поисков. Благодаря Вашим достижениям как математика и Вашему хорошо известному благожелательному влиянию на молодёжь, Вы действительно тот человек, который сейчас нужен.

21 октября 1945 г. Артин с удовлетворением ответил²²:

Дорогой Лефшец!

С величайшей радостью получил Ваше письмо. Для меня высокая честь, что Вы думаете обо мне. Я не был бы математиком, если бы не был сильно заинтересован и привлечён возможностью поехать в Принстон. Принстон сейчас, в конце концов, центр всей математики²³.

¹⁹Принстонский университет, личный архив Эмиля Артина.

²⁰Видимо, Лефшец имеет в виду отставку 1 июля 1945 г. заведующего кафедрой и декана Лютера Пфалера Эйзенхарта, профессора университета в течение многих лет, а также отъезд в Индиану в сентябре 1945 г. (адъюнкт-)профессора Генри Фредерика Боненблуста.

²¹Джозеф Генри Маклаган Веддербёрн (2 февраля 1882 г., Шотландия — 9 октября 1948 г., Принстон), алгебраист шотландского происхождения и принстонский профессор. По случаю его отставки 29 октября 1945 г. все сотрудники математического отделения в Принстоне подписали следующую резолюцию, составленную А. У. Таккером и А. Чёрчем: «ПОСТАНОВЛЯЕМ: отделение математики выражает свою высокую оценку долгой и выдающейся деятельности профессора Дж. Г. М. Веддербёрна в качестве сотрудника кафедры Принстонского университета и его важнейшего вклада в репутацию кафедры благодаря его выдающимся математическим исследованиям и его безмерным усилиям в качестве редактора журнала „Annals of Mathematics“. Его коллеги надеются, что отставка не станет концом этого сотрудничества и он будет вносить вклад в научную жизнь отделения ещё в течение многих лет».

²²Принстонский университет, личный архив Эмиля Артина.

²³Переписка между Лефшецем и Артином осталась «сугубо доверительной», как сформулировал Лефшец в письме от 17 октября 1945 года. Математическое отделение Принстона было проинформировано о согласии Артина лишь на факультетском собрании 22 марта 1946 г., через два дня после телеграммы Артина с формальным согласием.

Словно имея в виду мой рассказ, Артин затем спросил:

Как идут дела ван дер Вардена после его письма?

Этот вопрос Артина показывает, что Лефшец распространял письмо ван дер Вардена от 1 июля 1945 г. с просьбой о должности в Принстоне, видимо вместе со своим отрицательным ответом. 27 октября 1945 г. Лефшец информировал²⁴ Артина, что ван дер Варден не приглашён в Принстон:

В отношении ван дер Вардена ничего не делалось — ничего, по крайней мере с этой стороны.

Прежде чем могли прийти ответы из Америки, ван дер Варден написал своему другу Хайнцу Хопфу²⁵, немецкому математику, а ныне швейцарскому гражданину, работавшему в Цюрихском федеральном технологическом институте. Я не смог найти эти письма, но судя по ответу²⁶ Хопфа от 3 августа 1945 года, они были написаны 19 и 21 июля 1945 года. Хопф восхвалял Швейцарию и её нейтралитет²⁷:

Здесь, в Швейцарии, естественно, меньше фанатизма; по моему мнению, это особенно важное и удачное следствие нашего нейтралитета... У моей жены и у меня всё хорошо... мы счастливы, что мы швейцарцы.

Кажется правдоподобным, что эта похвала швейцарскому нейтралитету и удовлетворённость Хопфа швейцарским гражданством могли поселить в ван дер Вардене желание жить в Швейцарии. Хопф сожалел, что швейцарцы считали — как и должны были, по моему мнению, — что «гитлеризм» является частью немецкой культуры:

Прошу Вас не понимать неправильно предыдущее замечание насчёт нейтралитета, все здесь полностью и открыто настроены против Германии, ожесточение против нацистов колоссально, но и границы между гитлеризмом и немецкой культурой не всегда осознаются²⁸.

Тем не менее Хопф надеялся, что эти неясные «границы» не повлияют на восприятие ван дер Вардена швейцарскими математиками:

²⁴Принстонский университет, личный архив Эмиля Артина.

²⁵Хайнц Хопф (1894—1971), один из ведущих топологов, с 1931 года профессор Цюрихского ЕТН, из семьи германских евреев.

²⁶Письмо Хопфа ван дер Вардену от 3 августа 1945 г., ЕТН, № 652:11129.

²⁷В свете разоблачений последних лет нейтралитет Швейцарии во время войны находится под вопросом.

²⁸Нацизм (к величайшему несчастью для многих) является продуктом и частью немецкой культуры, точно так же, как марксизм или музыка Баха и Бетховена. Разумеется, существует высокая культура и бескультурье. Но и то и другое является частью культуры в широком смысле слова, и кто может — и станет — чётко их разделять?

Полагаю, что на вопрос, как сегодня швейцарские математики отнеслись бы к Вам лично, можно ответить следующим образом. Несомненно, почти все, а может быть и абсолютно все, видят в Вас выдающегося интеллектуала; но, кроме того, те, кто действительно заинтересован в Вас и кто в последние несколько лет получал о Вас сведения через границы, уверены, что Вы не были нацистом и что в действительности нацисты Вас терпеть не могли. Положение Каратеодори в последние годы было таким же, как и Ваше, и к его 70-летию многие швейцарские математики посвятили ему свои работы.

Хопф понимал, что ван дер Вардену придётся отвечать за пребывание в Германии в течение всего периода нацизма, включая пять лет нацистской оккупации Нидерландов, и он предложил ван дер Вардену следующий способ оправдания:

...вероятно, следовало бы рассуждать так: он был профессором в Германии даже в период унижения Германией его родины, поскольку верил, что этим он мог как-то помочь сохранению европейской культуры, а значит, он пытался как-то спасти и Германию. Полагаю, что на это было бы очень трудно возразить...

Неясно, искренне ли верил профессор Хопф, что можно было сохранить немецкую культуру, служа нацистскому государству и тем усиливая его. Как мы увидим позже, ван дер Варден действительно применит в Нидерландах этот способ оправдания, но не вполне успешно. Между тем Хопф признал плохие перспективы найти работу в Швейцарии:

Более проблематично, что Вы найдёте работу... Возможности получить должность в Швейцарии сейчас весьма невелики, это почти невозможно.

И потому Хопф предложил ван дер Вардену искать работу в Германии — совет, вряд ли понравившийся ван дер Вардену:

Полагаю, что тому, кто чувствует себя молодым, обладает большой работоспособностью и энергией, именно сейчас в действительности могла бы подойти работа в Германии в области чистой науки. Возможно, в нынешней столь печальной, если не безнадёжной, ситуации в Германии молодые силы могли бы интенсивнее работать над чисто интеллектуальными и культурными проблемами, чего они не могли делать раньше и даже не могут в других местах...

Хопф посоветовал также разузнать о возможностях работы в США:

В этой ситуации я бы написал также в Америку, может быть, Вейлю²⁹. (Кстати, я писал Нейгебауэру несколько дней назад, сразу после визита Клостермана, и я ему кратко написал о Вас.)

²⁹Герман Клаус Гуго Вейль (1885—1955), профессор в ЕТН (1913—1930), Гёттингене (1930—1933) и Институте высших исследований (1933—1952).

В заключение Хопф побранил голландцев, не ухватившихся сразу за возможность предоставить должность ван дер Вардену:

Когда голландцы, к которым Вы можете обращаться с чистой совестью и предлагать свои услуги, не желают Вас принять, — они, по моему мнению, занимаются тем, что сами себе причиняют вред. Я нахожу несомненным, что через несколько лет, когда волны немного успокоятся, в мире найдётся место, где Вы будете снова заниматься своей работой — разумеется, при условии, что до этого Вы с семьёй сможете продержаться экономически, в чём я не уверен.

Ван дер Варден процитирует эти строки голландцам почти немедленно — в течение двух недель. Через четыре с половиной месяца, в своём следующем письме³⁰ от 18 декабря 1945 г., Хайнц Хопф объяснил своё долгое молчание невозможностью пригласить ван дер Вардена даже на короткое время. В чём была причина? Швейцарцы ценили свой нейтралитет больше, чем квалификацию ван дер Вардена:

Все мои попытки пригласить Вас сюда, чтобы представить нескольким лицам, окончились безуспешно. Было весьма строго рекомендовано исключить изначально всякого рода конфликты с дружественными правительствами. Я здесь не единственный, кто об этом сожалеет.

Таким образом, в итоге это была плата за швейцарский нейтралитет: в 1945 г. Швейцария не разрешила даже короткий визит бывшему германскому профессору ван дер Вардену. Как мы увидим вскоре (в следующей главе), Швейцария отбросит такую осторожность уже на следующий год.

В июле или августе 1945 года Хопф написал о затруднениях ван дер Вардена немецкому историку математики Отто Нейгебауэру, который жил теперь в США и редактировал журнал «Mathematical Reviews», основанный им в 1940 г., после того как издательство «Springer» оказало на Нейгебауэра давление, чтобы подчинить нацистскому духу «Zentralblatt für Mathematik». 15 августа 1945 г. Нейгебауэр ответил³¹ Хайнцу Хопфу по-английски следующим образом:

...Я слышал [об этом] непосредственно от ван дер Вардена. Я отвергаю не то, что он остался немецким профессором до конца, — я отвергаю то, что он остался немецким профессором в начале! Однако я отнюдь не чувствую себя господом Богом и [потому] не намерен что-либо делать за или против.

Между тем ван дер Варден ничего не слышал ни от Хопфа (с начала августа), ни от Нейгебауэра. Поэтому 11 ноября 1945 г. ван дер Вар-

³⁰ETH, Hs 652:11130.

³¹Hopf Nachlass, ETH, Hs 621:1041.

ден написал³² своему давнему наставнику и другу Рихарду Куранту³³ в Нью-Йорк о бомбёжках последних месяцев войны, о своей трудной репатриации и о своей новой работе в «Ройял Датч Ойл».

13 декабря 1945 года Курант, сам являвшийся беженцем из нацистской Германии, прислал сдержанный ответ. Прежде чем принять решение, возобновлять ли их старую дружбу, Курант просил³⁴ объяснить, почему ван дер Варден предпочёл остаться в Германии:

Очень хочу, чтобы нашлась возможность поговорить с Вами лично и — на ту же тему — с другими старыми друзьями, находившимися во время войны в Германии. Конечно, за это время столько произошло, что нередко требуется многое объяснить, прежде чем можно будет возобновить прерванную дружбу. Ваши друзья в Америке, например, не могли понять, почему Вы, голландец, предпочли остаться с нацистами.

Более того, Курант сделал свою просьбу об объяснении публичной — сверху письма я вижу надпись от руки:

Копии посланы:

Рейнгольду Бэру³⁵, университет штата Иллинойс, Урбана;
Герману Вейлю — Институт высших исследований, Принстон;
Веблену.

(Бумаги Куранта включают и рукописное послание ван дер Вардена от 20 ноября 1945 г., и его машинописную копию. Это означает, что Курант перепечатал это письмо и разослал его копии по тем же адресам, что и свой ответ.)

Как ранее Лефшец, Курант был твёрдо убеждён, что ван дер Варден сделал неправильный выбор. 20 декабря 2004 года мне представилась возможность задать Эрнесту Куранту³⁶, старшему сыну Рихарда Куранта и выдающемуся физику-ядерщику, естественный вопрос: «Что думал Ваш отец о ван дер Вардене?» Он ответил следующее:

Он [Рихард Курант] рассматривал его [ван дер Вардена] как великого математика и несколько критически относился к нему за то, что он, пожалуй, слишком комфортабельно себя чувствовал в нацистской Германии.

³²ETH, Ns 652:10649.

³³Рихард Курант (1888—1972) эмигрировал в США как германский еврей, активно помогал беженцам от нацизма находить работу в США, основатель Математического института в Гёттингене и Курантовского института математических наук при Нью-Йоркском университете.

³⁴New York University Archives, Courant Papers.

³⁵Рейнгольд Бэр (1902, Берлин—1979, Цюрих), известный специалист по теории групп, был профессором в университете Иллинойса (1938—1956), а затем во Франкфурте.

³⁶Эрнест Давид Курант, родился в 1920 г. в Германии, приехал в 1934 г. в США со своей семьёй; физик-ядерщик, член Национальной академии наук, известный и заслуженный сотрудник Брукхевенской национальной лаборатории.

Итак, Америка и Швейцария должны были подождать. Нищие не могут выбирать, так что ван дер Варден был теперь — наконец — готов серьёзно отнестись к должности профессора на своей «разорённой» (по его выражению) родине.

§ 3. «Оправдание»

В некоторые рассказы трудно поверить. Отчасти это связано с тем, как люди всегда рассказывают о своём прошлом. Причины их поведения в прошлом, которые они приводят, могут быть просто вымыслом, на который наложили отпечаток пути истории.

Н. Г. де Брёйн, 1 июня 2004 г., [Br3]

Ван дер Варден ожидал, что должность профессора в Утрехте, впервые предложенная ему в декабре 1942 г., до сих пор ждёт его. Он не возражал и против должности в Амстердаме. Но «Militair Gezag» (военная администрация) после освобождения учредила в каждом из пяти голландских университетов комиссии по восстановлению, которая постепенно стала известна как коллегия по восстановлению и должна была советовать военной администрации, какие меры принимать по отношению к коллаборационистам и другим прогерманским профессорам и служащим, а также когда университет можно открыть снова. Предполагалось устранить всех подозрительных сотрудников за несколько месяцев. На самом деле устранение длилось гораздо дольше³⁷.

Утрехтская коллегия по восстановлению и очищению, как она в данном случае называлась, была учреждена 18 июня 1945 года. В неё входили: его превосходительство доктор Л. Х. Н. Бош риддер ван Розенталь, президент университета (который уже был президентом в 1930—40-х гг., пока его не сместили во время войны германские власти); доктор Х. В. Стенверс; доктор А. Й. Букельман и, дополнительно, Мари-Анне Теллеген, которой пришлось совмещать это назначение с обязанностями директора Кабинета королевы. Утрехтская коллегия по восстановлению и очищению была преобразована в обычную коллессию кураторов в июне 1946 года.

³⁷Я благодарен доктору Петеру Й. Кнегтмансу, историку Амстердамского университета, за сведения о коллессиях по восстановлению и деятельности городской администрации Амстердама, которые содержатся в его электронных письмах ко мне [Кп3] и [Кп4]. Подробнее см. в его книге [Кп1]. Послевоенная голландская система образования и управления представляла собой «джунгли», так что помощь гида, не имеющего равных по компетентности, была неоценима!

В Амстердамском университете коллегия по восстановлению появилась 8 июня 1945 года. В неё входили: невролог профессор К. Т. ван Валкенбург, который во время немецкой оккупации положил начало сопротивлению врачей общей практики и медицинских специалистов; архитектор Вигер Бройн, активный деятель движения Сопротивления в среде художников, и Гис ван Халл, финансист и банкир сопротивления, позже ставший мэром Амстердама. Коллегия должна была проверять сотрудников, против которых выдвигались подозрения, но фактически она делала это лишь в сомнительных случаях и весьма формально, поскольку одновременно действовала коллегия кураторов. 19 мая 1947 года коллегия по восстановлению была расширена и превращена в коллегия кураторов.

В то время Амстердамский университет принадлежал городу. Однако городская администрация (бургомистр и 6 старейшин) не могла назначать профессоров; это мог делать лишь городской совет, состоявший из 45 членов. При этом назначение профессора требовало королевской санкции. Королева не могла дать согласие, если к ней не обращалось правительство с просьбой об этом. С другой стороны, правительство не обращалось с такой просьбой, если была хоть малая вероятность, что королева её отклонит, что несколько раз всё же случилось за эти послевоенные годы.

Голландец по происхождению, профессор истории математики в Массачусетском технологическом институте Дирк Й. Стройк поддерживал тесные связи с ведущими голландскими коллегами. Следующее его утверждение [Str] основано на письме, полученном в 1945—1946 гг. от Яна Схоутена³⁸:

Хотя он [ван дер Варден] при Гитлере оставался в Лейпцигском университете, он был способен защищать студентов еврейского происхождения или имевших левые взгляды³⁹. Это обнаружилось после войны, когда его поведение в Лейпциге расследовалось комиссией его коллег в Нидерландах. Он был полностью оправдан.

12 апреля 1995 года я процитировал это утверждение в письме к профессору ван дер Вардену и попросил его подробно описать мне эту «ко-

³⁸Ян Арнольд Схоутен (1883—1971), профессор математики и механики в Делфте (1914—1943) и экстраординарный профессор (что аналогично адъюнкт-профессору) в Амстердаме (1948—1953).

³⁹Как мы видели в предыдущей главе, ван дер Варден выступал против увольнения лейпцигских профессоров-евреев в 1935 г. и публиковал статьи авторов-евреев в «Анналах». Я не нашёл свидетельств того, что он защищал «студентов еврейского происхождения или имевших левые взгляды».

Dear Professor Solfer

To answer your questions

1. I heard of "Baudet's Conjecture" in 1926.
2. I never met Baudet.
4. I never met Schur.
5. I never heard about Schur's result.
6. Before your letter came, I did not know that a commission was formed to investigate my behaviour during the Nazi time.

Sincerely yours

BZ vd Waerden

Письмо ван дер Вардена Александру Сойферу от 24 апреля 1995 г.

миссию коллег». 24 апреля 1995 г. ван дер Варден ответил [Wa19] (см. на с. 88 факсимиле этого письма):

Пока не пришло Ваше письмо, я не знал, что была создана комиссия, чтобы расследовать моё поведение в нацистские времена.

Однако я установил, что коллегия по восстановлению Амстердамского университета занималась ван дер Варденом, так как городская администрация писала⁴⁰ о ван дер Вардене в комиссию по денацификации, каковой и являлась коллегия. Более того, ван дер Варден о расследовании знал: 20 июля 1945 г., спустя всего несколько недель после возвращения в Нидерланды, он собственноручно написал своё «Оправ-

⁴⁰ Доктор Кнегтманс [Kn1] ссылается на письмо от 17 апреля 1946 г. из амстердамской администрации в коллегия (Archief Curatoren nr 369), где сказано, что «назначение [ван дер Вардена] не состоялось также потому, что министр заранее предупредил городской совет, что не утвердит его».

дание» для амстердамской коллегии. Оно было представлено также в утрехтскую коллегию. 14 августа 1945 г. физико-математический факультет Утрехтского университета переслал этот документ⁴¹ в комиссию по восстановлению и очищению, рекомендуя ван дер Вардена в качестве первого кандидата на место Й. А. Баррау.

Ван дер Варден даёт объяснения о причинах своего пребывания в нацистской Германии и деятельности в Третьем рейхе. Это — важнейшее свидетельство, никогда раньше не обсуждавшееся историками. Я обязан привести перевод этого документа⁴², написанного от руки по-голландски, целиком (со своими комментариями):

О п р а в д а н и е

С 1931 года я являлся профессором Лейпцигского университета. Дальнейшее служит объяснением, почему я оставался там до 1945 года:

1) С 1933 г. по 1940 г. я считал своей важнейшей обязанностью помогать защите европейской культуры, и в особенности науки, от разрушающего культуру национал-социализма. Вот почему я в 1933 г. ездил в Берлин и Гёттинген протестовать против бойкота курсов Ландау гёттингенскими студентами-нацистами. В 1934⁴³ г. Гейзенберг и я решительно протестовали на факультетском собрании в Лейпциге против увольнения четырёх евреев. Вследствие этого я получил замечание от саксонского правительства (от Унтшмана⁴⁴) и предостережение, что, как иностранец, я не должен вмешиваться в германскую политику. Здесь неуместно писать о том, что лично делали моя жена и я, чтобы помочь друзьям-евреям с эмиграцией, но уместно сказать, что как редактор [один из редакторов] журнала «Math. Annalen» я до 1942 г. принимал статьи евреев и «Jüdische Mischlinge»⁴⁵, далее, что в «Gelbe Sammlung» [«Жёлтой серии»] издательства «Springer», за которую я частично отвечал, в 1937 г. появилась важная работа автора-еврея (Курант, Гильберт, «Methoden der Mathematischen Physik II»), и что в 1941 г. я представил к публикации неарийского автора. В 1936 г.⁴⁶, когда умерла моя уважаемая наставница Эмми Нётер, еврейка, я подчёркивал её великие заслуги.

Я не мог знать заранее, что это всё равно что биться о кирпичную стену [vechten tegen de bierkaai] и что нацизм, погибая, потащит за собой всю

⁴¹Утрехтский университет, архив математического факультета, переписка, 1945.

⁴²Ibid. Этот документ был важен для ван дер Вардена: даже спустя полгода, 22 января 1946 г., ван дер Варден включил копию «Оправдания» в письмо своему другу Гансу Фрейденталю. Как следствие, другой экземпляр этого документа хранится в RANH: документы Ганса Фрейденталю. Инв. № 89.

⁴³На самом деле в 1935 г., см. предыдущую главу.

⁴⁴Видимо, это фамилия чиновника саксонского правительства.

⁴⁵В этом документе на голландском языке приведён по-немецки в кавычках нацистский термин, обозначающий людей смешанного еврейско-арийского происхождения. Его можно перевести как «еврейские полукровки».

⁴⁶На самом деле в 1935 г.

Verdediging:

Sinds 1931 ben ik professor aan de Universiteit Leipzig. Ten verblaring, waarom ik aldaer tot 1945 gebleven ben, dinea het volgende:

1) van 1933 tot 1940. Ik beschouwde het als mijn belangrijkste taak, de Europese cultuur, en in het bijzonder de wetenschap tegen het cultuurvernietigende nationaalsoocialisme te helpen verdedigen. Daarvoor ben ik in 1933 naar Berlijn en Göttingen gereisd om tegen de boycot van de colleges van Londen door Göttinger nazi-studenten te ageren. In 1934 hebben Heisenberg en ik in een faculteitsvergadering in Leipzig met klem tegen het ontslag van 4 joden geprotesteerd. Daarvoor heb ik van de Saksische regering (Mutschmann) een berisping gekregen en een vermaning, dat ik mij als buitenlander niet in de Duitse politiek mocht mengen. Wat mijn vrouw en ik persoonlijk hebben gedaan om joodse vrienden bij hun emigratie te helpen, doet hier niet ter zake, maar wel, dat ik als redacteur van de Math. Annalen tot 1942 nog artikelen van joden en „jüdische Mischlinge“ heb aangenomen, verder dat in de Gelbe Sammlung bij Springer, waar ik mede verantwoordelijk voor ben, in 1937 nog een belangrijk werk van een joods auteur (Lorant-Hilbert, Methoden der mathematischen Physik II) is verschenen en dat er in 1941 nog een niet-ariër bij mij is gepromoveerd. In 1936 heb ik bij de dood van mijn vereerde leermeesteres Emmy Noether op de grote verdiensten van deze jodin gewezen.

Dat dit alles, vechten tegen de bierkaai“ zou zijn en dat de Nazis de hele Duitse cultuur in hun ondergang mee zouden slepen, kon ik niet van tevoren weten. Ik hoopte, nog steeds, dat het Duitse volk eindelijk rede aan zou nemen en een einde aan het Gangster-regime zou maken. Intussen is mijn werk toch niet helemaal tevergeefs geweest, want mijn leerlingen, zoals Seifert, Hans Richter, Wei-Liang Chow, Li En-Po, Wintgen e.a., wier dissertaties in de Math. Annalen zijn opgenomen, hebben in Leipzig voortreffelijk werk verricht.

Als ik niet in Duitsland was geweest, waren deze niet licht met de problemen, die ik ze heb voorgelegd, in aanraking gekomen.

Dit alles moogt ~~u~~ nader begrip van mijn gezindte tegenover de Nazis dienen. Waarover ik tegenover het Nederlandse volk rekenschap verschuldigd ben, zijn echter niet mijn handelingen voor 1940, maar die nadat Nederland door Duitsland aangevallen werd.

2) Van 1940 tot 1945. Na het uitbreken van de oorlog met Nederland werd ik eerst opgesloten, daarna vrijgelaten met het verbod, Duitsland te verlaten. Ik was dus praktisch in dezelfde positie als degenen, die onder dwang in Duitsland werkten. Had ik mijn betrekking neergelegd, dan was ik waarschijnlijk in een munitiefabriek te werk gesteld. Ik heb nooit voor de werkmacht gewerkt, nooit college gegeven over of gewerkt aan dingen, die voor militaire doeleinden gebruikt zouden kunnen worden.

In 1943 vroeg de faculteit voor wis-en-natuurkunde in Utrecht mij, of ik een benoeming tot hoogleraar aldaar aan zou willen nemen. Ik heb verzocht, de zaak zo mogelijk tot na de oorlog uit te stellen, omdat ik niet door het departement-van Dam benoemd wilde te worden.

Ik hoef hier niet aan toe te voegen, dat ik nooit lid van enige NS organisatie ben geweest of daarmee gesympathiseerd heb, want dat spreekt voor een fatsoenlijk denkend mens vanzelf. Het was in Duitsland algeniet bekend, dat ik een Nazi was, vandaar dat de regering mij wantrouwde en mij geen toestemming gaf om in 1939 naar het Voltacongres in Rome te gaan, om voordrachten in Hongarije of voor Franse krijgsgevangenen te houden of in Rome aan een bijeenkomst van wetkundigen deel te nemen. De faculteit in München had mij als opvolger van Caratheodory voorgedragen, maar de partij-instanties verklaarden mij "ontzagbaar", en de benoeming kwam niet tot stand.

Ook mijn vrouw, die een Oostenrijker is, is van 't begin af aan fel tegen het Nazi-regime gekant geweest.

Laren N-H, 20 Juli 1945

B.L.v.d.Waerden

немецкую культуру. Я всё ещё надеялся, что немецкий народ наконец одумается и положит конец гангстерскому режиму. Между тем моя работа не была совсем бессмысленной, поскольку мои ученики, такие как [Герберт] Зейферт, Ганс Рихтер, Чжоу Вэй-Лян, Ли Энь-Бо, Винтген и др., диссертации которых были опубликованы в «Math. Annalen», великолепно потрудились в Лейпциге. Если бы я не был в Германии, они [ученики], видимо, не занялись бы задачами, которые я им дал.

Ван дер Варден тщательно придерживался фактов, говоря о своей деятельности в Третьем рейхе. Рассказ о его мужественном и благородном поведении в отношении евреев во времена нацизма может выдержать самую придирчивую проверку. Однако ван дер Варден говорил не всю правду. Так, он не упомянул своё заявление о «чистокровном арийстве» (1933), свою клятву верности Гитлеру (1934) и использование рекомендованного приветствия «Хайль Гитлер» в лекциях и письмах (см. предыдущую часть).

Как советовал Хайнц Хопф, ван дер Варден оправдывал своё пребывание в нацистской Германии тем, что его «важнейшей обязанностью» было «помогать защите европейской культуры, и в особенности науки, от разрушающего культуру национал-социализма». Однако, как явствует из слов Хопфа о швейцарском общественном мнении, многие современники ван дер Вардена находили трудным отделить «немецкую культуру» от «гитлеризма». В свете выпадов ван дер Вардена против «гангстерского режима» его коллеги по науке — тогда и теперь — воспринимали его готовность служить этому режиму в лучшем случае как наивную, а в худшем — как лицемерную. Продолжением «Оправдания» ван дер Вардена служит вторая часть, посвящённая пяти годам германской оккупации Нидерландов:

Всё это может служить лучшему пониманию моей позиции в отношении нацизма. Однако голландцам я должен объяснить свои действия, совершённые не до 1940 года, а после нападения Германии на Нидерланды.

2) С 1940 г. по 1945 г. Когда разразилась война с Нидерландами, я был вначале интернирован, а затем освобождён с условием, что не покину Германию⁴⁷. Так что я был практически в таком же положении, как и те, кто находился в Германии на принудительных работах.

⁴⁷ Лейпцигский профессор Ганс-Георг Гадамер в письме к И. Дольд-Самплониус [Doll] заявляет о «маленьком акте героизма» со своей стороны, поскольку он немедленно прибег к помощи начальника полиции для освобождения ван дер Вардена. Однако сам ван дер Варден, похоже, приписывает это нобелевскому лауреату, физику Вернеру Гейзенбергу. «Я всё ещё в долгу у Вас: в прошлом, когда я был арестован, Вы помогли мне в чём-то гораздо большем, и это была свобода», — писал он Гейзенбергу 22 декабря 1947 г. (подробнее об этой переписке см. следующую главу).

Сказать, что университетский профессор был «в таком же положении, как и те, кто находился в Германии на принудительных работах», значило допустить резкое преувеличение, как, видимо, и представлялось голландцам, читавшим «Оправдание».

Я никогда не работал на Вермахт [германскую армию], никогда не читал курсов и не работал над вещами, которые могли быть использованы для военных целей.

Это могло быть правдой, но ван дер Варден учил студентов, из которых многие потом могли служить в Вермахте, а некоторые заведомо «работали над вещами, которые могли быть использованы для военных целей»⁴⁸. Кроме того, находясь на государственной службе в нацистской Германии, ван дер Варден укреплял то, что после войны он назвал «гангстерским режимом», и, будучи знаменитым учёным, выражал Третьему рейху своё доверие и поддержку.

В 1943 году⁴⁹ физико-математический факультет в Утрехте задал мне вопрос, соглашусь ли я стать там профессором. Я попросил их, если возможно, отложить вопрос до конца войны, поскольку я не хотел, чтобы меня назначил департамент ван Дама⁵⁰.

Об утрехтском предложении рассказано в предыдущей главе. Здесь достаточно будет сказать, что вернуться на родину по приглашению Утрехтского университета, даже с санкции министра-коллаборациониста Яна ван Дама, было бы гораздо лучше для репутации ван дер Вардена на родине и в остальном послевоенном мире, чем продолжать до конца служить Третьему рейху.

Нет необходимости добавлять к этому, что я никогда не был членом какой-либо NS [национал-социалистической] организации и не симпатизировал им, поскольку для здравомыслящего человека это самоочевидно. В Германии было общеизвестно, что я не был нацистом, правительство из-за этого не доверяло мне, не дало разрешения поехать на Вольтовский конгресс в Риме в 1939 году, читать лекции в Венгрии и французским военнопленным и участвовать в съезде математиков в Риме.

⁴⁸Например, Дж. Дж. О'Коннор и Э. Ф. Робертсон пишут: «Когда разразилась война, [ученик ван дер Вардена] Зейферт добровольно пошёл на работу военного значения, которую вёл Institut für Gasdynamik [Институт газовой динамики] — исследовательский центр при германских ВВС» (<http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/Mathematicians/Seifert.html>).

⁴⁹На самом деле в декабре 1942 г.

⁵⁰Профессор Ян ван Дам, генеральный секретарь Министерства образования, науки и по делам культуры.

Нацистское правительство, однако, разрешало профессору ван дер Вардену поездки внутри и вне Германии: например, в Нидерланды в 1933, 1935, 1938, 1939, 1940, 1942 и 1944 гг.

Мюнхенский факультет предлагал меня на место Каратеодори, но партийные власти объявили меня «untragbar» [неприемлемым], и назначение не состоялось.

Кроме того, моя жена, австрийка, с самого начала относилась к нацистскому режиму резко отрицательно.

Ларен, Северная Голландия, 20 июля 1945 г.

Б. Л. ван дер Варден

Действительно, при обсуждении в Мюнхене ван дер Варден рассматривался как филосемит, не присоединившийся к нацистской идеологии антисемитизма [Lit], и это могло стоить ему должности в Мюнхене. Что же касается Камиллы ван дер Варден, которая теперь снова стала австрийкой (в письме от 14 марта 1944 г. она была «немкой» — см. с. 70), то мы вскоре встретимся с ней снова и сможем лучше понять её взгляды.

Представив «Оправдание», ван дер Варден надеялся получить профессорство в Утрехте или Амстердаме. В этом деле ключевой фигурой был ван дер Корпут.

§ 4. Ван дер Варден и ван дер Корпут: диалог в письмах

Йоханнес Гуальтер ван дер Корпут (1890—1975) был профессором математики в Гронингене (1923—1946) и в Амстердаме (1946—1954). Во время войны и германской оккупации Нидерландов он активно участвовал в подпольной деятельности, а в 1945 г. провёл неделю в нацистской тюрьме за то, что в своём доме прятал людей от оккупантов.

Согласно доктору Кнегтмансу (электронное письмо ко мне от 10 июня 2004 г., [Кп5]), «ван дер Корпут принадлежал к небольшой группе groningenских профессоров, которая развивала идеи такого рода, что послевоенный университет должен стать моральным сообществом, способным противостоять любым авторитарным угрозам и вызовам. Ван дер Лейв, первый послевоенный министр образования, принадлежал к этой же группе». Непосредственно после войны ван дер Корпут был организационным лидером голландских математиков, а в 1946 г. стал одним из основателей и первым директором Математического центра⁵¹ в Амстердаме.

⁵¹Центр функционирует до сих пор, но под новым названием — Центр математики и информатики.

Ван дер Корпут знал ван дер Вардена с 1928—1931 гг., когда они вместе работали в Гронингене, и молодой Бартел многому в математике научился у него [Doll]. Они встретились и в 1939 г., когда вся семья ван дер Вардена посетила Нидерланды и Бартел выступил у ван дер Корпута в Гронингенском университете. Коллеги переписывались даже во время войны.

Толстая папка их переписки в 1945 г., лежащая передо мной, когда я пишу эти строки, служит бесценным источником для понимания их взглядов на моральные стандарты времён нацизма и оккупации Нидерландов и вообще на моральные проблемы, порождённые войной и её последствиями. Я позволю обоим корреспондентам максимально высказаться. Некоторые из этих писем существуют в нескольких рукописных вариантах. Некоторые были пересланы третьим лицам, например близкому другу ван дер Вардена математику Гансу Фрейденталю (1905—1990). Всё это показывает, что ван дер Варден относился к этой переписке чрезвычайно серьёзно. Близость этих двух людей, всегда без исключений обращавшихся друг к другу «*amice*» (друг), даёт нам редкую возможность глубоко понять их.

29 июля 1945 года ван дер Корпут посылает ван дер Вардену письмо⁵², в котором сообщает о своей новой существенной роли в высшем математическом образовании в Нидерландах:

...Я назначен председателем комиссии по реорганизации высшего математического образования в Нидерландах⁵³. Её главная обязанность — давать советы по заполнению вакансий по математике.

Ван дер Корпут сознаёт, что его новые полномочия давать советы министру образования порождают и новую ответственность, и потому следуют испытующие вопросы:

Ваше письмо заставило меня сильно задуматься. Я никогда не понимал, почему Вы оставались в Германии с 1933 г. по 1940 г.⁵⁴ и почему Вы не вернулись в Нидерланды после 10 мая 1940 г.⁵⁵, что удалось очень многим, когда была необходимость укрыться здесь. О Вас ходили слухи, что Вы больше не

⁵²ЕТН, № 652:12159.

⁵³Профессор Герард Й. ван дер Лейв, министр образования, искусств и наук назначил Й. Г. ван дер Корпута председателем Комиссии по координации и реорганизации высшего математического образования в Нидерландах. Членами комиссии были Й. Г. ван дер Корпут, Д. ван Данциг, Я. А. Схоутен, Й. Ф. Коксма, Х. А. Крамерс и М. Г. Й. Миннерт. Комиссия стала известна как «Комиссия ван дер Корпута».

⁵⁴Действительно, даже многие немцы покинули страну: «С 1933 г. по 1941 г. Германию покинули примерно тридцать пять тысяч неевреев, и не все они были социалистами» [Scho, xiii].

⁵⁵День вторжения Германии в Нидерланды.

на нашей стороне, по крайней мере, не вполне на нашей. Это могло быть и клеветой. Для меня было бы важно, если бы Вы смогли объяснить мне ситуацию полностью и со всей честностью.

Ван дер Корпут заканчивает упоминанием о своём собственном участии в Соппротивлении:

В течение всей войны в моём доме скрывались люди, общим числом 23, из них 5 были евреи; я был в Гронингене представителем профессорской группы Соппротивления. Когда меня арестовали в феврале 1945 года, в моём доме нашли двух скрывающихся людей, из которых один был еврей. Я болел ангиной, и меня освободили из тюрьмы через неделю. Мой дом и вся моя мебель были конфискованы [властями], но мы вернулись в день освобождения... Я участвовал в издании «Свободных Нидерландов»⁵⁶ и был арестован за распространение нелегальной литературы.

Ван дер Варден отвечает⁵⁷ 31 июля 1945 года. Он выражает удовлетворение, что его друг отвечает за назначения в сфере математики, — но затем, и это можно понять, бóльшую часть своего удовлетворения вычёркивает:

Я очень рад, что могу направить по подходящему адресу свой ответ на обвинения, которые были совершенно неожиданно выдвинуты против меня со всех сторон. [Зачёркнуто: Итак, Вы председатель комиссии, которая будет решать, кто в будущем займёт должности профессоров математики, замечательно! Нелегальная работа высшего порядка и, более того, благотворная для меня. Восхитительно!]

Из следующих строк мы узнаём, при каких обстоятельствах было написано «Оправдание». Мы также узнаём, что ван дер Варден прилагает копию «Оправдания» к этому письму:

Я услышал от Паннекука⁵⁸ и Клая⁵⁹, что некоторые люди думали предложить мою кандидатуру на место Вейценбёка⁶⁰ в Амстердаме. Когда я говорил об этом с Фрейденталем и сказал ему, что надеюсь на возможное сотрудничество с ним, он, во-первых, указал на трудности, которых можно ожидать, особенно со стороны студенческих кругов, а также на клевету, которую на меня возведут из-за моего пребывания в Германии с 1933 года. Он посоветовал мне записать свои оправдания, которые я излагал ему устно.

⁵⁶Подпольная газета.

⁵⁷ETH, Ns 652:12160.

⁵⁸Антони (Антон) Паннекук (1873—1960), профессор астрономии в Амстердамском университете и известный теоретик-марксист.

⁵⁹Якоб Клай (1882—1955), главный сторонник назначения ван дер Вардена, профессор физики в Амстердамском университете в 1929—1953 годах; играл важнейшую роль в возрождении прикладных исследований в Нидерландах после Второй мировой войны.

⁶⁰Роланд В. Вейценбёк (1885—1955), профессор математики в Амстердамском университете, чьи прогерманские взгляды стоили ему должности после войны.

Я это сделал, а после разговоров с другими добавил кое-что ещё... В этой ситуации Вы теперь обращаетесь ко мне и просите меня оправдаться. Вот! Прилагаю копию⁶¹ этого текста.

Затем ван дер Варден объясняет, почему он не вернулся в Голландию, когда Германия развязала войну против его родины:

Действительно, я не пришёл к мысли вернуться в Нидерланды после 1940 г. и укрыться здесь. В конце 1942 г. я приехал в Голландию и говорил с людьми всякого рода (честно скажу, не с членами нидерландской нацистской партии, поскольку они не принадлежат к кругу моих друзей), но ни один из них не дал мне [такой] совет; более того, идеи скрыться в то время не существовало.

Ван дер Варден не совсем откровенен, когда утверждает, что он «действительно не пришёл к мысли вернуться в Нидерланды». На самом деле, как мы уже установили, в декабре 1942 г. он получил предложение работы из Утрехта, которое обсуждал с Каратеодори и, видимо, с другими коллегами. Далее ван дер Варден раскрывает *истинную* причину, по которой он не хотел возвращаться:

Зачем было мне ехать в Голландию, где гнёт стал столь нестерпимым и где было невозможно никакое плодотворное научное исследование?

Таким образом, получается, что ван дер Варден никогда всерьёз не рассматривал вопрос о переезде в Нидерланды во время войны. Ван дер Корпут должен был счесть особенно неуместным утверждение ван дер Вардена, что его «борьба» за германскую культуру и науку была не менее благородным делом, чем подпольная деятельность его адресата в Нидерландах:

К Вашей борьбе, о которой я узнал лишь с большим опозданием и неполно, я питал величайшее восхищение и безусловную симпатию, но не мог участвовать в ней на расстоянии, поскольку не имел достаточных контактов с Вами. С 1933 года я вёл иную борьбу вместе с другими разумными людьми, такими как Гекке⁶², Кара⁶³ и Перрон, против нацистов и в защиту

⁶¹На самом деле архив ЕТН, где хранится это письмо, не обладает экземпляром «Оправдания». К счастью для нас, сохранилась копия, посланная Фрейденталю. См. выше (в этой же главе) текст и анализ «Оправдания».

⁶²Эрих Гекке (1887—1947), один из лучших учеников Давида Гильберта, знаменитый специалист по теории чисел, профессор университета в Гамбурге (1919—1947), человек высочайшей порядочности, никогда, как утверждают, не употреблявший гитлеровское приветствие; в 1940 г. ушёл с поста главного редактора ведущего математического журнала «Mathematische Annalen» в знак протеста против требования издателя Фердинанда Шпрингера не публиковать авторов-евреев.

⁶³Константин Каратеодори (1873—1950), немецкий математик греческого происхождения, профессор математики в Гёттингене (1913—1918), Берлине (1918—1920) и Мюнхене (1924—1938).

культуры и науки. Я считал общеизвестным, что нахожусь в этой борьбе на правильной стороне. Я не ожидал, что здесь, в Голландии, столь мало понимают это.

В следующем письме, датированном 20 августа 1945 г., ван дер Корпут извещает ван дер Вардена о своём недовольстве, написав⁶⁴, что он не вполне удовлетворён объяснениями своего друга:

Ваше письмо не вполне удовлетворило меня. Вы жалуетесь, что мы здесь в Голландии недостаточно понимаем Ваши трудности, но по прочтении Вашего письма я сомневаюсь, что Вы достаточно понимаете, с какими трудностями приходилось сталкиваться здесь и чего следовало ждать голландцу в эти годы. Из Вашего письма мне неясно, считаете ли Вы Вашу позицию в прошлом безупречной или ссылаетесь на смягчающие обстоятельства.

Ван дер Корпут отказывается оправдать действия ван дер Вардена во время войны, сравнив их в неблагоприятном смысле с собственным недвусмысленным неприятием нацизма:

Что касается меня лично, то в январе 1939 г. я отклонил приглашение Гекке, переданное мне [Харальдом] Бором, прочитать одну или несколько лекций, поскольку я отказывался ездить в Германию, пока Гитлер был у власти. Из-за этого я не ездил в Германию с 1932 года. Ввиду этой моей позиции, которая разделялась очень многими, я не понимаю, как Вы можете так легко оправдывать эти годы с 1933 по 1939. На самом деле это было совсем неподходяще для голландца: способствовать расцвету математики в Германии в те годы, когда Германия готовилась к войне и отовсюду изгоняла евреев.

Ван дер Корпут противопоставляет свою позицию позиции ван дер Вардена в отношении немецких и американских реферативных журналов:

Что касается евреев, то я, когда Леви-Чивита был изгнан из «Zentralblatt», вышел из числа референтов (объяснив свои мотивы) и предложил всем голландским референтам сделать то же самое и перейти в «Mathematical Reviews». В противоположность этому Вы предложили ряду референтов остаться и, если не ошибаюсь, пригласили новых.

Ван дер Корпут упоминает инцидент 1939 года, который явно беспокоит его до сих пор, и прямо спрашивает, питали ли симпатию к нацизму ван дер Варден и его жена:

Далее, я вспоминаю, что после лекции в Гронингене Вы в «Doelenkelder»⁶⁵ с похвалой отзывались о германском режиме, особенно о Герин-

⁶⁴ETH, Hs 652:12161.

⁶⁵Котлетная «De Doelenkelder» в Гронингене существует до сих пор: заказы по телефону 050-3189586 :-)

ге⁶⁶, так что я посоветовал Вам остановиться, поскольку это нехорошо воспринималось groningenскими студентами. Должен добавить к этому, что не знаю, серьёзны ли были Ваши слова, но они произвели странное впечатление на нас, рассматривавших Гитлера как тяжёлую угрозу человечеству. Далее, с разных сторон мне говорили, что Ваша жена была настроена прогитлеровски, и когда возник вопрос о приезде в Голландию, то она даже поставила условие, чтобы не говорилось ничего плохого об Адольфе. Я говорю это, поскольку Вы пишете, что Ваша жена всегда была против режима. Лучше, чтобы такие вещи обсуждались открыто, поскольку тогда Вы сможете защититься.

Тем не менее ван дер Корпут явно хочет помочь ван дер Вардену, а тем самым и голландской математике:

Сам я полагаю, что Нидерландам следует очень заботиться о том, чтобы не растерять свой интеллект, а особенно такой, как Ваш. Я всегда возражал против того, чтобы Вы ехали в Германию, и я буду надеяться, что Нидерландам удастся полностью завоевать Вас снова...

Я хотел бы только, чтобы всё было хорошо. Поскольку нет голландского математика, с которым мне нравилось бы работать больше, чем с Вами. Было бы сказочно, если бы мы смогли снова заниматься математикой в одном и том же университете. Полагаю, что тогда мы смогли бы основать математический центр.

Затем ван дер Корпут объясняет, почему ему нужно получить информацию от ван дер Вардена:

Надеюсь, что Вы не только простите мои вопросы, но и поймёте их. Прежде чем правительство сможет назначить кого-то на должность, оно проведёт весьма подробное расследование, и следует ожидать, что оно спросит и моего совета. Поэтому необходимо, чтобы я был хорошо информирован.

К возможному удивлению ван дер Корпута, ван дер Варден остаётся невозмутим. Он утверждает, что полностью невиновен, и цитирует письмо⁶⁷ (см. выше в этой главе), полученное от Хайнца Хопфа двумя неделями ранее:

Вы спрашиваете, не хочу ли я сослаться на смягчающие обстоятельства. Отнюдь нет! Я требую полной реабилитации, поскольку не считаю, что меня можно в чём-либо обвинить. И я также убеждён, что когда на моё дело

⁶⁶Герман Геринг, главнокомандующий немецкими военно-воздушными силами (люфтваффе), президент Рейхстага, премьер-министр Пруссии и официальный преемник Гитлера.

⁶⁷ETH, Ns 652:12153. Письмо не датировано; однако я уверен, что оно написано между 21 и 27 августа 1945 г.

[зачёркнуто: сейчас или через несколько лет, когда успокоится понятное волнение и замешательство, вызванное германским террором] посмотрят объективно, то мне дадут такую реабилитацию. Это убеждение я разделяю с Хопфом из Цюриха, который (после разговора обо мне с Клостерманом) пишет⁶⁸: «Когда голландцы, к которым Вы можете обращаться с чистой совестью и предлагать свои услуги, не желают Вас принять, то они, по моему мнению, занимаются тем, что сами себе причиняют вред. [Зачёркнуто: Нахожу несомненным, что через несколько лет, когда волны немного успокоятся, в мире найдётся место, где Вы будете снова заниматься своей работой.]»

Далее ван дер Варден вновь излагает своё (и Хопфа) мнение, что нужно различать «гитлеровский режим» и «немецкую культуру»:

Считаю, что Ваше важнейшее обвинение заключено в словах «это было совсем неподходяще для голландца: работать на благо немецкой математики в те годы, когда Германия готовилась к войне и отовсюду изгоняла евреев».

В этом утверждении отождествляются две вещи, которые видятся мне полнейшими противоположностями: гитлеровский режим и немецкая культура⁶⁹. Готовился к войне и изгонял евреев гитлеровский режим; я же пытался способствовать расцвету или, скорее, защитить от исчезновения немецкую культуру. Я рассматривал и до сих пор рассматриваю эту культуру как ценность, нечто, требующее всей возможной защиты от уничтожения, а Гитлера — как злейшего врага этой культуры. Наука интернациональна, но в ней есть как бы нервные клетки и клеточные ядра, испускающие импульсы, которые нельзя устранить, не разрушив целое. И я хочу сказать, что такая точка зрения в принципе оправданна даже для голландца, и мне ни в коей мере не должно быть стыдно за такую позицию.

Конечно, понятно, что сегодня люди здесь, в Голландии, не хотят знать о разнице между нацистами и Германией или немецкой культурой. Германия напала на Нидерланды и позорно унизила их, и за это ответствен и весь немецкий народ. Пока длится война, такая позиция вполне справедлива, но её не следует использовать как мерку для вещей, происходивших до войны.

Кстати, в то время никто не думал осуждать мои действия. Голландское правительство само в 1934 и 1935 годах официально разрешило, чтобы я продолжал свою работу в Лейпциге. Студенческая организация пригласила меня в 1938 году на серию встреч, в том числе и в Гронинген, некий ван дер Корпут в 1943 году просил меня написать книгу для его «Weten Sch. Reeks» [научной серии], и я мог бы назвать ещё целый ряд подобных вещей.

⁶⁸Текст в кавычках написан по-немецки, см. об этом письме Х.Хопфа выше в этой главе.

⁶⁹Ср. выше в этой главе письмо Х.Хопфа к ван дер Вардену от 3 августа 1945 г., из которого могла прийти эта мысль. Но разве эти два блестящих ума не могли увидеть, что «немецкая культура» породила «гитлеровский режим»?

[*Зачёркнуто*: Кроме того, англичане и американцы, а больше всего русские, проводят различие между нацистами, которых они хотят уничтожить, и немецкой культурой, которой они хотят помочь возродиться. Не следует ли нам попытаться сделать снова этот объективный взгляд на вещи приемлемым и в Нидерландах?]⁷⁰

Затем ван дер Варден объясняет своё высказывание о Геринге, сделанное во время поездки в Нидерланды в 1939 году:

Вам, видимо, помнится, что я с похвалой говорил в «Doelenkelder» о германском режиме и, более конкретно, о Геринге. Поэтому Вам приходится рассматривать меня как человека, лишённого элементарного понятия о добре и зле; ибо Геринг, как всякий знает, — умный мошенник, чьи приспешники подожгли Рейхстаг, а он это использовал, чтобы ликвидировать социалистические партии. Беспрецедентный обман народа, использованный для уничтожения демократии и партий, с которыми в силу традиции, дружбы и благодаря моему собственному отцу я был связан. И я стал бы защищать этого преступника? А тем более гитлеровский режим? И теперь я должен вертеться как флюгер и доказывать, что всегда был против Гитлера? Иначе говоря, это превращает меня в обманщика, хитрого лжеца! Тем не менее Вы всегда с готовностью предлагаете мне своё посредничество с Нордхоффом, не только словами, но и делами, даёте моё «Оправдание» Миннерту и пишете, что ни с кем Вам не нравится работать больше, чем со мной. Я не понимаю такую позицию. Или, скорее, я могу дать ей лишь одно объяснение, а именно, что голос из сокровенной глубины души говорит Вам: нет, я знаю этого человека с прежних времён как порядочного и любящего правду, позвольте дать ему возможность оправдаться.

Так что могу ручаться, что написанное Вами о «Doelenkelder» является недоразумением. Я никогда никому не сказал ни слова в поддержку нацистского режима. В «Doelenkelder», если не ошибаюсь, обсуждался вопрос не о том, можно ли оправдать такой режим, а о том, как можно выжить в Германии, несмотря на такой режим. Как может существовать наука при таких условиях? Затем я, возможно, привёл некоторые факты, из которых явствовало, что конкретно в Лейпциге, и особенно в математике, давление сверху не было столь гнетущим, как это представлялось здесь. Я мог заметить в той или иной связи, что Геринг не антисемит и даже назначал евреев в своё министерство, или я мог говорить, как он популярен среди народа и своих подчинённых или что-то вроде этого. Но защищать Гитлера или Геринга? Невозможно!

Таким образом, ван дер Варден утверждает, что он ничего плохого не сделал, а «лишь» сказал, что нацистское давление в Лейпциге не было слишком тяжёлым, а второй человек в нацистской Германии —

⁷⁰Этот абзац вычеркнут тонкой линией в данном экземпляре, но не вычеркнут в другом, незаконченном варианте, которым я располагаю.

Геринг — не был антисемитом! Далее он объясняет высказывания своей жены Камиллы:

Теперь о моей жене, которую подозревают в том, что она нацистка. Поверите ли, что я уже третий раз слышу эту злобную клевету? Я не могу вычислить, откуда исходит эта клевета. Мы с женой избегали в Лейпциге любого контакта с нацистами как чумы. Мы поддерживали знакомство лишь с теми, кто разделял наше отвращение к нацистскому режиму. И при этом, находясь в Голландии, она просила не говорить ничего плохого об Адольфе? Вы искренне верите, что мой отец, когда мы останавливались у него в 1939 г., принял бы такое условие, или что мои братья подчинились бы ему? Правда состоит в том, что моя жена не могла допустить, чтобы говорили плохо о немцах. В самом деле, немецкий — её родной язык, и она знала столь многих хороших людей в Германии. Если Вы не хотите поверить всему этому с моих слов, то напишите, пожалуйста, фрау Лотте Шёнхейм, отель «Штадт Эльберфельд», Амстердам. С 1932 года и до своей эмиграции в Нидерланды в 1938 году она часто беседовала с моей женой и мной, да и потом в Голландии сохраняла контакт с моей семьёй. Она знает наши позиции не только по словам, но и по делам.

Итак, согласно ван дер Вардену, Камилла «не могла допустить, чтобы говорили плохо о немцах». Все ли немцы в Третьем рейхе были выше критики в 1939 году? Не написал ли сам ван дер Варден выше в том же самом письме, что «Германия напала на Нидерланды и позорно унизила их, и за это ответствен и весь немецкий народ»?

Это рукописное послание было особенно важно для ван дер Вардена: большой рукописный фрагмент из него, озаглавленный «Из письма профессору Й. Г. ван дер Корпуту», включён в письмо⁷¹ Фрейденталю от 22 января 1946 года вместе с «Оправданием», написанным для амстердамской и утрехтской коллегий по восстановлению.

В своём немедленном ответе⁷² от 28 августа 1945 года ван дер Корпут мягко обозначает свои испытующие вопросы и заверяет ван дер Вардена в своей поддержке:

Ошибочно ли моё впечатление, что Вы написали своё письмо в несколько раздражённом состоянии? Полагаю, что последовательно действовал в Ваших интересах; и в разговоре с министром я подчеркнул, что Нидерланды должны быть очень осторожны, чтобы не потерять человека вроде Вас. Я даже сказал, что Нидерланды должны отпраздновать, если мы вернём Вас навсегда. Но есть общие правила, и необходимо определить, насколько они применимы к Вам.

⁷¹RANH, документы Ганса Фрейденталю. Инв. № 89.

⁷²ETH, Ns 652:12162.

Я всегда считал невозможным, что Вы окажетесь «флюгером, лицемером и хитрым лжецом», и по-прежнему считаю это невозможным. Своим замечанием я хотел показать, что Вы, по моему мнению, недостаточно осознали, как мы относились к гитлеровскому режиму даже тогда. Всё это было сказано не всерьёз, и я никогда не придавал этому большого значения, но так как позже были сделаны замечания, выражающие сомнение, я счёл важным для Вас отметить это в моём письме. Меня бы очень огорчило, если я этим задел Вас, но всё же лучше открыто высказаться об этих вещах и дать Вам возможность их опровергнуть. К моему величайшему удовольствию, сегодня я обнаружил, что на математическом конгрессе в Осло было сказано, что Вы были известны как твёрдый противник национал-социализма.

Сразу по получении Вашего письма я узнал, что на этой неделе в пятницу вечером или в субботу утром состоится встреча между мной и министром образования по этому вопросу. Министр уже сказал мне при первом разговоре, что кабинет обсуждал общие правила относительно лиц, находившихся на службе в Германии во время войны. Эти правила тогда не были окончательно определены. Изменилось ли положение с тех пор, я выясню на этой неделе.

Ван дер Корпут оставляет последние два пункта в письме ван дер Вардена (Геринг и возможные нацистские симпатии госпожи ван дер Варден) для конфиденциального личного разговора, и тем самым, к моему сожалению, вне пределов досягаемости этого исследования:

О разных других вопросах из Вашего письма я бы хотел поговорить с Вами лично на следующей неделе. Я надеюсь во вторник 4 сентября приехать для этого в Ларен к 9 часам утра.

Так или иначе, не надо унывать:

Будьте уверены, что моё искреннее желание — сохранить Вас для Родины и для высшего образования.

О первых обнадёживающих признаках ван дер Корпут сообщает⁷³ 11 сентября 1945 года:

Я обсудил Ваше дело с Оранже⁷⁴ и Борстом⁷⁵, руководителями движения сопротивления профессоров. После моих объяснений никто из них не

⁷³ETH, Ns652:12163.

⁷⁴Й. Оранже, профессор права в кальвинистском Свободном университете (Vrije Universiteit). Во время оккупации Оранже был председателем контактной группы профессоров. Согласно доктору Кнегтмансу, эта группа, нелегальная во время германской оккупации, в 1944 г. пыталась убедить профессоров и университетские коллегии закрыть их университеты.

⁷⁵Доктор Й. Г. Г. Борст, профессор медицины в Амстердамском университете, один из лидеров контактной группы профессоров.

увидел проблем с Вашим назначением в один из голландских университетов. Конечно, они ничего решить не могут, но мне очевидно, что министру и его департаменту много проще, если они знают, что нет противодействия с определённой стороны. У меня сложилось впечатление, что всё будет хорошо и через несколько месяцев мы сможем больше сотрудничать...

P.S. В моё отсутствие ван дер Лейв⁷⁶ позвонил, чтобы сказать мне, что обе части моего последнего письма были «хороши». Одна из частей содержала моё утверждение, что нам не следует опасаться какой-то оппозиции со стороны Борста и Оранье... Моё мнение — всё получится.

Через пять дней ван дер Корпут готов праздновать⁷⁷ «выполнение миссии»:

Я только что получил письменное подтверждение от ван дер Лейва... Он пишет: «Теперь надо определить, насколько в порядке дело ван дер Вардена». Это означает, что он готов Вас назначить.

22 сентября 1945 года ван дер Варден следующим образом описывает⁷⁸ положение дел с должностью своему близкому другу Гансу Фрейденталю:

Министр ван дер Лейв сказал ван дер Корпуту, что сейчас, когда ван дер Корпут, а также Борст и Оранье из профессорской группы Сопротивления рассматривают меня как достаточно «чистого», он тоже считает, что всё «о'кей». Значит, моё назначение в Утрехт очень близко.

Затем 29 сентября 1945 года ван дер Корпут телеграммой извещает⁷⁹ ван дер Вардена, что коллегия по восстановлению Утрехтского университета также встала на сторону ван дер Вардена:

Миннерт⁸⁰ извещает, что College van Herstel считает ван дер Вардена достаточно политически надёжным и желает его назначения в Утрехт.

Ван дер Корпут

⁷⁶Профессор Герард Й. ван дер Лейв в 1945—1946 годах был министром образования, искусств и наук.

⁷⁷Письмо ван дер Корпута ван дер Вардену от 16 сентября 1945 г.; ЕТН, Нs 652:12164.

⁷⁸RANH, документы Ганса Фрейденталю. Инв. № 89.

⁷⁹ЕТН, Нs 652:12158.

⁸⁰Марсель Жиль Жозеф Миннерт (1893—1970), член «комиссии ван дер Корпута». (Об этой комиссии см. в сноске 53). Документы из архива Утрехтского университета показывают, что Миннерт — в некотором смысле — представлял ван дер Вардена перед утрехтской коллегией, с которой сам ван дер Варден, скорее всего, никогда не встречался. Для ван дер Вардена это был очень благоприятный вариант, поскольку Миннерт, как откровенный критик нацизма, провёл в нацистской тюрьме около двух лет, с мая 1942 г. по апрель 1944 г.

Однако примерно через месяц неожиданно обнаруживаются новые проблемы. Ван дер Корпут сообщает о них ван дер Вардену в письме⁸¹ от 24 октября 1945 г.:

Сейчас в самом деле возникают снова трудности с Вашим назначением. Ибо в системе высшего образования кто-то действует против Вас и среди прочего настаивает, что, начиная свои лекции в Германии, Вы должны были использовать — и регулярно использовали — гитлеровское приветствие. Будьте так добры дать очень ясный ответ на этот вопрос, чтобы я мог опровергнуть эту клевету, если она появится снова.

...На этой неделе я получил приглашение от факультета естественных наук в Амстердаме стать преемником Вейценбёка. Это показывает, что противодействие Вашему назначению в Амстердаме очень сильно. Я ещё не решил, что я сделаю. Лично мне больше нравится Утрехт, но, может быть, в Амстердаме я сделаю для математики больше...

Меня не радует, какой оборот приняли проблемы математики. Будет особенно жаль, если определённые нелегальные круги [вероятно, он имеет в виду круги бывших подпольщиков] успешно остановят Ваше назначение в голландский университет.

Ван дер Варден отвечает⁸² немедленно, 26 октября 1945 года. Он не даёт «очень ясного» или какого бы то ни было ответа «на этот вопрос» о гитлеровском приветствии. Он разделяет пессимизм ван дер Корпута насчёт своих академических перспектив в ближайшем будущем и обвиняет в этом студентов и министра образования ван дер Лейва:

После того, что я прочёл в журнале «Vrij Katholiek»⁸³ о радикальных требованиях студентов и готовности ван дер Лейва слушать [их], я думаю, что потребуется время, прежде чем я смогу получить должность в Утрехте. Теперь у меня есть кое-что ещё, так как с 1 октября 1945 года я работаю на «Батафше»⁸⁴.

Ответ ван дер Корпута приходит только через месяц, 26 ноября 1945 г. Письмо⁸⁵ начинается с хороших новостей:

Я очень хочу, чтобы Вы получили должность в системе высшего образования. Комиссия по математике намерена создать Центр чистой и прикладной математики, скорее всего в А'даме [Амстердаме], и если центр появится на свет, то я бы хотел, чтобы Вы там работали.

⁸¹ЕТН, Нs 652:12166.

⁸²ЕТН, Нs 652:12167.

⁸³«Свободный католик» — ежемесячник Свободной католической церкви в Нидерландах, выходил в 1926—1992 гг.

⁸⁴Компания «Bataafsche Petroleum Maatschappij» (BPM), ныне известная как «Ройял Датч — Шелл».

⁸⁵ЕТН, Нs 652:12168.

Затем следуют плохие новости:

Но имеются проблемы, и мне крайне неприятно снова и снова задавать Вам эти вопросы и просить разъяснений, но я должен это делать. Чтобы поддержать Вас, мне нужны ответы на эти вопросы.

Сейчас всё сосредотачивается вокруг трёх ясно обозначенных пунктов.

Первое. Перед войной Ваш отец и Ваш дядя неоднократно и весьма настойчиво подчёркивали, что Вы должны покинуть Германию. Они полагали, что это Ваша обязанность, но Вы отказались, и они восприняли это как пренебрежение своими обязанностями.

Второе: некоторые люди уверены, что Ваша жена — антисемитка, другие считают, что это преувеличение, но что она не хотела иметь дела с евреями.

Третье. Во время войны Вам представилась возможность уехать в Америку, но Вы отказались, поскольку [сослались на то, что] Вам необходимо остаться ради Ваших студентов, среди которых были евреи. Если это правда, что даже во время войны, имея возможность уехать в Соединённые Штаты, Вы всё-таки не захотели уехать, это создаст для Вас определённые трудности.

Не получив, по-видимому, ответа, ван дер Корпут снова пишет⁸⁶ 8 декабря 1945 г., на этот раз в извиняющемся тоне:

Я спрашиваю Вас об этом не для себя... Я хочу сотрудничать [с Вами], сколько смогу... Было бы очень неприятно, если бы эти вопросы как-то испортили мои отношения с Вами или Вашей женой. Пожалуйста, поймите, что это нужно мне только для властей.

На этот раз ван дер Варден отвечает⁸⁷ немедленно, 10 декабря 1945 г. Прежде всего он подтверждает ван дер Корпуту свою дружбу:

Эта переписка не будет иметь отрицательных последствий для наших отношений и дружбы; такой опасности нет.

Хотя в моих письмах иногда присутствует тон досады, она направлена против тех, кто распространяет сплетни обо мне, а никак не против Вас, поскольку я знаю, что Вы без усталости работаете в моих интересах и в интересах голландской науки.

Далее следуют слова, выражающие главные принципы ван дер Вардена:

С другой стороны, я также не могу представить, что Вы раздражены той демократической антифашистской позицией, которую я выразил в своём письме. Моя позиция состоит в том, что при назначениях на должности должны учитываться лишь способности человека, но не его характер, прошлое и политическая благонадёжность, как принято при фашистских режимах.

⁸⁶ЕТН, № 652:12169.

⁸⁷ЕТН, № 652:12170.

Я воспитан под влиянием моего отца, который был принципиальным демократом, затем я оказался под воздействием Гитлера, и эта противоположная позиция привела к ужасным последствиям. Вы очень активно боролись против нацистов, за демократию и свободу нашего народа. Так что я не могу представить, что для Вас создаст проблему моя позиция, даже если Вы не во всём её разделяете.

Этот диалог в письмах звучит так живо, что я чувствую себя вынужденным вмешаться в него и сказать: «Бартел, Вы взываете к Вашему отцу, принципиальному демократу, как к оказавшему на Вас огромное влияние. Но согласно ван дер Корпуту (см. выше письмо от 26 декабря 1945 г.), „Ваш отец и Ваш дядя неоднократно и весьма настойчиво подчёркивали, что Вы должны покинуть Германию. Они полагали, что это Ваша обязанность, но Вы отказались, и они восприняли это как пренебрежение своими обязанностями“. Вы не возразили, и потому я считаю это правдой. Я согласен с Вашим отцом, доктором Тео, и Вашим братом Яном: Вы не должны были служить „гангстерскому режиму“ (Ваши слова), который захватил и терроризировал Вашу страну. Математики не живут в вакууме, и потому их „характер“, их „прошлое“ и их моральные устои имеют значение, особенно в Голландии сразу после пяти лет жестокой оккупации».

Между тем ван дер Варден заканчивает письмо значительной и хорошей новостью, обещающей ему профессорство в Амстердаме очень скоро:

Ревес⁸⁸ вчера сказал мне, что амстердамский факультет рекомендовал городской администрации назначить меня на должность ординарного [профессора]. Таким образом, теперь дело пошло!

22 декабря 1945 года ван дер Варден пишет⁸⁹ снова. Это письмо на трёх с половиной страницах полно технических согласований. Один из старейшин предпочитает, чтобы ван дер Варден был назначен экстраординарным профессором (а не полным). Ван дер Варден не возражает, но хочет в этом случае сохранить и свою должность в нефтяной промышленности. Якоб Клай думает, что это очень хорошее решение. Далее, ван дер Варден хочет, чтобы его друг Ганс Фрейденталь получил возможность читать лекции в Амстердаме. И он хочет чёткого разграничения обязанностей между ван дер Корпутом, Фрейденталем, Брауэром и им самим. Ван дер Варден обсуждает эти подробно-

⁸⁸Родившийся в Венгрии (эмигрировал в 1920 г.) Геза Ревес (1878—1955) был основоположником и первым профессором психологии в Амстердамском университете; близкий друг Л. Э. Я. Брауэра.

⁸⁹ETH, Ns 652:12171.

сти, поскольку его назначение в Амстердам представляется ему делом решённым.

В итоге ван дер Корпут не вполне удовлетворён позицией ван дер Вардена как человека. Но ван дер Корпут питает огромное уважение к ван дер Вардену как математику и верит, что обязан помочь ему получить хорошее место в Амстердаме, потому что тогда ван дер Варден останется там работать и это принесёт великую пользу их родине.

Здесь нелишне отметить, что гораздо более открыто и резко, чем во всей этой переписке с ван дер Корпутом, ван дер Варден критикует голландцев в письме⁹⁰ от 20 ноября 1945 г. (на немецком языке) Рихарду Куранту в Нью-Йоркский университет:

Голландцы совсем сошли с ума. У них в головах нет иных мыслей, кроме «очищения»: они обвиняют всех тех, кто работал вместе с немцами. Есть администраторы, хозяйева, которые не наймут рабочих, если те были вынуждены работать в Германии⁹¹. В Голландии больше политических заключённых, чем во всей Франции, даже несмотря на то, что голландцы в войне выказали гораздо больше характера, чем французы. Так обстоит дело и с моим назначением в Утрехт, проходившим с огромными трудностями, хотя с факультетом дело было решено много лет назад. Я очень счастлив, что имею сейчас приятную работу в промышленности и могу дожидаться возвращения к нормальным обстоятельствам.

И тогда как от ван дер Корпута ван дер Варден требует «полной реабилитации», письмо⁹² Куранту от 29 декабря 1945 года (по-английски) написано в более примирительном тоне:

Мне очень приятно, что Вы намерены возобновить старую дружбу со мной и другими старыми друзьями, насколько возможно, и что для старого Гёттингена остаётся тёплое местечко в уголке Вашего сердца. И именно по этой причине я убеждён, что Вы хоть немного поймёте то, что другие мои друзья в Америке не смогли постичь, а именно: «почему я, голландец, решил остаться с нацистами». Послушайте, я считал себя в некотором смысле Вашим представителем в Германии. Вы ввели меня в редакцию «Жёлтой серии» и журнала «Math. Annalen», как я думал, для того, чтобы не допустить нацификации этих изданий и поддержать их интернациональный характер и niveau [уровень], насколько возможно. Я рассматривал это как свою задачу и вместе с Гекке и Кара [Каратеодори] делал всё, чтобы её выполнить, а это я мог сделать, лишь оставаясь в Германии. [Это] нелегко и непросто понять, не говоря уже о других эмоциональных и семейных связях, соеди-

⁹⁰New York University Archives, Courant Papers.

⁹¹Здесь ван дер Варден имеет в виду Arbeitseinsatz, нацистскую программу принудительного труда.

⁹²New York University Archives, Courant Papers.

няющих меня с Германией. Возможно, я сделал некоторые ошибки, но я никогда не мирился с нацистами.

Под «другими эмоциональными и семейными связями» с Германией ван дер Варден, несомненно, подразумевает свою «жену-немку», «троих детей, воспитанных как чистокровные немцы»⁹³ и своё сознание принадлежности к немецкой культуре в целом и к немецкой математике в частности. Первый — и, насколько я знаю, единственный — раз ван дер Варден признаёт, что сделал «некоторые ошибки».

Диалог в письмах, приведённый здесь, без сомнения заставит читателя определить свою позицию по ряду фундаментальных вопросов, в том числе о месте учёного в условиях тирании.

§ 5. Бунт в брауэровском Амстердаме

Десятки лет во главе математиков Амстердамского университета стоял знаменитейший голландский математик XX столетия Лёйтзен Эгберт Ян Брауэр (1881—1966), профессор Амстердамского университета с 1913 г. Известна была его вражда с ведущим немецким математиком Давидом Гильбертом. Видимо, из-за близости ван дер Вардена к Гильберту Брауэр не хотел, чтобы ван дер Варден стал профессором в Амстердаме. Но после освобождения Голландии Брауэр был на несколько месяцев отстранён от должности, пока амстердамская *College van Herstel* расследовала его поведение во время оккупации. Это отстранение и преклонный возраст Брауэра позволили более молодым авторитетным математикам вступить с ним в борьбу за власть. Лидером этого нового поколения был Й. Г. ван дер Корпут. Он и Якоб Клай, профессор физики в Амстердамском университете, предприняли то, что можно назвать «битвой за ван дер Вардена».

Профессор Дирк ван Дален любезно предоставил мне соответствующие главы рукописи его блестящей биографии Л. Э. Я. Брауэра [Dal2], тогда ещё не представленной к опубликованию. Ван Дален полагает, что ван дер Варден не получил работу в университете в 1945—1946 гг. из-за противодействия Брауэра. Я почтительно не соглашаюсь и полагаю, что противодействие Брауэра назначению ван дер Вардена в Амстердам лишь усилило поддержку со стороны Клая и ван дер Корпута, тем самым повысив шансы ван дер Вардена. Профессор Николас Г. де Брёйн, ставший преемником ван дер Вардена в Амстердамском

⁹³Письмо ван дер Вардена Вильгельму Зюссу от 14 марта 1944 г., ЕТН, Ns 652:12031.

университете в 1952 г., похоже, согласился с моим пониманием этого непростого дела. Ниже приведены мои вопросы и его ответы [Br4]:

А. С. Был ли Брауэр против приёма ван дер Вардена на работу в Амстердам в 1945—1946 годах? Если да, то почему? Насколько влиятелен был Брауэр в таких делах в этот период?..

Н. Г. Б. Брауэр не имел большого влияния. Он воевал со всеми, в частности со своими амстердамскими коллегами и с Амстердамским математическим центром...

А. С. Как я понимаю, наибольшую поддержку ван дер Вардену оказывали Клай и ван дер Корпут, не так ли?

Н. Г. Б. Возможно, Вы правы. Вместе со Схоутеном они составляли старшее поколение, а в те времена старшее поколение доминировало во взаимоотношениях. Но, очевидно, очень существенна была и поддержка младшего поколения — таких людей, как Коксма, ван Данциг и Фрейденталь. В частности, на власти мог влиять тот факт, что ван Данциг и Фрейденталь были евреями.

Действительно, 22 сентября 1945 года ван дер Варден уверил⁹⁴ ван дер Корпуга в готовности присоединиться, если нужно, к борьбе с Брауэром:

Дорогой коллега! Конечно, я бы предпочёл, чтобы весь факультет, включая Брауэра, поддержал моё назначение. Если Вы готовы вместе со мной сделать из математики в Амстердаме что-то хорошее, даже вопреки Брауэру, то я буду участвовать в этих усилиях, если нужно.

В тот же день ван дер Варден в письме⁹⁵ своему близкому другу Гансу Фрейденталю подытожил состояние брауэровского Амстердама:

Ван Данциг видит будущее математики в Амстердаме довольно блёклым. Он опасается, что Брауэр захочет править, опираясь на четырёх зависимых от него лекторов, если только не удастся сформировать противовес его влиянию, назначив на вторую профессорскую должность кого-либо способного противостоять Брауэру.

Клай сказал мне, что Брауэр ответил уклончиво на его вопрос, поддерживает ли он мою кандидатуру, и он явно не хочет работать со мной (это я и раньше знал). Клай, однако, хочет предложить мою кандидатуру вопреки желанию Брауэра, если я поручусь ему, что приму назначение. Сегодня я ему ответил:

«Конечно, я бы предпочёл, чтобы весь факультет, включая Брауэра, поддержал моё назначение. Но если Вы готовы действительно бороться вместе со мной, чтобы сделать из математики в Амстердаме что-то хорошее, даже

⁹⁴ETH; Hs 652:12165.

⁹⁵RANH, документы Ганса Фрейденталья. Инв. № 89.

вопреки Брауэру, если нужно, то я бы хотел предложить свою помощь. Однако если раньше состоится назначение в Утрехт, то, как Вы поймёте, я бы его принял. Я желаю принять участие в возрождении голландской науки как можно скорее, будь то в Утрехте или в Амстердаме».

Непохоже, чтобы Клай собирался быстро решить вопрос, так что я думаю, что ничего из этого не выйдет. Если бы что-нибудь вышло, я бы попытался также найти благополучное решение конфликта между Фрейденталем и Бройнсом⁹⁶. Ибо мой приезд в Амстердам имеет смысл, лишь если Вы и я сможем задавать там тон, а не в том случае, когда Вы остаётесь в положении прислужника и оба мы должны всё время воевать с Брауэром и его приспешниками.

Спустя три месяца ван дер Корпут сумел отговорить Брауэра от противодействия назначению ван дер Вардена в Амстердам. 30 декабря 1945 года ван дер Корпут сообщил⁹⁷ ван дер Вардену об этом событии:

Я пришёл к соглашению с Брауэром, что он возьмёт лишь курсы по интуиционизму и будет принимать экзамены лишь у студентов, интересующихся этой специальной дисциплиной. И он одобрил эту мою позицию. Он согласен, чтобы Вы были назначены внештатным профессором, а также чтобы Фрейденталь был назначен лектором...

Ему [Брауэру] остаётся пять с половиной лет до отставки, а мне — около пятнадцати. Я могу рассчитывать на его помощь, и мы сможем работать вместе...

На самом деле Брауэр, видимо, даже согласился⁹⁸ передать ван дер Вардену и Фрейденталю своё «детище», журнал «Compositio Mathematica», основанный им в 1934 г., — и это несмотря на свой разлад с Фрейденталем:

Он [Брауэр] спросил, хочу ли я стать секретарём в «Compositio» вместе с Фрейденталем. Я написал об этом Фр. [Фрейденталю]. Если он готов, то и я тоже. В результате имя Бр. [Брауэра] останется, но издавать «Compositio» будем Фрейденталь и я, причём Фр. [Фрейденталь] и Бр. [Брауэр] не будут иметь дела друг с другом.

Получив поддержку министра ван дер Лейва и благословение Брауэра, ван дер Варден держал курс к профессорской должности, когда его корабль «потерпел крушение» в море общественной полемики. Продолжение — в следующей главе.

⁹⁶Эверт Мари Бройнс (1909—1990), преподаватель математики в Амстердамском университете.

⁹⁷ETH, Hs 652:12172.

⁹⁸Ibid.

Глава 4

Беспокойные годы, 1946—1951

§ 1. Кампания газеты «Het Parool»

Когда в мае 1940 года немцы захватили нашу страну, господин ван дер Варден продолжал стоять за своей кафедрой в Лейпциге.

«Het Parool», 16 января 1946 г.

Нахожу удивительным, что никто из многочисленных прежних биографов ван дер Вардена не заметил и никогда не упоминал эти давние печатные материалы. Может быть, они считали газетные новости слишком непродуманными и недолговечными? Да, газета остаётся на полке один день, но она схватывает — и сохраняет — *zeitgeist*, дух этого дня, лучше, чем что-либо другое, доступное историку. Более того, в нашей «драме ван дер Вардена» газета была важным *актёром*. Поэтому здесь я буду ссылаться на газеты широко и без смущения.

Если бы после войны Бартел Л. ван дер Варден решил вернуться в Лейпциг — или в любое другое место в Германии, — его бы приняли с распростёртыми объятиями. После войны и в Восточной, и в Западной Германии относились вполне мягко даже к тем, кто сотрудничал с нацистами, а ван дер Варден к их числу заведомо не принадлежал. Кроме того, преданность ван дер Вардена Германии и немецкой математике, бесспорно, была велика¹. Другое дело — Нидерланды. Здесь стандарты «хорошего поведения» во времена нацизма и оккупации были гораздо выше, особенно в оценке редакторов такого издания, как «Het Parool» («Слово») — газеты, которая героически издавалась² в подполье с июля 1940 года, заплатив за это свободой и жизнями многих

¹12 июня 1985 года Лейпцигский университет присудил профессору ван дер Вардену почётную степень доктора.

²Она впервые вышла 25 июля 1940 г. под названием «Nieuwsbrief van Pieter 't Hoen» и превратилась в «Het Parool» 10 февраля 1941 г. [Kei].

своих сотрудников. После войны и оккупации, имея тираж от 50 000 до 100 000 только в Амстердаме, а также местные издания более чем в десяти городах страны [Kei], газета «Het Parool» пользовалась огромным моральным влиянием.

В начале января 1946 г. всё шло к тому, что ван дер Варден получит должность профессора в Амстердамском университете. После полудня 16 января 1946 года должно было начаться заседание городского совета с вопросом о его назначении в повестке дня. Однако всего за несколько часов до этого на стр. 3 газеты «Het Parool» взорвалась «бомба» [Het1]³:

ЕГО??

Нет, не его!

Предложение назначить доктора Б.Ц. [sic] ван дер Вардена профессором физико-математического факультета Амстердамского университета должно удивить всех тех, кто знает о его службе врагу в течение всей войны. Его «коллорабационизм» — не сегодняшняя или вчерашняя новость. Когда в 1939 году разразилась война, и Нидерланды, опасаясь вторжения, провели мобилизацию, господин ван дер Варден стоял за своей кафедрой в Лейпциге. Он стоял там уже несколько лет. И он *продолжал* там стоять. Он тоже видел надвигающуюся бурю, но не помышлял о возвращении на свою родину.

Когда в мае 1940 года немцы захватили нашу страну, ван дер Варден по-прежнему стоял за своей кафедрой в... Лейпциге. И он продолжал там стоять. В течение пяти лет Нидерланды боролись с Германией, и все эти пять лет ван дер Варден поддерживал свет науки в... Лейпциге. Он растил последователей Гитлера. Все его способности — очень большие — и весь его талант — очень большой — были на службе у врага. Не потому, что господин ван дер Варден был принуждён выполнять принудительную Arbeitseinsatz [трудовую повинность], не потому, что ван дер Вардену невозможно было скрыться; нет, господин ван дер Варден служил врагу, потому что ему нравилось в Лейпциге; он вполне добровольно помогал врагу, который — и это не могло быть неизвестно господину ван дер Вардену — заставлял всё высшее образование плюс все результаты любой научной работы служить его [врага] «totale Krieg» [тотальной войне].

Господин ван дер Варден не может ответить как средний немец, слышащий о беспредельных ужасах, которые творились в его стране: «Ich habe es nicht gewusst» [Я не знал]. В середине военных лет ван дер Варден вернулся на свою позабытую родину. Он услышал и увидел, как позорно вели себя здесь его покровители. И это оставило его совершенно холодным? (*Liet het hem Siberisch koud?*) Через несколько недель господин ван дер Варден снова

³В целях большей выразительности авторы включили в эту статью, написанную по-голландски, несколько пассажей на немецком языке. Они приводятся по-немецки, с переводом в квадратных скобках. В скобках приведены также некоторые голландские выражения, точный перевод которых особенно затруднителен.

стоял за своей кафедрой в... Лейпциге. В Нидерландах зондеркоманды убивали сотни людей. Многие лучшие из нас погибли в концлагерях, воздвигнутых немцами в качестве символов Kultur [культуры] на второй родине господина ван дер Вардена; это произошло и с несколькими его голландскими коллегами. И это никак на него не повлияло? Рассказ становится однообразным: господин ван дер Варден наставлял немецкую молодёжь из за своей кафедры в... Лейпциге.

Но вот карточный домик рухнул. Германия, включая Лейпциг, капитулировала. Третий рейх, который, как надеялся господин ван дер Варден, будет существовать если не тысячу лет, то хотя бы на протяжении его жизни, превратился в одну большую развалину. И в этот самый момент господин ван дер Варден вспомнил, что существует нечто вроде Нидерландов, к чему он лично имеет отношение. Он взглянул в свой паспорт: да, это был голландский паспорт. Он упаковал чемоданы. Он отправился на «родину». Теперь Лейпциг больше не был столь приятен. Все эти руины и все эти оккупационные силы — ну их. После пяти лет усердной службы смертельному врагу своего народа ван дер Варден был теперь готов перейти в другой лагерь.

Есть и другие вроде него. Но что хуже, Амстердамский университет, похоже, готов немедленно предоставить этому господину ван дер Вардену новую кафедру. Вы говорите, математика не имеет отечества? Да, сударь, но в Нидерландах 1946 года желательно, чтобы таковое имел профессор математики и чтобы он вспоминал о нём своевременно, а не в тот день, когда под его ногами загорелась кафедра во вражеской стране.

Эта пылкая статья, распространявшаяся по всей стране, с повторяющимся снова и снова, как припев в песне, «*ван дер Варден стоял за своей кафедрой в Лейпциге*», должна была озаботить, если не испугать, городской совет Амстердама. В то время как коллаборационисты и даже те, кто добровольно отбывал трудовую повинность, удалялись из числа преподавателей, сотрудников и студентов университета, городской совет планировал утвердить назначение профессора, добровольно служившего Германии весь нацистский период, включая ужасные пять лет германской оккупации Нидерландов. Вопрос о назначении ван дер Вардена был отложен.

На следующий день, 17 января 1946 г., «Het Parool» сообщила о результатах [Het2]:

ПРОФЕССОР ВАН ДЕР ВАРДЕН ЕЩЁ НЕ НАЗНАЧЕН **Назначение отложено**

После заседания Амстердамского городского совета, состоявшегося вчера днем в Генеральном Комитете, бургомистр де Бур объявил, что в итоге вопрос о назначении доктора Б. Л. ван дер Вардена, профессора математики в Лейпциге, экстраординарным профессором Амстердамского университета отложен.

Ввиду публикации в «Het Parool» о профессоре ван дер Вардене совет счёл, что решение не должно быть поспешным. Требуется дополнительная информация.

От имени городской администрации старейшина господин де Рос доложил, что документы профессора ван дер Вардена в порядке. Лейпциг являлся важным математическим центром. За предварительной информацией обращались во многие авторитетные источники, в том числе в Комиссию учёных в Германии. Университетская коллегия по восстановлению⁴ поддержала назначение, так же как и факультет. На данный момент, однако, назначение отложено; городская администрация будет консультироваться с коллегией.

Ван дер Варден был ошеломлён не только отказом городской администрации утвердить его назначение, но и столь тяжёлыми публичными обвинениями в газете, которую в послевоенных Нидерландах читал и уважал практически каждый. 22 января 1946 года он написал следующие строки своему другу Гансу Фрейденталю⁵:

Друг, благодарю тебя за твоё доброе письмо. Для нас большая помощь — иметь хоть одного верного друга посреди этого враждебного мира.

Я послал прилагаемое опровержение в «Het Parool» и в «Propria Cures»⁶. Ещё до этого я снабдил Клая необходимыми сведениями, чтобы старейшина⁷ смог защищать [меня]. Из отчёта в «Het Parool» о заседании совета у меня сложилось впечатление, что старейшина сражается за меня, как лев.

Позиция студентов очень радует меня. Как только я там окажусь, я полностью привлеку их на свою сторону. Я убеждён в этом.

Мне неясно, почему ван дер Варден «очень радовался» позиции студентов. Как мы вскоре увидим, студенты открыто возражали против его назначения.

Запомним также строчку ван дер Вардена «я снабдил Клая необходимыми сведениями, чтобы старейшина смог защищать [меня]»: вскоре мы узнаем из статьи в «Het Parool» содержание этих сведений.

В это письмо Фрейденталю ван дер Варден включил два документа — «Оправдание» и «Из письма к профессору Й. Г. ван дер Корпу-

⁴Мы видим здесь ещё одно явное доказательство того, что профессор ван дер Варден был неточен, когда писал мне 24 апреля 1995 г. [Wa10]: «Пока не пришло Ваше письмо, я не знал, что была создана комиссия, чтобы расследовать моё поведение в нацистские времена». Коллегия по восстановлению была именно такой комиссией по денацификации.

⁵RANH, документы Ганса Фрейденталя. Инв. № 89.

⁶Еженедельник студентов Амстердамского университета.

⁷Здесь ван дер Варден явно имеет в виду одного конкретного старейшину (всего их было шесть): это Альберт де Рос (1900—1978), старейшина (1945—1962) по вопросам образования и искусств.

ту», — весьма подробно обсуждавшиеся в предыдущей главе, а также следующее рукописное письмо⁸ редактору, которое он послал в обе газеты, «Het Parool»⁹ и «Propria Cures», даже несмотря на то, что последняя не дала никакого комментария к предстоящему назначению ван дер Вардена:

П о п р а в к а [Rechtzetting]

В газете «Het Parool» от 16 января моя персона подверглась жестокой атаке. Я не желаю много говорить об этом. Вопрос о том, были ли мои действия ошибочными, тщательно расследуется соответствующими службами¹⁰. Но я должен исправить две неточности. Утверждается, что я надеялся на существование Третьего рейха на протяжении моей жизни. Это клевета. Меня знали в Германии и вне её как убеждённого противника нацистского режима; я могу доказать это, представив свидетелей.

Далее там говорится, что я вернулся потому, что моя кафедра загорелась у меня под ногами. Это тоже неправда. Я вернулся потому, что физико-математический факультет государственного университета в Утрехте предложил мне занять должность профессора математики.

Б. Л. ван дер Варден.

Существовали слова — о патриотизме, любви к родине, заслугах семьи ван дер Варденов перед Нидерландами, желании вернуться домой, — которые могли тронуть сердца читателей и стать сильным доводом в пользу ван дер Вардена. Надменные и сухие слова ван дер Вардена о том, что он вернулся, получив предложение работы, никак не могли усилить его позицию. Его самооценка как «убеждённого» антинациста была неприемлема для редакторов газеты, ежедневно рисковавших жизнью во время оккупации. И «Het Parool» («Профессор ван дер Варден оправдывается», [Wa9]), и «Propria Cures» («Поправка», [Wa10]) опубликовали полный текст вышеприведённой «Поправки» ван дер Вардена 1 февраля 1946 года. При этом «Het Parool» добавила следующий ответ редакции [Het4]:

Нам приятно дать господину ван дер Вардену возможность оправдаться. Усилил ли он этим свою позицию? Нет, отнюдь нет. Разве что найдутся голландцы, действительно верящие, что немцы с 1940 по 1945 гг. позволяли [их] «убеждённым» (!) противникам занимать профессорские должности. Какие дела показывают этот убеждённый антинацизм господина ван дер

⁸RANH, документы Ганса Фрейденталя. Инв. № 89.

⁹Письмо ван дер Вардена в «Het Parool» датировано 21 января 1945 г., как видно из уведомления, посланного ему из «Het Parool» 23 января 1945 г. и подписанного секретарём главного редактора: см. EТН, Hs 652:11631.

¹⁰См. сноску 5.

Вардена? И притом датировка его возвращения на родину 1945 годом принадлежит к тем редким совпадениям, в которые надо просто поверить... или не поверить. Господин ван дер Варден — и в этом суть дела — с первого до последнего дня войны служил науке во вражеской стране, и это было оплачено вражескими деньгами. Он, добровольно служивший врагу с мая 1940 г. по май 1945 г., — плохой голландец. Те, кто после этого допускает его к голландской молодёжи, не понимают требований нашего времени. И если назначение ван дер Вардена утверждается, то нельзя ничего возразить рабочим и студентам, добровольно отбывавшим трудовую повинность¹¹ и т. п., поскольку трудовая повинность ван дер Вардена была полнее, чем у любого другого голландца. «Вознаграждение» за это в виде профессорской должности означало бы, что все остальные, добровольно работавшие на врага, заслуживают знака отличия и премии.

Редколлегия «Het Parool».

Ранее, 25 января 1946 года, «Het Parool» уже сообщила о том, что вопрос о назначении ван дер Вардена отложен [Het3]:

ПРОФЕССОР Б. Л. ВАН ДЕР ВАРДЕН

Предложение городской администрации назначить Б. Л. ван дер Вардена профессором, рассмотрение которого было отложено на предыдущем заседании городского совета вследствие статьи в «Het Parool», не значится в повестке дня на 30 января. Вначале оно было в неё включено, но затем городская администрация его вычеркнула, откуда можно заключить, что ещё продолжаются дальнейшие консультации.

13 февраля 1946 года «Het Parool» напечатала свой последний комментарий к делу ван дер Вардена [Het5]. Из него можно понять, какие

¹¹Согласно программе трудовой повинности (Arbeitseinsatz) жителей Голландии и других стран посылали на работу в Германию (или «большую» Германию). Те, кто туда отправлялся, после войны были наказаны. Доктор Кнегтманс в 2004 г. в электронном письме ко мне комментирует это следующим образом [Кпб]: «Насколько я знаю, действительно добровольно участвовали в Arbeitseinsatz лишь немногие. Большинство (несколько сот тысяч) сделали это под давлением, и среди них были три тысячи студентов всех голландских университетов и некоторые их сотрудники. После войны, однако, эти люди подверглись определённой критике. Их публично спрашивали, не могли ли они уклониться от мобилизации. Я думаю, что нет, поскольку их имена и адреса были известны и большинство нуждалось в заработке для своих семей. Конечно, это не относилось к студентам, но в действительности большинство студентов бежали с работ в Германию назад в Голландию, а другие не вернулись в Германию из отпуска. Думаю, что никто из студентов, сотрудников или профессоров Амстердамского университета не был наказан за добровольное участие в Arbeitseinsatz. Вероятно, никто из них не был добровольцем. Но некоторые нацисты из числа студентов и сотрудников университетов вступили в германскую армию (или голландский добровольческий корпус) либо в военизированные германские организации. Сотрудники из этого числа были уволены из университетов, а студенты просто не вернулись туда».

сведения ван дер Варден предоставил профессору Клау для старейшины Альберта де Роса (напомним, что ван дер Варден упоминал об этих сведениях в письме Фрейденталю от 22 января 1946 г.):

ОТНОСИТЕЛЬНО ВАН ДЕР ВАРДЕНА

Городской совет распространил листок в поддержку профессора ван дер Вардена. Основные пункты в нём следующие: он протестовал против увольнения евреев в 1934 году (притом сам он продолжал преподавать), а во время войны, за исключением семейной поездки в ноябре 1942 г., ему не разрешалось покидать Лейпциг, причём в то время, говорится в листке, «о том, чтобы скрыться, не могло быть и речи», так что нельзя было ожидать от ван дер Вардена ухода в подполье, тем более что ему пришлось бы оставить жену и детей в Германии.

Этот текст вызывает у нас лёгкую тошноту. Ноябрь 1942 года! Питер 'т Хун¹² в тюрьме уже одиннадцать месяцев, Виарди Бекман¹³ в тюрьме, Коос Ворринк¹⁴ в подполье, на самом деле все люди нашей газеты в подполье; закончился суд над «O. D.» [«O. D.» означает Orde Dienst — национальную организацию Сопротивления], и 70 человек расстреляны. Всё руководство «O. D.» в подполье. В подполье все сотрудники «Vrij Nederland», а также «De Geus», и «Je Maintiendrai», и «Trouw», и «De Waarheid» [голландские подпольные издания периода оккупации]. Скрываются, оставив жён и детей! Нет, в листке говорится: «о том, чтобы скрыться, не могло быть и речи». И вот наступает кульминация: «...и тогда ещё не было явного сопротивления [немцам]»!!! Смотри выше, читатель! Ноябрь 1942 года. Сотни расстреляны за участие в Сопротивлении. Тысячи в лагерях. Ещё тысячи в подполье. Достигла размаха подпольная печать («Het Parool» — 15 000 экземпляров!). «Нет, ещё не было явного сопротивления», — говорит автор листка.

Сопротивление было столь явным, что ближайшее окружение советовало ван дер Вардену не возвращаться [в Германию]. Тем не менее он вернулся. Ещё более трёх лет он преподавал во вражеской стране за вражеские деньги. Кто же переварит такое: на несколько лет отстранить от занятий

¹²Питер 'т Хун — псевдоним амстердамского журналиста Франса Йоханнеса Гудхарта (1904—1990), основателя «Het Parool», который был арестован в январе 1942 г. В [Kei] сообщается, что «Гудхарт был одним из двадцати трёх подозреваемых, представших перед судом германского магистрата на первом процессе газеты «Het Parool» в декабре 1942 г. Было оглашено семнадцать смертных приговоров, и тринадцать сотрудников газеты были расстреляны в феврале 1943 года. Гудхарту удалось получить смягчение приговора. Он был освобождён в сентябре 1943 г. и вернулся на своё место в редколлегии».

¹³Херман Бернард Виарди Бекман (1904 г. — 15 марта 1945 г.), член редколлегии «Het Parool», один из интеллектуальных лидеров SDAP. Арестованный в январе 1942 года, окончил свою жизнь в нацистском концлагере Дахау.

¹⁴Якоб Ян (Коос) Ворринк (1891—1955), член редколлегии «Het Parool», председатель SDAP, а позже председатель PvdA (Трудовой партии), был арестован 1 апреля 1943 года, а позже отправлен в нацистский концлагерь Заксенхаузен, из которого освобождён Советской армией в 1945 г.

студента факультета искусств и в то же самое время сделать ван дер Вардена профессором?

Конечно, выражение «убеждённый антинацист» в ответе ван дер Вардена газете «Het Parool» воспринималось как преувеличение и, естественно, выстрелило в обратную сторону. Кроме того, начав дискуссию на страницах студенческого еженедельника «Propria Cures», ван дер Варден в следующем его номере от 8 февраля 1946 года получил ответ от П. Петерса, видимо студента [Pete]:

РЕДАКТОРУ

На протяжении последних недель пресса возвращается к назначению Б. Л. ван дер Вардена профессором алгебры (точнее, теории групп) в нашем университете. Ещё не выбравшись из облаков пыли, поднятых возвращением других профессоров, следует удивиться тому, что «P. C.» [«Propria Cures»] до сих пор не уделяет внимания дискуссии о ван дер Вардене.

Профессор ван дер Варден, как хорошо известно, в течение всей войны преподавал в Лейпцигском университете.

Недавно он заявил в газете «Het Parool», что был антинацистом. Не совсем ясно, как совместить это с его коллаборационистским поведением, которое выразительнее всего иллюстрируется следующим фактом: он и после захвата Нидерландов, как привык до этого, каждый день публично произносил приветствие «Хайль Гитлер», начиная свои лекции во вражеской аудитории. С учётом всех обстоятельств трудно предположить, что он продолжал выполнять свои функции в Германии по принуждению; тем более что ему, как сообщалось, предлагали профессорскую должность в Нидерландах. Как следствие, в своём оправдании (в «Het Parool») он не обсуждает добровольный характер своего коллаборационизма.

Какой бы малоприятной ни становилась тема очищения, здесь не должно быть двойных стандартов.

Поэтому не будет ли тактичнее, если [городской] совет, всё ещё рассматривающий его назначение, избежит провокации, и профессор ван дер Варден пока удовлетворится своей нынешней службой (в ВРМ)?

П. Петерс.

Это не было мнением лишь одного студента. Доктор П. Й. Кнегтманс в своей монографии [Kn1] сообщил о протесте ведущей студенческой организации:

ASVA¹⁵ резко протестовала против прихода профессора математики ван дер Вардена в Амстердамский университет, поскольку в течение всей войны он преподавал в немецком университете.

¹⁵Согласно доктору Кнегтмансу [Kn1], ASVA означает Algemene Studenten Vereniging Amsterdam — новый всеобщий студенческий союз, возникший из кругов амстердамского студенческого сопротивления. В первые послевоенные годы ASVA была очень тверда в вопросах, касавшихся поведения прежних и новых профессоров во время войны.

Точнее, Кнегтманс сообщает в электронном письме ко мне [Кп2], что 5 февраля 1946 года ASVA направила письмо городской администрации. Согласно записям доктора Кнегтманса (которые он перевёл для меня), письмо¹⁶ гласило:

В ASVA стало известно, что городская администрация предложила доктора Б. Л. ван дер Вардена на должность профессора Амстердамского университета. Это предложение удивило ASVA с учётом того факта, что во время войны ван дер Варден был профессором германского университета.

В ASVA сложилось впечатление, что коллегия по восстановлению также имела некоторые сомнения, прежде чем она в итоге посоветовала городской администрации выдвинуть это предложение. Однако всплыли столь серьёзные факты относительно поведения ван дер Вардена во время войны, что его назначение было бы неприемлемо для студентов, пока остаются неизвестными результаты расследования, проведённого коллегией по восстановлению.

Поэтому ASVA просит раскрыть основания, по которым городская администрация считает ван дер Вардена подходящим для должности профессора в голландском университете.

17 апреля 1946 года городская администрация ответила¹⁷ не ASVA, а Комиссии по денацификации, амстердамской коллегии по восстановлению. Записи доктора Кнегтманса (переведённые им для меня) сообщают следующее [Кп2]:

Городская администрация информирует Коллегию по восстановлению, что она сочла себя обязанной отозвать предложение о назначении Б. Л. ван дер Вардена экстраординарным профессором теории групп и алгебры, представленное городскому совету 4 января 1946 г., так как выяснилось, что правительство не даст своего согласия на назначение доктора ван дер Вардена.

Это очень важный документ. Он показывает следующее.

1. Профессор Герард ван дер Лейв, министр образования, искусств и наук, вначале не возражавший против назначения ван дер Вардена, изменил¹⁸ своё мнение, видимо под влиянием «Het Parool» и студентов, и соответственно информировал городскую администрацию.

¹⁶ Архивы ASVA в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

¹⁷ Архивы коллегии кураторов в муниципальных архивах Амстердама.

¹⁸ Действительно, министр ван дер Лейв позвонил бургомистру Амстердама де Бур и попросил дать информацию о ван дер Вардене. 15 февраля 1946 г. бургомистр де Бур послал министру двухстраничное эмоциональное сообщение, составленное ван дер Корпутом и подписанное бургомистром. В нём упомянут Самуэль Гоудсмит, которого мы вскоре встретим вновь в этой главе: «Профессор Гоудсмит, как глава американского бюро в Париже имевший задачу собирать сведения о политической деятельности профессоров в Германии, сказал профессору Клау и профессору Михелсу, что он не нашёл сведений, говорящих против ван дер Вардена. „Предварительные сведения благоприят-

2. Вопреки утверждению ван дер Вардена в письме ко мне [Wa19], комиссия по денацификации, т. е. коллегия по восстановлению, Амстердамского университета расследовала его деятельность, поскольку письмо от городской администрации о ван дер Вардене было адресовано в коллегия по восстановлению. Более того, теперь я получил документы utrechtской коллегии по восстановлению и очищению, где в числе других специально рассматривается вопрос о ван дер Вардене.

3. Королевское согласие было необходимо для назначения профессора в *любой* голландский университет, включая муниципальный университет Амстердама. Последнего факта профессор ван дер Варден никогда не понимал (так же как, видимо, и его коллеги ван дер Корпут и Клай), поскольку даже в 1993 г. он сказал своему интервьюеру профессору Дольд-Самплониус [Dol1], что «Амстердамский университет — городской, и здесь королева не могла вмешаться».

На самом деле историк Амстердамского университета доктор Кнегтманс сообщает мне следующее [Kn4]:

Если Клай и ван дер Корпут действительно думали, что назначение профессора в Амстердамский университет городским советом не нуждалось в санкции королевы, то они ошибались. Эта санкция требовалась по закону 1876 г., и процедура не менялась примерно до 1980 года. Однако санкция королевы фактически означала и означает санкцию министра (в данном случае — министра образования). Не предполагалось и не предполагается, что королева имеет собственное мнение. Это ответственность министра. Именно министр советует королеве, что сделать: дать или не дать своё одобрение. В случае ван дер Вардена это означало, что тогдашний министр образования, профессор Герард ван дер Лейв, профессор теологии [а также истории религий и египтологии] в Гронингском университете, который был министром в первый послевоенный год, отказался утвердить назначение ван дер Вардена профессором в Utrecht, так же как и в Амстердам. Вероятно, назначение ван дер Вардена в Utrecht вообще не состоялось, поскольку назначить его должен был именно ван дер Лейв. Скорее всего, utrechtская коллегия по восстановлению лишь предложила его на должность профессора.

В итоге пресса и студенты создали такую острую ситуацию для учёных и для властей, что те, убедившись или нет в справедливости их аргументов, настолько побоялись погрешить перед лицом общественности в поднятых ими серьёзных вопросах, что надолго оставили попытки устроить ван дер Вардена в какой-либо голландский университет. Более того, 13 марта 1946 г. доктор Герард ван дер Лейв, министр

ны“, — такую телеграмму получил Клай от Гоудсмита» (Het National Archief, Den Haag, поисковый номер 2.14.17, номер записи 73, архив министерства образования).

образования, искусств и наук, формально зафиксировал это в письме¹⁹ в College van Herstel en Zuivering Утрехтского университета:

Уведомляю вас о том, что Совет министров решил, что лица, в течение периода оккупации непрерывно работавшие в Германии по собственной воле, не могут теперь рассматриваться как кандидаты на государственную службу.

Причиной такого решения стало обсуждение возможного назначения доктора Б. Л. ван дер Вардена профессором в Амстердам.

Как вы понимаете, назначение ван дер Вардена ни в Амстердам, ни в Утрехт не может иметь места.

Министр образования, искусств и наук.

За министра подписал генеральный секретарь Х. Й. Рейнинк.

Удивительным образом персональный случай ван дер Вардена побудил правительство Нидерландов ввести новый закон, запрещающий любую государственную службу для любых «лиц, в течение периода оккупации непрерывно работавших в Германии»!

Мне не удалось найти суждение ван дер Корпута о кампании газеты «Het Parool», но я недавно нашёл другую очень ценную вещь: суждение второго главного защитника ван дер Вардена в Амстердаме, профессора Якоба Клая. Ровно через шесть дней после решения министра, 19 марта 1946 года, Клай писал²⁰ ван дер Вардену следующее:

Дорогой ван дер Варден!

К моему большому сожалению, осуществление нашего плана сорвалось в последний момент. Городские власти уже убедились в целесообразности назначения, когда пришло решение министра, что никто, работавший в Германии в течение войны, безо всяких исключений не может в настоящее время получить назначение на государственную службу. На подготовленный мной ответ не посмотрели, и задним числом я жалею, что позволил старейшине²¹ удержать меня от ответа газете «Het Parool». Когда столько времени прошло, кажется лучше не поднимать вновь эти вопросы. Теперь я весьма сильно надеюсь, что сотрудничество в связи с созданием Математического центра будет удачным и в будущем это дело всё же завершится успешно. Я не сомневаюсь, что так и будет.

¹⁹Это письмо входит в число документов, предоставленных мне архивами Утрехтского университета. Эти документы показывают, что на утрехтскую коллегия по восстановлению и очищению произвёл впечатление тот факт, что в Германии с 1931 г. по 1945 г. ван дер Варден сохранял своё голландское гражданство, и потому она поддерживала его назначение в Утрехт, пока не пришло это письмо.

²⁰ETH, Ns 652:10646.

²¹Здесь Клай явно имеет в виду Альберта де Роса, старейшину по вопросам образования и искусств.

§ 2. История службы: 1945—1947

После своего возвращения в Нидерланды в конце июня 1945 года ван дер Варден срочно нуждался в работе. Проблему разрешил его друг Ганс Фрейденталь. Он связал ван дер Вардена с компанией «Bataafsche Petroleum Maatschappij» (BPM), ныне известной как «Ройял Датч — Шелл», и 1 октября 1945 года ван дер Варден вступил в свою первую послевоенную должность аналитика этой компании. В 1994 г. ван дер Варден вспоминал [Doll]:

Однажды мне позвонил Фрейденталь. Он хотел, чтобы я приехал в Амстердам поговорить. Я приехал в Амстердам, и Фрейденталь сказал мне, что он смог найти для меня должность в компании «Шелл». «Примете ли Вы её?» Да, разумеется; я принял её весьма охотно.

Однако госпожа ван дер Варден явно испытала горечь. Это видно даже спустя полвека, в этом интервью 1994 года [Doll], которое продолжается её словами:

Итак, мы были спасены. Я всегда говорила, что у нас можно отнять всё, кроме нашего интеллекта.

О ком речь? Кто «отнимал всё» у ван дер Варденов: голландцы, королева, отказавшаяся подписать назначение профессором?

В 1946 г. группа математиков во главе с профессором ван дер Корпутом основала в Амстердаме Математический центр. Как его первый директор, ван дер Корпут предоставил ван дер Вардену должность директора по прикладной математике с неполной занятостью (один день в неделю).

В этот момент на сцене нашего повествования появляется Цюрих. Бенно Экман, почти всю жизнь проработавший профессором в ETH, вспоминает [Eck1]:

В 1944 году Шпейзер²² перешёл из Цюриха в Базель. Финслер²³ был предложен и назначен его преемником в Цюрихе; он был адъюнкт-профессором прикладной математики. Таким образом, в 1944 году должность профессора прикладной математики оказалась вакантной. В 1945 году на неё был назначен Ларс Альфорс²⁴, но он ушёл после трёх семестров...

²² Андреас Шпейзер (1885—1970), профессор математики в Цюрихском (1917—1944), а затем в Базельском университетах.

²³ Пауль Финслер (1894—1970), профессор математики в Цюрихском университете (1927—1959), в дальнейшем почётный профессор.

²⁴ Ларс Валериан Альфорс (1907, Финляндия — 1996, США), профессор математики в Гарвардском университете (1946—1977), один из двух первых лауреатов Филдсовской медали (1936).

Олли Лехто объясняет [Leh]: «Альфорт не оставался долго в Цюрихе; позже он признавался, что ему там не нравилось». Поэтому Альфорт с радостью принял предложение вернуться в Гарвардский университет (где он работал в 1935—1938 годах) и остался там на несколько десятков лет (1946—1977, впоследствии в звании почётного профессора). Цюрихский университет повысил должность Альфорса (который был адъюнкт-профессором) до полного профессора и объявил конкурс на это место.

По знаменательному совпадению конкурс начался 13 марта 1946 года, в тот самый день, когда голландский министр ван дер Лейв известил Утрехт о запрещении любой государственной службы для лиц, прошлое которых таково, как у ван дер Вардена.

Доктор Хайнцпетер Штуки, архивариус Цюрихского университета, нашёл только один документ²⁵ на эту тему, значение которого, однако, оказалось велико: шестистраничный отчёт от 15 июля 1946 года декана Х. Штейнера доктору Р. Бринеру, исполнительному администратору дирекции образования кантона Цюрих. Штейнер выбрал двух иностранных математиков:

Выдающиеся математики сегодня доступны на короткое время, и речь идёт о двух всемирно известных математиках: это *Рольф Неванлинна*²⁶ (Финляндия) и профессор *ван дер Варден* (Голландия).

Декан вначале охарактеризовал кандидатуру Неванлинны. Превознося его достижения в математике, декан высказался о личности кандидата:

Он родился 22 октября 1895 года в Йёнсу (Финляндия) и много лет был ректором Хельсинкского университета. Ему пришлось покинуть эту должность вследствие политических обстоятельств после окончания войны. Поэтому, как он кратко сообщил, он готов к назначению в Цюрих...

Это была весьма краткая характеристика: родился — ректорствовал — был вынужден уйти. Глядя на 15-страничное резюме [Ste] 317-страничной биографии Рольфа Неванлинны, написанной его учеником и защитником Олли Лехто (Ph. D. с 1949 г.), приходится процитировать по крайней мере некоторые сведения, существенные для нейтральной Швейцарии всего лишь через год после Второй мировой войны:

В 1933 году Гитлер стал германским рейхсканцлером. Вплоть до 1943 г. Неванлинна придерживался мнения, что Гитлера по его роли в немецкой

²⁵Universität Zürich, Universitätsarchiv, ALF Mathematik 1944—1946.

²⁶Рольф Герман Неванлинна (1895—1980), профессор математики (1926—1946) и ректор (1941—1944) Хельсинкского университета; профессор прикладной математики Цюрихского университета (1946—1963, почётный профессор с 1949 года).

истории можно сравнить с Фридрихом Великим и Бисмарком... Он и другие члены его семьи рассматривали дела нацистской Германии как свои собственные. Германия была родиной матери Неванлинны (его мать была немка)... В частности, это повлияло на его пронацистские убеждения, выраженные им в ряде выступлений и публикаций. Однако Неванлинна никогда не был членом национал-социалистической партии и не занимал антисемитскую позицию...

Когда в Финляндии, как и в Германии, возникла мысль учредить финский добровольческий батальон, Неванлинна приветствовал эту идею и безоговорочно поддержал его создание. По требованию Гимmlера [рейхсфюрера СС] был организован [финский] батальон СС, и летом 1942 г. Неванлинна стал председателем комитета добровольцев СС в этом батальоне!

Профессор Неванлинна рассматривался Цюрихским университетом как первый кандидат. Затем декан Штейнер перешёл ко второму кандидату, доктору ван дер Вардену. Штейнер признал, что

поскольку он [ван дер Варден] подвергся сильным политическим нападкам в Голландии, необходимо прояснить истинное положение дел.

Затем декан процитировал пояснение, предоставленное голландским математиком Яном А. Схоутеном²⁷, который в то время жил в уединении в Эпе, Нидерланды:

Ван дер Варден... оставался во время войны в Германии, где он не подлежал воинской повинности, и всегда вёл себя как враг нацизма, и, в частности, сделал много хорошего для евреев. Государственная комиссия по координации высшего образования, которая учреждена здесь после войны и членом которой я имею честь состоять, хотела бы видеть ван дер Вардена в Амстердаме или Утрехте. Подвергнув его проверке, «комиссия по очищению» нашла его чистым, и министр образования был готов его назначить. Но в это время муж сестры ван дер Вардена, еврей, уже давно не любивший его и особенно его жену (немку), развязал в прессе безобразную грязную кампанию. Министр, который не является сильной личностью и уже имел большие неприятности в связи с другими подобными кампаниями, в результате позволил себя запугать. Они [голландцы] совершенно не могут представить себе, какая нездоровая обстановка сыграла тут роль: грязная злобная кампания ради собственного интереса и политических целей, происходящая от намерений, постоянно порождаемых жаждой мести...

²⁷ Ян Арнольд Схоутен (1883—1971), из известной состоятельной семьи судостроителей, профессор математики и механики в Делфтском техническом университете (1914—1943), адъюнкт-профессор математики (без преподавания) в Амстердамском университете (1948—1953). В 1954 г. Схоутен был президентом Международного математического конгресса в Амстердаме.

Нашей главной целью было сохранить сейчас ван дер Вардена для Голландии, чтобы дать ему, как крупному математику, должность полного профессора, как только спадёт волна ненависти и подозрений.

Эти резкие слова в адрес недавно освобождённых Нидерландов должны были представить ван дер Вардена жертвой экстремизма. Следует сказать, что Схоутен накормил швейцарцев сплетней: у ван дер Вардена не было сестёр, а потому не было и мужа сестры, будь он еврей или нет. Независимо от этого, столько евреев столь недавно были убиты, что обвинять еврея за трудности ван дер Вардена с работой было некрасиво. А утверждать, что один обычный человек, еврей или нет, способен «развязать в прессе безобразную грязную кампанию», значило считать цюрихских профессоров глупыми. Невероятно, но декан принял слова Схоутена за истину и завершил политическую оценку ван дер Вардена следующим образом:

Таким образом, нет причин воздержаться от возможного назначения господина ван дер Вардена в Цюрих.

Итак, швейцарский список кандидатов возглавили два самых выдающихся из них, два математика мирового класса, две личности, политическая и моральная позиция которых вызвала сомнение в первое послевоенное время. В итоге был выбран Неванлинна. Профессор Бенно Экман откомментировал такой выбор следующим образом [Eck3]:

Если можно, выскажусь о том, как я вижу это сегодня [в 2004 г.]: Неванлинна и вдВ [ван дер Варден] представляли для Швейцарии политически нелёгкий случай спустя год после войны. Но университеты старались забыть прошлое и смотреть в будущее. Решение в пользу Неванлинны, очевидно, определялось профессиональными соображениями: он обладал абсолютно всемирной известностью, и в то же время многие математики ещё рассматривали анализ как самую важную часть математики — это вскоре изменилось, стали приобретать всё большее значение алгебра и топология.

На самом деле этот эпизод показал, что швейцарская нейтральность была скорее политической, чем моральной, скорее видимостью, чем сущностью. Позже декан Бёш напишет²⁸ об этом конкурсе следующее:

Из предложения факультета о занятии новой должности профессора прикладной математики от 15 июля 1946 года ясно, что профессор ван дер Варден подвергся тщательной проверке.

В самом деле, ван дер Варден подвергся тщательной проверке, и заинтересованность в нём была высока. Через несколько лет этот кон-

²⁸Письмо декана Ганса Бёша в дирекцию образования кантона Цюрих, 9 июня 1950 года; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

курс 1946 года принесёт плоды. Между тем ван дер Варден продолжал свою работу на полной ставке в «Bataafsche Petroleum Maatschappij» (BPM) и на части ставки — в Математическом центре.

§ 3. «America! America!»²⁹

Ван дер Варден, несомненно, хотел получить должность университетского профессора — он занимал такую должность уже с 25 лет. Как мы знаем из его писем к Лефшецу, Веблену, Нейгебауэру и Куранту, он предпочитал должность в американском университете. В начале 1947 года ван дер Варден получил письмо из Балтимора, Мэриленд, где ему предлагалось всё вместе: профессорство в университете и возможность жить в Америке. Фрэнк Мурнаган³⁰ предложил ван дер Вардену должность приглашённого профессора. В своём письме³¹ от 5 мая 1947 г. ван дер Варден сообщил президенту университета Джона Хопкинса Исаяе Боуману, что он согласился «с большим удовольствием». По случайному совпадению попечительский совет университета утвердил назначение в этот же день 5 мая 1947 г. Из протоколов³² попечительского совета мы узнаём, что назначение действовало с 1 июля 1947 г. по 30 июня 1948 года. 13 мая 1947 г. ректор Стюарт Маколей определил³³ ван дер Вардену оклад 6 500 \$ в год. И ван дер Варден — Бартел, Камилла, Хельга, Ильзе и Ганс-Эрик — сели на корабль под названием «Veendam», который прибыл³⁴ в нью-йоркский порт 29 или 30 сентября 1947 г.

В университете Джона Хопкинса ван дер Вардена весьма уважали и предложили постоянную должность полного профессора. Это предложение было внезапным и, похоже, стало результатом не вполне ясной «чрезвычайной ситуации» — как это названо во многих документах³⁵, — возникшей в университете Джона Хопкинса в начале февраля 1948 года³⁶. 6 февраля 1948 года президент университета Боуман спеш-

²⁹ Из песни Кэтрин Ли Бейтс «America the Beautiful» (ставшей вторым неофициальным гимном США).

³⁰ Фрэнсис Доминик Мурнаган (1893—1976), заведующий кафедрой математики в университете Джона Хопкинса (1928—1948).

³¹ John Hopkins University (JHU), The Milton S. Eisenhower Library, Record Group 01.001 Board of Trustees, Series 2, Minutes, May 5, 1947.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ JHU, Record Group 01.001 Board of Trustees, Series 2, Minutes, February 9, 1948.

³⁶ Дж. Дж. О'Коннор и Э. Ф. Робертсон пишут следующее в архиве «MacTutor History of Mathematics»: «Он [Мурнаган] сохранял свою должность до 1948 г., когда ушёл из-за раз-

но сформировал специальную комиссию и направил её членам следующее письмо:

В математическом отделении возникла чрезвычайная ситуация, требующая быстро решить вопрос о назначении, которое рекомендуют и доктор Мурнаган, и доктор Винтнер³⁷. Кандидатом является доктор ван дер Варден... Вы по телефону получили сообщение о заседании Академического совета в 8:30 утра в понедельник, 9 февраля, в комнате 315, Гилман-Холл. До заседания Вам потребуется изучить прилагаемый материал о профессоре ван дер Вардене.

На следующий день, в субботу 7 февраля 1948 г., специальная комиссия во главе с химиком Олсофом Х. Корвином единогласно утвердила рекомендацию математического отделения, не требуя обычных внешних рекомендаций. В понедельник 9 февраля Академический совет, также возглавляемый профессором Корвином, на специальном 20-минутном заседании (с 8:30 до 8:50 утра) «проголосовал за отступление от своей традиции и единогласно рекомендовал» президенту университета «назначить доктора ван дер Вардена». В тот же день (!) попечительский совет утвердил³⁸ назначение профессора ван дер Вардена полным профессором с оплатой «8 000 \$ за первый год; 9 000 \$ за второй год и 10 000 \$ за третий год».

Удивительно, но ван дер Варден отверг это предложение и предпочёл вернуться в Нидерланды. Вместо себя он рекомендовал своего бывшего лейпцигского ученика и соавтора Чжоу Вэй-Ляна (Ph. D. с 1936 г.). Чжоу действительно будет принят на следующий год и проработает профессором в университете Джона Хопкинса почти три десятилетия (1949—1977), причём более десяти лет будет заведовать кафедрой математики.

В 1945 г. ван дер Варден очень хотел переехать в Америку. В 1947 г. он получил такую возможность. Тогда почему в 1948 г. он решил отказаться от престижной, хорошо оплачиваемой должности профессора в университете Джона Хопкинса и покинуть Америку? Он вернулся в Амстердам, где, справедливо или нет, к нему в 1945—1947 гг. отно-

ногласий с президентом университета Джона Хопкинса и отправился в Сан-Паулу, Бразилия» (<http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/Mathematicians/Murnaghan.html>). Действительно ли случились эти разногласия? Если да, то был ли отъезд заведующего математическим отделением (он действительно уехал) той «чрезвычайной ситуацией», которая вызвала такую спешку с предложением профессору ван дер Вардену? Я не имел возможности проверить это.

³⁷Аурел Фридрих Винтнер (Будапешт, 1903 — Балтимор, 1958), один из ведущих профессоров математики в университете Джона Хопкинса (1930—1958).

³⁸ЖНУ, группа записей 01.001, попечительский совет, серия 2, протоколы, 9 февраля 1948 г.

сились не очень тепло. Относились ли к нему в Соединённых Штатах хуже? Я пытался — но неудачно — найти ответ в архивах университета Джона Хопкинса. Казалось, нить поисков оборвалась.

Шло время. Однажды в своём офисе, взглянув на множество книг на полках, я вынул одну для домашнего чтения. Это оказалась «Война Гейзенберга: тайная история германской бомбы», написанная лауреатом Пулитцеровской премии Томасом Пауэрсом. Это было замечательное чтение; при этом на страницах книги ненадолго появился ван дер Варден. Это ещё не было сюрпризом: как мы знаем из второй главы, ван дер Варден был другом Гейзенберга в Лейпциге и посещал семинар Гейзенберга и Хунда по квантовой механике. Однако здесь ван дер Варден появился в связи с его перепиской с Гейзенбергом в 1947—1948 годах. Письма цитировались по диссертации Марка Уокера, защищённой в Принстоне в 1987 г. под руководством моего дорогого принстонского друга и основателя программы по истории науки Чарльза Джиллиспи. Я заинтересовался — и позвонил Тому Пауэрсу в его деревенский дом в Вермонте. Пауэрс направил меня к Уокеру — Уокер прислал мне копии переписки Гейзенберга с ван дер Варденом. В этих письмах были спрятаны ответы на мои вопросы!

Да, неожиданные ответы были спрятаны в архиве Вернера Гейзенберга в Мюнхене, в неопубликованном письме³⁹ ван дер Вардена его другу и нобелевскому лауреату 1932 года Вернеру Гейзенбергу от 22 декабря 1947 г. Читаю с волнением и удивлением:

Дорогой господин Гейзенберг,

9 октября я послал Вам бандероль. Пожалуйста, напишите, пришла ли она и как у Вас дела с едой. Буду рад послать Вам больше в следующем году. Я всё ещё в долгу у Вас: в прошлом, когда я был арестован, Вы помогли мне в гораздо большем, и это была свобода.

Мне нужен Ваш совет: Вы разумный человек, и в начале этой войны Вы предсказали, кто в итоге победит. Я думаю, что получу предложение стать профессором в Балтиморе, и тогда я должен буду решить либо в поль-

³⁹ Ван дер Варден, письмо Гейзенбергу, 22 декабря 1947 г., частные бумаги Вернера Гейзенберга, Физический институт Макса Планка, Мюнхен. Я чрезвычайно благодарен профессору Марку Уокеру, предоставившему мне переписку 1947—1948 гг. ван дер Вардена с Гейзенбергом и Гоудсмитом, а также неопубликованную работу Гейзенберга «Die aktive und die passive Opposition im Dritten Reich» («Активная и пассивная оппозиция в Третьем рейхе»), использованную в этой главе. Уокер был *первым*, кто нашёл их и использовал в своих исследованиях, в диссертации [Wal1] и в книге [Wal2]. Его интересовали прежде всего физики Гейзенберг и Гоудсмит и их дискуссии, а меня — ван дер Варден, поэтому я цитирую отдельные отрывки из этих важных материалов и предлагаю свой собственный анализ. Благодарю также доктора Хельмута Рехенберга, последнего ученика Гейзенберга и директора архива Вернера Гейзенберга, за разрешение воспроизвести эти материалы.

зу университета Джона Хопкинса в Балтиморе, либо в пользу Голландии. В Голландии я бы в основном занимался прикладной математикой и готовил прикладных математиков во вновь основанном Матем. Центре и в моей нефтяной компании. Мне очень нравится такая работа, и работа у Джона Хопкинса тоже нравится, так что [в этом смысле] равноценно. Люди здесь невероятно приятны и готовы помочь: Вы это знаете. Тем не менее я бы скорее остался в Европе: я люблю старую Европу, так же как и моя жена.

Итак, ван дер Вардену нравилась работа у Джона Хопкинса, он считал американцев «приятными и готовыми помочь». Однако Бартел и Камилла ван дер Варден предпочитали «старую Европу». Я это понимаю. Однако их главная проблема, касающаяся жизни в Балтиморе, обнаруживается в следующем абзаце:

Теперь мой вопрос: как Вы оцениваете возможность войны, и как Вы считаете, где лучше можно укрыть свою семью — в Америке или в Европе, если это безумие разразится? Люди здесь и в Европе говорят нам, что это сумасшествие, безумие, и что если есть возможность остаться в Америке, то было бы безумием вернуться в Голландию. Лично я не верю, что будет война, но если она тем не менее начнётся, то большой американский город не кажется мне самым безопасным местом в мире. Однако в прошлом я очень ошибался в подобных случаях и не хочу принимать на свои плечи ответственность за то, что приведу свою жену и детей к трагедии. В ядерной физике Вы понимаете больше, чем я; что Вы думаете об этом?

Я говорил здесь с разными людьми и получил отчётливое впечатление, что Америка сама никогда не начнёт войну, и это меня успокоило.

Ван дер Варден боялся, что в большом американском городе — Балтиморе — его жена и дети будут в реальной опасности из-за возможной русской атомной атаки! Для нас, глядящих на 1947 год из сегодняшнего дня, это может звучать абсурдно. Однако я вспоминаю аналогичные страхи, испытанные преемником ван дер Вардена в Амстердамском университете, профессором Н. Г. де Брёйном, который написал мне об этом в электронном письме 1 июня 2004 г. [Br3]:

...в 1952 г. я получил должность профессора в Амстердаме и... предпочёл жить не в городе, а в деревне, в 20 км к востоку от него. Сегодня никто не поверит, что тогда для меня одной из причин было то, что при русской атомной атаке моя семья на таком расстоянии будет в достаточной безопасности. Через несколько лет атомные бомбы будут в сотни раз мощнее, чем в Хиросиме, так что этот довод станет совершенно глупым.

В заключение своего письма Гейзенбергу от 22 декабря 1947 г. ван дер Варден выражает надежду, что Германия будет восстановлена и они когда-нибудь будут снова работать *там* вместе:

Они [американцы] даже испытывают совершенно серьёзное желание поддержать возрождение Германии, и я по этому поводу очень счастлив. [Рихард] Курант думает, что благодаря плану Маршалла через несколько лет Германия снова достигнет высот. Может быть, мы опять окажемся вместе!

В письме от 16 марта 1948 г. ван дер Варден сообщил Гейзенбергу, что «в принципе я принял предложение работы из [университета] Амстердама». Прежде чем мы последуем за профессором ван дер Варденом, нанесём краткий визит в «треугольник из писем», который мог бы стать темой совершенно самостоятельной книги.

§ 4. Ван дер Варден, Гоудсмит и Гейзенберг: «треугольник из писем»

В последние два года Второй мировой войны доктор Самуэль А. Гоудсмит⁴⁰, американский физик-ядерщик, родившийся в Нидерландах, являлся научным руководителем «миссии Алсос» в военном министерстве США, которая занималась сбором информации о германской ядерной программе, разыскивая её материалы, оборудование и документы, а также разыскивая и допрашивая её ведущих учёных. В своей книге 1947 года, озаглавленной «Alsos» [Gou], причину неудачи Германии в создании атомной бомбы Гоудсмит усматривал в отношении тоталитарного нацистского государства к науке и в научных промахах Гейзенберга, а не в беспокойстве Гейзенберга за судьбу человечества. Книга вызвала частные и публичные дискуссии между двумя старыми друзьями, Гоудсмитом и Гейзенбергом. Дальнейшие сведения о «миссии Алсос» и об этой дискуссии см. в [Pow] и [Wall] соответственно. Разумеется, имеются и богатые материалы, исходящие от очевидцев — главных фигур в «Алсос»: см. [Gou], [Pash] и [Gro].

Прочитав «Alsos», ван дер Варден 17 марта 1948 г. написал письмо Самуэлю А. Гоудсмиту, начав с высокой похвалы:

С большим интересом прочёл «Alsos». Книга держала меня в напряжении полночи. Ваша картина характеров великолепна: такие люди, как Боте, Вайцеккер, Менцель, Озенберг, несколькими штрихами нарисованы с головы до пят. Хорошо показано и главное действующее лицо: несколько загадочный характер В. Г. [Вернера Гейзенберга] теперь стал мне яснее в разных отношениях. То, что Вы пишете о причинах неудачи немцев [в произ-

⁴⁰Самуэль Абрахам Гоудсмит (1902, Гаага — 1978, США); медаль Макса Планка, 1964.

водстве атомной бомбы], о завышенной самооценке и клановой ментальности, хорошо обосновано и бесспорно верно⁴¹.

Затем он поставил ряд важных вопросов:

Вы пишете: «Их целью была бомба». Откуда Вы это знаете, или, точнее, что именно Вы имеете в виду? Вы хотите сказать, что эти люди, знавшие, кто такой Гитлер, планировали совершить ужасное преступление, дав атомную бомбу в его руки? Если Вы имеете в виду именно это, чем Вы можете доказать это ужасное обвинение? Насколько я могу видеть, лишь документом⁴² на с. 178...

Гоудсмит ответил⁴³ в марте 1948 г. (без даты):

Не согласен с Вами, что их работа над этим — преступление. Такую вещь невозможно остановить. Это своего рода научный триумф, последствия которого осознаются, лишь когда уже слишком поздно. Если бы они действительно добились успеха, то я твёрдо убеждён, что фон Лауэ сделал бы всё возможное, чтобы предотвратить применение [бомбы]. Но это оказалось бы напрасным. То же случилось и здесь [в США]. Прежде чем бомба была применена, несколько коллег подписали петицию с просьбой не применять бомбу.

В своей книге «Alsos» Гоудсмит привёл множество документов, показывающих, что немецкие учёные работали в направлении, ведущем к атомной бомбе, и соответственно информировали нацистские власти. Главными причинами неудачи, по его мнению, были научные ошибки германских специалистов:

...Они не понимали, что можно сделать маленькую бомбу.

В своём письме⁴⁴ Гейзенбергу от 16 марта 1948 г. ван дер Варден воспроизводит слова, которые он написал Гоудсмиту, и уверяет своего друга по лейпцигским годам в своей поддержке:

С момента приезда сюда я старался осторожно защищать Вас.

После долгого разговора с Гоудсмитом ван дер Варден написал ещё два письма Гейзенбергу. Изучая жизнь ван дер Вардена, я ясно вижу, что он всегда ценил характер человека (в том числе свой собственный)

⁴¹Переводы этого письма и последующего ответа Гоудсмита с голландского на английский были сделаны лично ван дер Варденом для доктора Марка Уокера, который любезно предоставил их мне.

⁴²Секретное гестаповское резюме, датированное маем 1943 г., которое указывает два применения деления урана: урановый двигатель и урановую бомбу.

⁴³Частные бумаги Вернера Гейзенберга, Физический институт Макса Планка, Мюнхен.

⁴⁴Ibid.

больше, чем его дела. Так, он советовал Гейзенбергу в первом письме⁴⁵, от 19 апреля 1948 г.:

Такие вопросы, как самоуспокоенность [complacency — в немецком тексте использовано английское слово] германских физиков и те вещи, которые Вы и Ваши друзья не сумели увидеть, — такие вопросы теряют значение в моих глазах по сравнению с гораздо более важными: следует ли осуждать Ваш характер [sic] и можно ли и нужно ли работать вместе с Вами.

На следующий день ван дер Варден, как хороший адвокат, решил научить своего друга Гейзенберга, как защищаться, и задал⁴⁶ ему ряд наводящих вопросов, которые подсказывали ответ, желательный для ван дер Вардена:

Г. [Гоудсмит] думает, что если бы Вы и Ваша группа получили плутоний, то Вы решили бы сделать бомбу. Позже многие из вас попытались бы предотвратить её применение, но это оказалось бы напрасным. Я верил, что вы сможете это остановить. В обоснование этого я приводил Ваши слова: «Мы всегда намеревались держать это дело в своих руках». В результате мы пришли к законному вопросу об *in dubio pro reo* [латинское выражение, означающее презумпцию невиновности].

Но лично я хотел бы знать Ваш ответ на этот вопрос. Вы явно рассматривали его. Когда Вы писали в вышестоящие инстанции о возможности [ядерных] взрывов, было ли это лишь предлогом, чтобы получить деньги на физику? Решили ли Вы ни в коем случае не допустить, чтобы до этого дошло дело? Тогда всё в порядке; с этими людьми любая уловка допустима. Не так ли?

Вы понимаете, что я имею в виду. Как Ваш адвокат я имею достаточно материала, чтобы защищать Вас. Но как Ваш друг я ужасно хотел бы верить, что при всех обстоятельствах Ваша порядочность значила больше, чем Ваш национализм и амбиции. Можете ли Вы поддержать эту мою веру? Были ли у Вас разговоры с заслуживающими доверия людьми, которые могли бы послужить мне исходной позицией? И что думает об этом вопросе Ган⁴⁷?

В самом деле, была ли порядочность Гейзенберга, с учётом всех обстоятельств, включая нацистский режим, сильнее его национализма и амбиций? В глубине сердца ван дер Варден, вероятно, знал ответ, но не хотел ему верить. И ему приходилось продолжать свою работу по «осторожной» защите Гейзенберга. Однако в его следующем письме Гейзенбергу, от 28 апреля 1948 г., можно заметить некоторое сомнение

⁴⁵Частные бумаги Вернера Гейзенберга, Физический институт Макса Планка, Мюнхен.

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Отто Ган (1879—1968), немецкий химик. Совместно с Лизой Мейтнер открыл расщепление атомного ядра, за что в 1944 году ему одному была присуждена Нобелевская премия (см., например, [LS]).

(даже несмотря на то что публично он всегда защищал Гейзенберга). Видимо, в несохранившемся письме от 1 апреля 1948 г. Гейзенберг признал ван дер Вардена своим (неофициальным, разумеется) адвокатом и предложил ван дер Вардену начать свою защиту со ссылки на «атмосферу» нацизма. Ван дер Варден ответил⁴⁸ так:

К сожалению, не могу начать с «атмосферы». Это нечто невразумительное, каждый чувствует атмосферу по-своему! Мне нужны конкретные утверждения, решения, разговоры и т. д., которые у Вас были.

И даже простое отрицание «такое утверждение, естественно, никогда в такой форме не делалось» было бы для меня полезно. Полагают, что Вы говорили «как бы было хорошо, если бы мы победили». Предположительно, это нужно понимать буквально. Можете ли Вы вспомнить, что Вы говорили, если не это? Или Вы здесь имели в виду нечто другое?

Разумеется, Вы правы, что в вопросах «немецкой» физики Вы достигли реальных успехов, и, разумеется, было бы *неподходяще* использовать это против Вас. Тем не менее реакция других непредсказуема. Она нелогична, я признаю. Однако эмоционально она понятна. Помните ли Вы ещё, что я сказал Вам, когда Вы дали мне прочесть статью в «Schwarzen Corps»? Неплохое название: белый еврей, Вы можете им гордиться. Но вместо этого Вы сердились по поводу статьи. Разумеется, Вы были правы, действуя в интересах физики так, как Вы действовали в связи с [Нильсом] Бором. Однако, с другой стороны, могли ли Вы контактировать с этими людьми, влиять на них, не компрометируя себя? Допускаю, что да, но могу понять, когда другие в это не верят.

Видимо, сохранилось только одно ответное письмо Гейзенберга, а именно от 28 апреля 1948 года. Гейзенберг предупреждает⁴⁹ ван дер Вардена, что

...поскольку каждое письмо из Германии прочитывается цензором, тем более если оно касается вопроса об атомной бомбе, и в итоге так или иначе становится известным, я должен писать Вам короче и «официальнее», чем хотел бы.

Затем Гейзенберг повторяет свои, ныне общеизвестные и многократно оспоренные, объяснения неудачи Германии в производстве атомной бомбы. Он даже доходит до намёков на моральное превосходство немецких физиков над физиками стран-союзников:

Вы хотите знать суть моей человеческой позиции по этому вопросу. В начале войны, когда меня ввели в работу над ураном, я прежде всего выяснил... что было возможно в этой области. Когда я (в конце 1941 г.) узнал,

⁴⁸Частные бумаги Вернера Гейзенберга, Физический институт Макса Планка, Мюнхен.

⁴⁹Ibid.

что урановый реактор будет работать и, вероятно, удастся сделать атомные бомбы (...я думал, что потребуются ещё больше усилий, чем было в действительности), я глубоко ужаснулся возможности, что кто-то может дать такое оружие в руки правителя (не только Гитлера).

Когда осенью 1941 г. я говорил с Нильсом Бором в Копенгагене, я поставил перед ним вопрос, имеет ли физик моральное право работать над атомными проблемами во время войны. Бор в ответ спросил, верю ли я в возможность военного применения атомной энергии, и я ответил: «Да, я знаю это». Тогда я повторил свой вопрос, и к моему удивлению Бор ответил, что военное использование физиков неизбежно во всех странах, и поэтому оно было оправданно...

Когда в начале 1942 г. в Германии начались официальные обсуждения урановых проблем, я был очень рад тому, что нас устранили от принятия решения. Приказы фюрера не позволили вложить большие усилия в создание атомных бомб. Но и независимо от этого было ясно, что работа над атомной бомбой в Германии не будет завершена в течение войны. В любом случае я бы посчитал преступлением делать атомные бомбы для Гитлера. Но я не считаю хорошим и то, что атомная бомба была дана другим, имевшим власть и силу, и применена ими. С другой стороны, за прошедшие годы я усвоил и нечто такое, чего мои друзья на Западе до сих пор в действительности не хотят видеть: в такие времена, как эти, почти каждый вынужден совершать преступления или поддерживать их бездействием, будь то немцы, русские или англо-американская сторона...

1) P.S. Прочитав это письмо, я вижу, что последняя фраза может быть неправильно понята двояким образом. Во-первых, можно подумать, что я хотел заклеить Оппенгеймера или Ферми как преступников, и можно также предположить, что при некоторых обстоятельствах сам я был бы готов совершать всевозможные преступления «ради Гитлера». Надеюсь, Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы поверить, что не имелось в виду ни то, ни другое.

В следующем отрывке из интервью⁵⁰ (по-английски) газете «Нью-Йорк таймс» Гейзенберг выглядит более искренним:

Науки в Германии пришли в глубокий упадок. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что большинство ведущих учёных [в нацистской Германии] в силу своих представлений о порядочности не одобряли тоталитарную систему. Однако как патриоты, любившие свою страну, они не могли отказаться работать на правительство, когда были к тому призваны.

Эти слова объясняют подлинную подоплёку выбора, сделанного Гейзенбергом. Он разделяет распространённое, но ложное понимание патриотизма, согласно которому во время войны истинные патриоты

⁵⁰*Kaempffert W. Nazis Spurned Idea of an Atomic Bomb [Нацисты отбросили идею атомной бомбы] // New York Times. Dec. 28, 1948. P. 10.*

должны сплотиться вокруг своего правительства, даже если действия этого правительства преступны.

При этом Гейзенберг явно считает, что был в «активной оппозиции» к нацистскому режиму. Профессор Марк Уокер нашёл и первым обсудил [Wall, с. 335—338] впечатляющую неопубликованную четырёхстраничную статью⁵¹ Гейзенберга от 12 ноября 1947 г. «Активная и пассивная оппозиция в Третьем рейхе». Я согласен с суждением Уокера, что хотя внешне Гейзенберг упоминает об «активной оппозиции» Эрнста фон Вайцзеккера, второго по рангу дипломата в Третьем рейхе (и отца Карла Фридриха фон Вайцзеккера, друга и сотрудника Гейзенберга), он считает и себя одним из активных оппозиционеров. Вернеру Гейзенбергу пришлось использовать всю свою огромную изобретательность, чтобы представить сотрудничество с нацистами как «активное сопротивление» нацистам! Тех, кто был изгнан из нацистской Германии, он квалифицирует как находившихся в «пассивной [читай: ничьёмной] оппозиции» (он даже намекает, что они *выбрали* изгнание). И он считает, что те, кто активно боролся с режимом, «не понимали стабильность современной диктатуры, попробовали путь открытого, непосредственного сопротивления в первые годы и оказались в концлагере [читай: пострадали без всякой пользы]». Затем Гейзенберг описывает достойное и высокоморальное поведение в Третьем рейхе:

Для других, кто осознал безнадёжность этого пути, оставался иной путь: достичь некоторой степени влияния, — т. е. позиция, которая должна была выглядеть со стороны как коллаборационизм. Важно понимать, что на самом деле это был единственный способ действительно что-то изменить. Эту позицию — единственную, которая давала перспективу заменить национал-социализм чем-то лучшим, но без огромных жертв, я бы назвал активной оппозицией [sic].

С внешней стороны положение этих людей было гораздо труднее, чем остальных. Вспомним, что активная оппозиция должна была многократно уступать системе в несущественных пунктах, чтобы обладать влиянием, необходимым для улучшений в существенных аспектах. В некотором смысле такой человек должен был вести двойную игру. Неминуемую и трудную моральную проблему, возникавшую перед участником активной оппозиции, можно понять с помощью следующего искусственного примера, к которому иногда близко подходит действительность.

Гейзенберг затем иллюстрирует свою моральную позицию условным примером. Он находит приемлемым, более того — высокомораль-

⁵¹ Благодарю профессора Уокера, предоставившего мне текст этого документа. Благодарю также доктора Хельмута Рехенберга и возглавляемый им архив Вернера Гейзенберга за разрешение цитировать этот документ и переписку Гейзенберга с ван дер Варденом и Гоудсмитом.

ным, доказать лояльность нацистам, подписав смертный приговор невиновному человеку, если это позволяет спасти другие жизни:

Допустим, что человек, желающий спасти человеческую жизнь, попадает в положение, когда он действительно может решать вопросы жизни и смерти других людей. Далее, допустим, и в поистине злонамеренной системе национал-социализма это вполне мыслимо, что он может предотвратить казнь десяти невиновных людей, лишь подписав смертный приговор другому невиновному человеку. Он знает, что десять человек будут казнены по решению того человека, кого поставят на его место, если он не подпишет смертный приговор. Судьба же оставшего в любом случае решена: подпишет он приговор или нет — ничего не изменится. Как же он должен действовать? Лично я по зрелом размышлении считаю, что в таком случае от нас требуется подписать смертный приговор, что, конечно, подразумевает, что мы готовы лично отвечать за последствия этого. Если мерить высшими моральными стандартами, то мне представляется, что тот, кто действует и мыслит таким образом, должен стоять выше, чем тот, кто просто говорит: «Я не хочу иметь дело со всем этим».

Выглядит так, будто физик-теоретик Гейзенберг оправдывает сотрудничество с нацистским режимом и убийство невиновного человека простой арифметической выкладкой: $10 - 1 = 9$. В моём представлении человеческая жизнь имеет бесконечную ценность, и если бы Гейзенберг это понимал, то его арифметика дала бы неопределённый результат: $10 \times \infty - 1 \times \infty$. Гейзенберговская аллегория — образец лицемерия, в котором Гейзенберг возвышает коллаборационистов до героев активного сопротивления и уничижает истинных героев, которые боролись с режимом и заплатили за это высокую цену. Читатель может вспомнить (глава 2), что Гейзенберг искал и получил защиту лично от рейхсфюрера СС Гиммлера. Завоевав высокое внимание и покровительство Гиммлера, Гейзенберг вряд ли мог позволить себе оппозицию нацистскому режиму даже шёпотом — а теперь, после войны, он намекает, что был героем «активного сопротивления»!

Теперь я должен процитировать горячее письмо, посланное в конце июня 1945 года Лизой Мейтнер, одним из авторов открытия расщепления ядра, другому его автору, нобелевскому лауреату Отто Гану. Она обращается здесь к Гану, Гейзенбергу и другим учёным, сотрудничавшим с Третьим рейхом, и даже не читая текста Гейзенберга (написанный двумя годами позже), она решительно опровергает претензии Гейзенберга на какое-то сопротивление, даже пассивное [LS, с. 310]:

Все вы работали на нацистскую Германию и не пытались даже пассивно [sic] сопротивляться. Допустим, для очистки совести вы помогли некоторым притесняемым людям здесь и там, но миллионы невиновных были

убиты, а протеста не было. Я должна написать это вам, так как столь многое зависит от вашего понимания, чему вы позволили совершиться. Здесь, в нейтральной Швеции, задолго до конца войны обсуждалось, что следует делать с германскими учёными, когда война будет позади. Что должны тогда думать англичане и американцы? Я и многие другие придерживаемся мнения, что возможный путь для вас — открыто заявить: вы сознаёте, что ввиду своей пассивности вы разделяете ответственность за происшедшее, и вам необходимо сделать всё возможное, чтобы исправить положение. Но многие думают, что уже слишком поздно это делать. Эти люди говорят: вначале вы предали своих друзей, затем своих сотрудников и своих детей, предоставив им отдать жизнь в преступной войне, и в итоге вы предали саму Германию, так как даже когда война стала полностью безнадёжной, вы ни разу не выступили против бессмысленного разрушения Германии. Это звучит безжалостно, однако я считаю, что пишу вам это по причине подлинной дружбы. Вы на самом деле не можете ожидать, что остальной мир питает симпатию к Германии. За последние дни мы услышали о невероятно ужасных вещах, творившихся в концлагерях; они далеко превосходят всё, чего опасались раньше. Когда по английскому радио я услышала очень подробное англо-американское сообщение о Бельзене и Бухенвальде, я начала громко рыдать и не спала всю ночь. А если бы вы видели всех этих людей, которых привезли сюда из лагерей. Следовало бы взять таких, как Гейзенберг и миллионы ему подобных, и заставить их посмотреть на эти лагеря и на замученных людей.

Что касается представления Гейзенберга о моральном превосходстве немецких учёных над учёными стран-союзников, лучше всего оно было опровергнуто профессором Филипом Моррисоном из Корнельского университета в его рецензии [Mor] на «Alsos» Гоудсмита в декабре 1947 года:

Документы, приведённые в книге «Alsos», убедительно показывают, что, подобно своим зарубежным коллегам, немецкие учёные работали на военных в соответствии с обстоятельствами. Но разница, которую никогда нельзя будет простить, состоит в том, что они работали на дело Гитлера и Аушвица, на тех, кто сжигал книги и брал заложников. Научное сообщество надолго откажется приветствовать нацистских оружейников, даже несмотря на то что их работа не была успешной⁵².

⁵²Хочу отметить здесь, что, как ни прискорбно, нобелевский лауреат Макс фон Лауэ, имевший большой моральный авторитет в Германии нацистского периода, внёс вклад в нападки на Гоудсмита, написав: «Нам известно, что Гоудсмит потерял в Аушвице и других концлагерях не только отца и мать, но и многих других близких. Мы вполне осознаём, какую невыразимую боль должно всегда вызывать у него само слово Аушвиц. Но именно по этой причине ни его самого, ни его рецензента Моррисона нельзя считать способными на беспристрастное суждение о конкретных обстоятельствах данного случая» (Bulletin of the Atomic Scientists. 1948. Vol. 4, № 4. P. 103). Моррисон был абсолютно

К сожалению, последнее предсказание Моррисона не осуществилось. Очень скоро, в 1950 году — и ещё раз в 1954 году, — Гейзенберга пригласили в качестве «особо важного лица» на лекционный тур по Соединённым Штатам. 14 мая 1958 года его сделали иностранным почётным членом Американской академии искусств и наук. После войны, возможно, Гейзенбергу даже предлагали работу в США, как и многим учёным и инженерам Третьего рейха. Америка обзаводилась оружием для холодной войны и платила за него высокую моральную цену.

Спустя десятилетия, в 1989 г., Делия Мет-Кон показала ван дер Вардену и его жене в их цюрихском доме страницы диссертации Уокера [Wall] с перепиской ван дер Вардена и Гейзенберга. Она запечатлела⁵³ их реакцию следующим образом:

[Ван дер Варден] был совершенно потрясён, увидев письма на страницах его [Уокера] диссертации. Он не имел понятия, что эти письма ещё существовали — и его жена скопировала эти страницы, почти в слезах по поводу того, какие замечательные письма её муж писал Гейзенбергу.

§ 5. Профессорство в Амстердаме

К 1948 году денацификация в Нидерландах закончилась, и коллегии по восстановлению перестали существовать. Кроме того, признание в Америке улучшило позиции ван дер Вардена в Европе. Однако Л. Э. Я. Брауэр красноречиво возражал против назначения ван дер Вардена в своём письме министру образования от 15 апреля 1948 г.; более того, Дирк ван Дален считает⁵⁴, что «чувства, выраженные в этом отрывке, полностью отражали общее мнение голландцев, и особенно студентов, по этому вопросу»:

В случае исследователя такого типа, как профессор ван дер Варден, — теоретика, но не экспериментатора, — научное влияние почти не зависит от личного присутствия. Таким образом, если обеспечена должность, подходящая в материальном и научном отношении, то вопрос его присутствия

прав, ответив: «Я придерживаюсь мнения, что заведомо небеспристрастен не профессор Гоудсмит, не он, несомненно, чувствующий невыразимую боль, когда упоминается Аушвиц, но скорее известный немецкий физик в сегодняшнем Гёттингене [Гейзенберг], человек пронизательный и ответственный, который жил десяток лет в Третьем рейхе и ни разу не рискнул своим комфортом и влиянием для реального противодействия тем, кто смог построить это постыдное место смерти» (Bulletin of the Atomic Scientists. 1948. Vol. 4, № 4. P. 104).

⁵³Д. Мет-Кон, запись от 21 февраля 1989 года, цюрихское интервью с Б. Л. ван дер Варденом, любезно предоставленное мне Томасом Пауэрсом, автором бестселлера [Pow]; для него мисс Мет-Кон и взяла это, в основном неопубликованное, интервью.

⁵⁴[Dal2, с. 829—830].

здесь в стране теряет всякое научное и национальное значение, становясь почти полностью делом национального престижа. С точки зрения национального престижа, однако, мотивировка его назначения на должность в нашей стране кажется нижеподписавшемуся крайне слабой. Действительно, если утверждается, что присутствие профессора ван дер Вардена в Амстердаме укрепит силу нашей нации, то мы вынуждены ответить, что в этом случае национальная мощь Германской империи укреплялась в течение всего периода гитлеровского режима благодаря присутствию профессора ван дер Вардена в Лейпциге. А на аргумент, что если профессору ван дер Вардену не предложат подходящую должность в Нидерландах, то её предложат в Америке, мы вынуждены ответить, что если сейчас в Америке есть должности, доступные профессору ван дер Вардену, то не менее верно это было с 1933 по 1940 год, когда многих выдающихся и здравомыслящих немецких учёных и художников встречали в Америке с открытыми объятиями, и потому следует допустить, что профессор ван дер Варден не чувствовал желания повернуться спиной к гитлеровскому режиму.

Профессор Херман Йохан Ари Дюпарк (1918—2002) во время нашей встречи у него дома в Делфте в сентябре 1996 года записал для меня следующие воспоминания [Dup]:

Ван дер Корпут и другие снова опасались трудностей. Он [ван дер Корпут] сказал мне: «Завтра ван дер Варден читает свою первую лекцию; интересно, давайте пойдём туда». И мы пошли туда. Трудностей не было...

Итак, времена, похоже, изменились, и они смогли сделать его [ван дер Вардена] профессором математики (анализа) в 1950 г.

Тогда у ван дер Корпута и ван дер Вардена была общая комната в Амстердамском университете. Когда ван дер Корпут уехал в сентябре 1950 г. в США и я должен был заменять его, я регулярно встречал там ван дер Вардена.

Согласно Дюпарку, в 1948 году ван дер Варден был назначен специальным профессором прикладной математики в Амстердамском университете. Эта должность с неполной занятостью («один день в неделю», согласно Дюпарку) оплачивалась неким фондом, который «был полностью создан Математическим центром и управлялся Клаем и ван дер Корпутом»⁵⁵, так что санкция королевы не требовалась. Это была бледная тень штатной должности полного профессора в университете Джона Хопкинса, от которой ван дер Варден отказался, но это было началом. Кроме того, в амстердамском Математическом центре, где ван дер Варден работал на неполной ставке в 1946—1947 годах, ван дер Корпут на этот раз предоставил ему должность директора по прикладной математике с полной ставкой. Затем пришло престижное избрание

⁵⁵[Dal2, с. 827.]

в Королевскую голландскую академию искусств и наук, которое требовало санкции королевы — и получило её.

Однако это уже не была королева Вильгельмина, в 1946 г. отказавшая ван дер Вардену и другим, добровольно работавшим на германских оккупантов. Её дочь королева Юлиана, вступившая на престол в 1948 г., правила в менее принципиальные и менее эмоциональные времена.

После того как министр образования сообщил, что он — и королева Юлиана — не будет возражать, 19 апреля 1950 г. городской совет Амстердама наконец назначил ван дер Вардена «ординарным (полным) профессором» с 1 октября 1950 г. Казалось, связь между Голландией и её «блудным сыном» Бартелом была восстановлена и, похоже, с течением времени станет крепче. Ван дер Варден имел хорошую работу, талантливых и доброжелательных коллег. И тем не менее он предпочёл принять должность профессора в Цюрихском университете. Ван дер Варден по существу включил извещение о своём уходе в свою инаугурационную [sic] речь «О пространстве» [Wa12], произнесённую в понедельник 4 декабря 1950 года в 4 часа пополудни в Университетской аудитории:

Глубокоуважаемые Клай и ван дер Корпут!

Вы оба с неиссякающей энергией организационно готовили, несмотря на все трудности, моё назначение профессором, и наконец вы достигли цели. Я очень ценю это и навсегда останусь вам за это благодарен. И хотя вскоре я уеду в Цюрих, я верю, что кто-то другой продолжит мою работу на этом факультете, организованную по вашему замыслу.

21 марта 1951 года ван дер Варден формально попросил Амстердамский университет об отставке и получил её с 1 мая 1951 г.

Оказалось, что ван дер Корпут ошибся: он сделал всё, что мог, чтобы поддержать ван дер Вардена в научных кругах и в правительстве; он закрывал глаза на некоторые свои разногласия с позицией ван дер Вардена в моральных вопросах и жизненном выборе (см. главу 3); однако в итоге он не заполучил ван дер Вардена для Нидерландов на оставшийся период его деятельности. Николас Говерт де Брёйн, который в 1952 г. стал тем «другим, [кто] продолжит работу [ван дер Вардена] на этом факультете», писал мне о понятном разочаровании коллег ван дер Вардена по Амстердамскому университету [Br2]:

Я регулярно общался с некоторыми математиками, которые знали его [ван дер Вардена] лучше, чем я, — среди них были Клостерман, Коксма, ван Данциг, Фрейденталь, ван дер Корпут, — и они были разочарованы его отъездом после того, как они столько хлопотали, чтобы помочь ему с работой в Нидерландах.

И ещё [Br3]:

На самом деле из собственного опыта я ничего не помню. Я лишь помню, что такие люди, как Коксма, ван Данциг, Схоутен⁵⁶, доверительно жаловались, что ван дер Варден их разочаровал после всех их хлопот. Полагаю, что им пришлось преодолевать сопротивление властей, чтобы убедить их забыть прошлые возражения. Шаг за шагом они получили для него должность в компании «Шелл», профессорство на неполную ставку в Амстердамском университете, членство в Королевской голландской академии искусств и наук (которое требовало санкции королевы) и, наконец, полное профессорство. Конечно, люди, прошедшие через такие хлопоты, чувствовали себя потерявшими лицо перед всеми этими инстанциями, когда ван дер Варден неожиданно уехал и оставил их в затруднительном положении...

Как профессор на неполной ставке ван дер Варден преподавал прикладную математику, — может быть, больше с точки зрения чистого математика. Как полный профессор он даже не приступил к работе; примерно в это время он решил уехать в Цюрих. Так что вряд ли в Амстердаме появилась ван-дер-варденовская традиция в преподавании.

Получается, что Амстердам был использован профессором ван дер Варденом просто в качестве трамплина.

§ 6. Уход к нейтралам

Вы говорите, математика не имеет отечества?

«*Het Parool*», [Het1]

Профессор Бенно Экман вспоминает передачу должности в Цюрихском университете в 1950—1951 гг. следующим образом [Eck1]:

В 1950 году Фютер⁵⁷ ушёл в отставку. Незадолго до этого мне предложили занять его должность (и быть «директором» [института математики]). Затем должность была предложена вдВ [ван дер Вардену], который согласился, но его назначение было оформлено лишь в 1951 г. (смутно помню, что в цюрихских инстанциях были дискуссии о том, подходяще ли назначать человека, остававшегося в нацистской Германии в течение войны).

Действительно, основным кандидатом первоначально был Экман [Eck2]:

Меня спросили в 1949 г. или в начале 1950 года, соглашусь ли я (на самом деле не могу вспомнить, когда это произошло — Рольф Неванлинна

⁵⁶Учитывая письма профессора Схоутена в 1946 г. (§ 2) и в 1950 г. (§ 6) в Швейцарию в поддержку кандидатуры ван дер Вардена, его разочарование понять трудно.

⁵⁷Карл Рудольф Фютер (30 июня 1880 г. — 9 августа 1950 г.) — профессор математики (1916—1950) и ректор (1920—1922) Цюрихского университета.

лично говорил со мной, и если бы я сказал «да», то получил бы эту должность).

Толстая папка, посвящённая передаче должности Рудольфа Фютера, открывается письмом⁵⁸ декана второго философского факультета Ганса Бёша от 5 мая 1950 г. о созыве заседания комиссии по математике в понедельник 8 мая 1950 года в 14 ч. 00 мин. в деканате, комната 13. Загадочная рукописная страница, стенограмма⁵⁹ этого заседания, порадовала бы любого палеографа [специалиста по рукописям] — профессионала или любителя. Комиссия рассматривает кандидатуры молодых швейцарских математиков, таких как Неф, Хэфели и др., но в итоге отбирает лишь трёх кандидатов:

1. Ван дер Варден (03), ординарный профессор в Лейпциге, голландец.
2. Пойа (62⁶⁰), Стэнфордский университет.
3. Экман (17), Цюрихский ЕТН.

Эксперты, к которым предстоит обратиться за оценкой указанных кандидатов, также перечислены на этой странице:

Фютер, Шпейзер, Хопф, Альфорс, [*зачёркнуто*: Эрхард Шмидт, Схоутен].

В конце страницы последний список появляется вновь, но без вычеркнутого Эрхарда Шмидта из Германии. Имя Схоутена отделено чертой от остальных четырёх, поскольку его следует спросить только о текущей политической оценке ван дер Вардена в Нидерландах.

На следующий день декан Бёш посылает идентичные письма⁶¹ ван дер Вардену и Пойа с вопросом, хотят ли они, чтобы рассматривались их кандидатуры на должность профессора и директора математического института вместо уходящего в отставку профессора Фютера. Папка не содержит аналогичного письма профессору Экману: он уже отказался от этой должности, будучи вполне счастлив в ЕТН, где он впоследствии основал «Forschungsinstitut für Mathematik» (Институт математических исследований).

В тот же день Бёш также посылает письма⁶² четырём официальным экспертам. Старый корреспондент ван дер Вардена по вопросам алгебраической геометрии (по крайней мере с 1936 г.), профессор кафедры

⁵⁸Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁵⁹Ibid.

⁶⁰Год рождения в скобках, конечно, должен быть (87), т. е. 1887. Дьёрдь Пойа [Георг Поля] — профессор математики в Цюрихском ЕТН (1920—1940) и Стэнфордском университете (1942—1978, заслуженный профессор с 1953 г.), блестящий математик и педагог.

⁶¹Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁶²Ibid.

математики Пауль Финслер, пишет пятому (неофициальному?) эксперту, Яну А. Схоутену из Нидерландов.

Вскоре посыпались рекомендательные письма. Профессор Цюрихского ЕТН Хайнц Хопф рекомендует⁶³ рассматривать только трёх первых кандидатов:

Д. Пойа, без сомнения, — одна из интереснейших личностей среди ныне живущих математиков. ...Профессора и студенты в университете, где работает Пойа, работают с ним, получают его указания — и именно в общении с его личностью приобретают образование, интеллект, юмор и доброту в столь необычных количествах. Нам, его коллегам по Цюрихскому ЕТН, где он столь долго работал, очень его недостаёт...

Б. Л. ван дер Варден — один из тех математиков, которые за последние 25 лет сыграли решающую роль в существенном изменении облика математики. В области алгебры важнейшую роль играет его «модернизация», которая ставит на передний план очень ясное «концептуальное», «качественное» мышление в противовес «численным», «количественным» операциям. ...Наверняка никто не подошёл бы лучше, чем ван дер Варден, чтобы основать в Цюрихском университете новую алгебраическую школу...

Б. Экман — примерно на 30 лет моложе, чем Пойа, и на 15 (или немного меньше), чем ван дер Варден, — разумеется, не может иметь столько достижений и ещё не может рассматриваться наравне с такими знаменитыми математиками, как другие два, которых я назвал. Но я верю, что он на правильном пути к тому, чтобы занять место среди ведущих математиков... Многие коллеги по Цюрихскому ЕТН счастливы, что Экман среди нас, я же в особенности счастлив тем, что он был моим непосредственным учеником... Коль скоро он получил приглашение из другого университета, мы, естественно, с большой энергией постараемся удержать его с нами. Полагаю также, что сам он не имеет никакого желания покинуть Цюрихский ЕТН.

Ларс В. Альфорс, заведующий кафедрой математики отделения Гарвардского университета, выражает⁶⁴ мнение, аналогичное мнению Хопфа:

Среди швейцарских математиков профессор Экман, несомненно, остаётся единственным, кого я могу рассматривать серьёзно...

Что касается иностранных математиков, то я согласен с Вами, что, бесспорно, в первую очередь надо назвать ван дер Вардена и Пойа. Следует быть благодарными ван дер Вардену за создание прочных оснований алгебраической геометрии, даже несмотря на то что, как я знаю, его достижения

⁶³Письмо Хайнца Хопфа Гансу Бёшу на 5 страницах от 14 мая 1950 г.; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁶⁴Письмо Ларса В. Альфорса Гансу Бёшу от 21 мая 1950 г.; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

были превзойдены другими людьми. Тем не менее, ван дер Варден — пер-воклассный математик, но было бы важно выяснить, находится ли он ещё на высшем уровне в своей области. Профессор Пойа, идя по своему индивидуальному пути, находится на высшем уровне в науке. Он обладает глубиной и оригинальностью. Он является, и я полагаю, что большинство математиков согласится со мной, не ведущим, а скорее необычайно искусным математиком.

Поразительно, но профессор Р. Фютер не может сказать⁶⁵ о Дьёрде Пойа ничего положительного:

Профессор доктор Пойа в первые годы своего пребывания на должности в Цюрихе [в Цюрихском ЕТН] пытался работать вместе с нами, но затем во многих ситуациях действовал против Шпейзера и меня и воевал с нашими студентами. В этой ситуации я бы хотел также отметить некоторые суждения профессора Шпейзера об этом.

Фютер отдаёт значительное предпочтение ван дер Вардену или кому-либо из его собственных многочисленных бывших учеников, таких как В. Неф, Х. Хэфели, Эрвин Барайс и Кристен:

Не вижу нужды говорить что-то новое о профессоре ван дер Вардене, поскольку в обширных материалах, относящихся к приглашению профессора Неванлинны [1946], я подробно говорил о нём, и всё это ещё сохраняет сегодня силу. Естественно, он имеет гораздо больший вес, чем вышеупомянутые молодые швейцарцы. Но всё же я бы хотел отметить, что швейцарец в качестве моего преемника был бы чрезвычайно желателен, поскольку многие годы не было должности, открытой для молодых швейцарских математиков.

Андреас Шпейзер превозносит ван дер Вардена и молодых швейцарских кандидатов и принижает Пойа как *математика*⁶⁶:

Что касается иностранцев, то Пойа даже не приходит на ум. Он занимался огромным количеством мелких задач, но никогда серьёзно не работал в серьёзной области и быстро снизит уровень математики в университете. В противоположность этому ван дер Варден является превосходным математиком, которого следует рекомендовать.

Несправедливая оценка Пойа — не единственная прискорбная особенность письма Шпейзера. Хваля далее математика Рихарда Брауэра (еврея), Шпейзер употребляет (в 1950 году!) выражение немецких

⁶⁵Письмо Рудольфа Фютера Гансу Бёшу от 1 июня 1950 г.; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁶⁶Письмо Андреаса Шпейзера Гансу Бёшу от 10 мая 1950 г.; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

нацистов, называя Брауэра «не арийцем». Поистине, старые привычки живучи!

В итоге ван дер Варден единодушно выбран четырьмя экспертами. Остаётся только один вопрос: достаточно ли ван дер Варден «очистился»? На это должен ответить профессор Схоутен. Последний посылает свой рукописный ответ профессору Финслеру 12 мая 1950 года. Речь идёт исключительно о ван дер Вардене как личности, а отнюдь не о его работе как математика. Ниже следует полный текст⁶⁷ письма:

Дорогой коллега!

Я получил Ваше дружеское письмо от 9 мая. Несколько недель назад господин ван дер Варден был назначен полным профессором в Амстердаме. Политических сомнений в нём здесь [в Нидерландах] больше нет. На самом деле я должен сказать, что они больше не применяются, поскольку раньше определённые круги пытались выступить против него *безо всякого основания*. Но теперь всё это прошло, и он стал также членом Королевской Амстердамской академии.

Хотя я и надеюсь, что Вы не вырвете у нас этого человека, я должен определённо выразить Вам своё мнение, что он политически вполне безвреден.

С дружеским приветом всем в Цюрихе,
С величайшим почтением к Вам

Я. Схоутен

Таким образом, ван дер Варден ещё раз допущен к работе в Швейцарии. Комиссия по математике собирается 3 июня 1950 г. и заканчивает⁶⁸ тем же списком и тем же порядком трёх кандидатов, с какого начала. 9 июня 1950 г. декан Бёш докладывает о выводах факультета в пятистраничном письме⁶⁹ дирекции образования кантона Цюрих. Он перечисляет с комплиментами многих молодых швейцарских математиков (явно чтобы произвести впечатление на власти), но высочайшие комплименты приберегает для

ван дер Вардена, Пойа и Экмана, [которые] должны быть кандидатами на эту должность профессора математики, причём господин ван дер Варден должен быть на первом месте (господин Пойа на втором)⁷⁰.

Комплименты в адрес профессора Пойа перевешиваются следующими соображениями:

⁶⁷Письмо Яна Схоутена Гансу Бёшу от 12 мая 1950 г.; Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁶⁸Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁶⁹Ibid.

⁷⁰Текст в скобках добавлен карандашом.

Нельзя игнорировать его преклонный возраст, особенно учитывая, что господин Пойа дал нам знать, что в случае приглашения он должен будет отказаться от пенсии. При этом имеется то преимущество [ввиду 63-летнего возраста Пойа], что в обозримом будущем вновь может появиться должность для швейцарского математика [т. е. Пойа может вскоре умереть или же уйти в отставку⁷¹ в установленном возрасте 70 лет]. Необходимо также учесть возражения господ Фютера и Шпейзера против господина Пойа.

Профессор ван дер Варден, с другой стороны, получает от декана Бёша свидетельство о политическом здоровье:

Некоторые проблемы, связанные с работой господина ван дер Вардена в Лейпцигском университете во время войны и привлёкшие внимание в Голландии, более не имеют значения согласно сообщению, присланному профессором Схоутеном. Напротив, из предложения факультета от 15 июля 1946 г. о заполнении новой вакансии профессора прикладной математики явствует, что кандидатура профессора ван дер Вардена была тщательно проверена.

Как отмечено выше, профессор Экман отверг предложение, прежде чем начался конкурс; профессор Пойа был отвергнут Фютером и Шпейзером, которые явно знали заранее, что не захотят возвращения Пойа в Цюрих. С первого дня конкурса ван дер Варден рассматривался как кандидат номер один. Так что тщательно организованный конкурс, похоже, был устроен лишь ради приличия, но с самого начала имел только одну цель — назначение ван дер Вардена. Он получает предложение работы 20 сентября и принимает⁷² его «с сердечной благодарностью» 24 сентября 1950 года.

Один документ, касающийся замены Фютера, заслуживает дополнительного внимания: это письмо⁷³ декана Бёша в дирекцию образования кантона Цюрих от 14 июля 1950 г., в котором Бёш просит власти не только быстро утвердить назначение ван дер Вардена, но и «узнать у господина ван дер Вардена, сможет ли он начать свою работу в Цюрихе уже в предстоящем зимнем семестре 1950/51 уч. г.». Таким образом, у ван дер Вардена есть шанс осуществить свою мечту о Швейцарии немедленно, не проводя ещё год в Амстердаме. Но он явно не соглашается на раннее начало работы в Цюрихе. Рискну предположить, чем объясняется этот отказ: возможно, ван дер Варден желает реабилитации после унижения со стороны газеты «Het Parool», и должность полного профессора в Амстердаме с церемонией инаугурационной лекции

⁷¹Время показало, что господин Бёш ошибся: Дьёрдь Пойа доживёт до 98 лет и будет читать вдохновляющие лекции в весьма преклонном возрасте.

⁷²Universität Zürich, Universitätsarchiv, Lehrstuhllakten Mathematik.

⁷³Ibid.

в декабре 1950 года предоставляет такую возможность. Ван дер Варден хочет покинуть свою родину как победитель, добровольно отказавшись от высших академических званий, которых он в итоге удостоился в Голландии.

В течение десятилетия я был поглощён следующим вопросом: почему профессор ван дер Варден в 1951 г. навсегда покинул Нидерланды? Был ли Цюрихский университет (по моему мнению, не шедший ни в какое сравнение со своим знаменитым соседом, Цюрихским ЕТН) лучшим местом, чем Амстердамский университет? Это было совсем мне не очевидно, так что я обратился к профессору де Брёйну, который ответил следующим образом [Br3]:

Мы рассматривали США и Швейцарию как своего рода рай. Намного ли Цюрих в целом лучше, чем Амстердам, — предмет для дискуссии. В 1950-е годы Амстердам потерял славу, какой пользовался в дни Брауэра в 1920-х...

Кстати, на самом деле я не знаю последовательность событий. Предложение из Цюриха могло прийти в то время, когда процедура предоставления ему полного профессорства в Амстердаме только началась. Он мог некоторое время держать цюрихское предложение в секрете, чтобы сохранять обе возможности. Если бы такое случилось со мной, подвести Амстердам было бы для меня морально затруднительно.

Х. Й. А. Дюпарк вспоминал [Dup] в 1996 году:

Жена ван дер Вардена, Реллих⁷⁴, была немкой⁷⁵, и нормальная жизнь в Голландии была для неё весьма затруднена из-за её немецкого языка⁷⁶ (Голландия была пять лет оккупирована немцами).

Н. Г. де Брёйн [Br4] добавил:

Оправданно или неоправданно, эти антинемецкие чувства были действительно очень сильны. Могу понять, что к Камилле относились как к изгою, и потому ей не нравилось жить в Голландии⁷⁷.

Старшая кузина профессора ван дер Вардена, Аннемари ван дер Варден, вспоминала⁷⁸ суждения своих родителей и других членов семьи:

⁷⁴Девичья фамилия госпожи ван дер Варден.

⁷⁵На самом деле австрийкой. Однако, как мы уже видели, ван дер Варден иногда называет её австрийкой, а иногда немкой.

⁷⁶Госпожа ван дер Варден выучила голландский язык, но говорила, очевидно, с немецким акцентом.

⁷⁷С другой стороны, детям, похоже, нравилось жить в Ларене. Их старший кузен Тео ван дер Варден вспоминает [WaT2]: «В 1949 г. мы переехали в Амстердам... Мы всё ближе знакомимся с их семьёй, мы поехали в Ларен, где жил (1945—1951) Барт со своей семьёй. У меня было впечатление, что им нравился дом, дети были довольны там школой, природой и т. д.».

⁷⁸Сообщено госпожой Дорит ван дер Варден [WaD1].

Камилла была очень гордой женщиной: «как Кармен из оперы». Она была в ярости от обвинений и от всего, с чем ей приходилось сталкиваться. Камилла сыграла большую роль в решении уехать в Швейцарию, нейтральную страну, настоящий центр науки. Несомненно, именно Камилла прервала⁷⁹ отношения с его родными в Голландии.

Хотя роль госпожи ван дер Варден в решении покинуть Нидерланды была, очевидно, значительна, столь важное решение должно было окончательно приниматься профессором ван дер Варденом. Он всегда хотел быть в наилучшем месте для занятий математикой, а теперь оно сместилось в Швейцарию и Соединённые Штаты. Какую из стран он выберет?

Ван дер Варден стремился принадлежать к немецкой культуре; это было для него важно — быть может, слишком важно. Решение поехать в Швейцарию было последним ключевым пунктом в деятельности ван дер Вардена. Он решил покинуть Страдающую родину ради Страны нейтралитета, Страны немецкого языка — но не Германии.

Через два года Германия пригласит ван дер Вардена стать профессором в Мюнхене, и это предложение будет отвергнуто не потому, что «дети больше не хотели переезжать»⁸⁰, как госпожа Камилла ван дер Варден будет уверять нас в 1993 г. [Doll], а потому, без сомнения, что он желал остаться в процветающей немецкоязычной не-Германии.

В 1972 г. ван дер Варден ушёл на пенсию с должности профессора в Цюрихе. Германия не забыла его верность. В 1973 г. он был награждён старинным германским орденом за заслуги в науках и искусствах (Orden Pour le Mérite für Wissenschaften und Künste), который могут иметь из числа ныне живущих лишь 40 немцев и 40 иностранцев. 12 июня 1985 г. Лейпцигский университет присудил профессору ван дер Вардену степень почётного доктора.

§ 7. Эпилог: драма ван дер Вардена

В ответ на тиранию человек может либо эмигрировать, либо умереть, либо идти на компромиссы.

Александр Сойфер, [So8]

Многие авторы склонны сосредотачиваться на исключительных личностях. При этом можно получить непреходящие уроки, но слабо

⁷⁹Переписка показывает, что в некотором объёме отношения продолжались.

⁸⁰Утверждение «дети не хотели переезжать» явно подразумевает, что дети знали о мюнхенском предложении. Однако одна из дочерей, 23 лет, уже давно состояла в браке и покинула родительский дом, а сыну об этом предложении не было известно, пока я не поделился этой информацией в 2004 году.

схватываются особенности времени и места. Существенный для нас период, 1931—1951 гг., включает эпоху нацизма и денацификации Европы. Эти трагические времена дают столь глубокие уроки понимания людей, что нам необходимо почерпнуть из них возможно больше. Мы встречаем героев и злодеев, а также гораздо более многочисленную группу в промежутке между этими двумя крайностями. Темой этого исследования была жизнь одного из таких «промежуточных» людей⁸¹. Ван дер Варден не был ни злодеем, ни героем (как изображали его все прежние биографы). Изучение его жизни позволяет поставить важные вопросы о роли учёного в условиях тирании и о некоторых моральных проблемах, связанных со Второй мировой войной и её последствиями.

Как понять и устранить противоречия в том сюжете, который я изложил на этих страницах? Мы видим примеры смелости — и компромисса с нацистскими властями; проявления высокой честности — и случаи моральной бесчувственности; провозглашаемое стремление спасти немецкую культуру — и мало усилий послужить культуре Нидерландов, родины ван дер Вардена, которой столь достойно служили остальные члены его семьи.

Люди, знавшие и любившие ван дер Вардена, оказались удивительно единодушными в объяснении этих противоречий. Бенно Экман, друг ван дер Вардена с 1951 по 1996 год, в электронном письме ко мне от 7 декабря 2004 г. говорит [Eck0]:

Как человек и друг вДВ [ван дер Варден] был очень добр, но казался совершенно наивным.

Мисс Аннемари ван дер Варден, старшая кузина профессора ван дер Вардена, вспоминает впечатления её родителей и других членов семьи о ван дер Вардене⁸²:

Ребячлив, не от мира сего, никакого интереса к политике. Никогда не думал о том, что люди подумают о нём, и не понимал мирские дела. Совершенно непрактичен.

Ещё в 2005 г. [So6] я тоже верил, что ван дер Варден был типичный наивный абстрактный математик, который, как я это сформулировал, «строил свои моральные принципы на основе законов стран обитания по правилам формальной логики. Пожалуй, он был математиком по са-

⁸¹Последние три фразы взяты из моей рецензии [So8] и уже появлялись как эпитафия к главе 2. Есть огромное сходство между жизнью ван дер Вардена и Константина Каратеодори.

⁸²Сообщено госпожой Дорит ван дер Варден [WaD1].

мой сути — и не только в профессии, но и в своём моральном устройстве».

Возможно, ван дер Варден был наивен. Однако теперь я нахожу такое объяснение недостаточным. Он не был пленником «башни из словесной кости»: он был осведомлён об окружающей жизни. Ван дер Варден явно видел нацистский режим таким, каким тот был. 10 августа 1935 г. он писал⁸³ из своего голландского отпуска: «Мы здесь в Голландии уже два месяца, и восстанавливаем наши души от постоянного напряжения, вражды, приказов и бумажной работы... Министерство выясняет, кто ещё не до конца перешёл [в национал-социализм], кто дружит с евреями, у кого жена еврейка и т. д., — в той мере, в какой их самих не раздражает борьба за власть». В письме от 6 апреля 1943 г. из Лейпцига ван дер Варден описал⁸⁴ верному другу Эриху Гекке трагедию оккупированной Голландии и Холокост:

Может быть, он [Блюменталь] скрывается, как тысячи других. Может быть, он уже в Польше, как десять тысяч евреев из Голландии.

Нет, ван дер Варден был не наивен — во всяком случае, недостаточно наивен, чтобы этим объяснять его жизненные решения. Он знал правду о нацистском режиме и принял его в результате сознательного прагматичного выбора.

Личность ван дер Вардена сложна. Факты показывают, что, с одной стороны, он старался быть высокоморальной личностью, достойным членом своей замечательной семьи. Будучи в Германии, он порой достигал искомой моральной высоты: в 1935 г. он публично возражал против увольнения четырёх профессоров-евреев и пытался удержать Германию в рамках её собственного закона от 7 апреля 1933 г.; также в 1935 г. он написал панегирик своей наставнице, еврейке Эмми Нётер; вплоть до 1940 г. он публиковал авторов-евреев в журнале «*Mathematische Annalen*».

С другой стороны, как блестящий математик, он всегда желал — возможно, считал это своим правом — находиться в наилучшем месте для занятий математикой, даже если временем и местом была нацистская Германия, даже если это достигалось ценой морального компромисса. Ему следовало стыдиться своих ссылок на «чистокровное арийство» в 1933 г., когда евреев изгоняли с университетских должностей; своей присяги Гитлеру в 1934 г.; своего гитлеровского приветствия в письмах и лекциях — он знал, что его отец и братья не одобрили бы такие ритуалы. Хуже того, 16 мая 1940 г., на следующий день после за-

⁸³New York University Archive, Courant Papers.

⁸⁴Nachlass von Erich Hecke, Universität Hamburg.

хвата Голландии немцами, ван дер Варден не стал на сторону своей угнетаемой родины — он выбрал «нейтралитет» между своей родиной и её угнетателем.

Ван дер Варден знал моральную цену, которую он платил за комфорт, занимаясь математикой в нацистской Германии, и однажды признал её — в своём письме⁸⁵ Рихарду Куранту от 29 декабря 1945 г.: «Возможно, я сделал некоторые ошибки, но я никогда не примирялся с нацистами». Несмотря на отсутствие иллюзий относительно природы «гангстерского режима» (его слова), несмотря на настояния отца и дяди Яна ещё до оккупации Голландии, что «долг» ван дер Вардена — покинуть нацистскую Германию, ван дер Варден предпочёл жить там. «Зачем было мне ехать в Голландию, где гнёт стал столь нестерпимым и где было невозможно никакое плодотворное научное исследование?» — писал⁸⁶ он ван дер Корпугу, даже не сознавая, что нестерпимое угнетение его родины исходило от страны, которой он служил!

Для занятий своей «любимой работой» ван дер Варден выбрал Третий рейх, хотя ценой было его молчание, что являлось формой признания нацистского режима. Здесь приходит на ум книга 1953 г. [Mil] «Порабощённый разум», принадлежащая польскому поэту, нобелевскому лауреату 1980 г. Чеславу Милошу. В этой книге Милош вводит термин «профессиональный кетман». Подчинённый такому кетману (неписаному соглашению между учёным и тоталитарным государством), учёный рассуждает⁸⁷ следующим образом:

Я выполняю свои исследования научными методами, и только в этом состоит цель моей жизни... Открытия, сделанные во имя беспристрастного поиска истины, долговечны, тогда как визг политиков проходит. Я должен делать всё, что они требуют, они могут использовать моё имя как хотят, до тех пор пока мне доступна моя лаборатория и деньги для закупки научного оборудования.

Что выигрывает государство?

Государству, с его стороны, выгоден этот кетман, так как оно нуждается в химиках, инженерах и врачах⁸⁸.

Точно так же ван дер Варден, находясь на государственной службе в нацистской Германии, предоставлял Третьему рейху свой авторитет и славу знаменитого учёного.

⁸⁵New York University Archives, Courant Papers.

⁸⁶Письмо ван дер Вардена ван дер Корпугу от 31 июля 1945 г.; ЕТН, Hs 652:12160. Ван дер Варден подразумевает Голландию периода немецкой оккупации в 1940—1945 гг.

⁸⁷[Mil]. P. 69.

⁸⁸Ibid. P. 70.

В 1994 г. Герберт Мертенс [Meh] ввёл удачный термин «безответственная чистота» для учёных, которые занимались чистой академической наукой в Третьем рейхе и не принимали никакой ответственности за то, что таким образом они обслуживают и укрепляют преступное государство. Слова и дела ван дер Вардена служат ярким примером этого явления.

Великий антрополог и мой дорогой друг Джеймс У. Фернандес, прочитав эти страницы, сжато подытожил мои изыскания во время нашего «фангского саммита»⁸⁹ в начале августа 2007 г.: «Хрупкость таланта!» («Frailty of Brilliance!»)

Всю оставшуюся жизнь ван дер Варден должен был ощущать груз своего конфликта и компромисса нацистских времён. Профессор Бенно Экман, его друг в течение почти полувека, сказал мне, что ван дер Варден всегда избегал любых упоминаний о своём пребывании в Третьем рейхе [Eck0]:

Мы никогда по-настоящему не говорили о его лейпцигском периоде, во всяком случае о политике. Казалось, что он и его жена избегали этих тем.

У редакторов газеты «Het Parool», ван дер Корпута и других вызывало наибольший протест не зрелище человека, который стремился к высоким моральным стандартам и стал жертвой компромисса с нацистским режимом. Им было неприемлемо лицемерие в отрицании компромисса со ссылкой на высокие моральные стандарты, которые, по их мнению, были нарушены.

В ответ на тиранию человек может лишь эмигрировать, умереть — либо идти на компромиссы. Ван дер Варден выбрал компромисс между высокими стремлениями и занятиями математикой в Третьем рейхе. Борьба между этими двумя несовместимыми целями была драмой — возможно, трагедией — жизни Бартела Лендерта ван дер Вардена, одного из крупнейших математиков XX века, — века, отмеченного жестокой войной, которую он провёл в стане врага.

Это был мой отчёт об исследовании жизни и судьбы ван дер Вардена. В нём я строго следовал подходу, который был присущ самому профессору ван дер Вардену [Wal5]:

Я старался воспринять великих математиков как живых людей, существовавших в своей собственной среде, и воссоздать впечатление, которое они производили на своих современников.

⁸⁹Наша ежегодная встреча, которая посвящается народу фанг в Габоне, глубоко изучавшемуся Фернандесом, и другим темам, представляющим взаимный интерес, таким как роль учёного в условиях тирании.

На самом деле эта работа продолжается постоянно — в постижении её героя. Хотя я нашёл ответ на большинство вопросов, которые поставил перед собой, я предпочитаю рассматривать эти четыре части как отчёт о продолжающемся исследовании «Ван дер Варден: размышления о жизни и судьбе». Полное постижение личности невозможно, мы можем лишь стремиться максимально приблизиться к нему!

Литература

- [BraR] *Brauer R.* Collected Papers. Vols. I, II, III. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1980.
- [Br1] *de Bruijn N. G.* Commentary (к статъе Б. Л. ван дер Вардена [Wa2]) // *Two Decades of Mathematics in the Netherlands, 1920—1940* / Ed. by E. M. J. Berin et al. Part I. Amsterdam: Mathematical Centre, 1978. P. 116—124.
- [Br2] *de Bruijn N. G.* E-mail to A. Soifer. May 26. 2004.
- [Br3] *de Bruijn N. G.* E-mail to A. Soifer. June 1. 2004.
- [Br4] *de Bruijn N. G.* E-mail to A. Soifer. June 15. 2004.
- [Cour] *Courant R.* Reminiscences from Hilbert’s Göttingen // *Mathematical Intelligencer*. 1981. Vol. 3. P. 154—164.
- [Dal1] *van Dalen D.* Mystic, Geometer, and Intuitionist // *The Life of L. E. J. Brouwer. Vol. I: The Dawning Revolution*. N. Y.: The Clarendon Press Oxford University Press, 1999.
- [Dal2] *van Dalen D.* Mystic, Geometer, and Intuitionist // *The Life of L. E. J. Brouwer. Vol. II: Hope and Disillusion*. Oxford: The Clarendon Press Oxford University Press, 2005.
- [Dol1] *Dold-Samplonius Y.* Bartel Leendert van der Waerden befragt von Yvonne Dold-Samplonius, *NTM, International Journal of History and Ethics of Natural Sciences // Technology and Medecine*. 1994. Vol. 2. P. 129—147. (Английский перевод: Interview with Bartel Leendert van der Waerden // *Notices of the Amer. Math. Soc.* 1997. Vol. 44, № 3. P. 313—320.)
- [Dol2] *Dold-Samplonius Y.* In Memoriam: Bartel Leendert van der Waerden (1903—1996) // *Historia Math.* 1997. Vol. 24. P. 125—130.
- [Dup] *Duparc H. J. A.* Handwritten recollection notes for A. Soifer, Delft, September, 1996.
- [Eck0] *Eckmann B.* E-mail to A. Soifer of December 7, 2004.

- [Eck1] *Eckmann B.* E-mail to A. Soifer of December 23, 2004.
- [Eck2] *Eckmann B.* E-mail to A. Soifer of December 27, 2004.
- [Eck3] *Eckmann B.* E-mail to A. Soifer of December 30, 2004.
- [Eis] *Eisenreich G.* B.L. Van der Waerden Wirken von 1931 bis 1945 in Leipzig // 100 Jahre Mathematisches Seminar der Karl-Marx-Universität Leipzig / Ed's H. Beckert and H. Schumann. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1981.
- [Fre1] *Frei G.* Bartel Leendert van der Waerden zum 90. Geberstag // *Historia Mathematica*. 1993. Vol. 20, № 1. P. 5—11.
- [Fre2] *Frei G.* Zum Gedenken an Bartel Leendert van der Waerden (2.2.1903—12.1.1996) // *Elem. Math.* 1998. Vol. 53. P. 133—138.
- [FTW] *Frei G., Top J., Walling L.* A short biography of B.L. van der Waerden // *Nieuw Arch. Wisk.* (4). Vol. 12, № 3. 1994. P. 137—144.
- [Gou] *Goudsmit S.A.* Alsos. N.Y.: Henry Schuman, 1947. (Рус. перевод: *Годсмит С.* Миссия Алсос. М.: Атомиздат, 1963.)
- [Gro] *Groves L.R.* Now It Can be Told. N.Y.: Harper, 1962. (Рус. перевод: *Гровс Л.* Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.)
- [Het1] Editorial, Die?? Neen, die niet! // *Het Parool* № 312. 1946. January 16. P. 3.
- [Het2] Editorial, Prof. Van der Waerden nog niet Benoemd // *Het Parool* № 313. January 17. 1946. P. 1.
- [Het3] Editorial, Prof. dr. B. L. van der Waerden // *Het Parool* № 320. 1946. January 25. P. 1.
- [Het4] Red. (Editors), Untitled commentary on Van der Waerden's letter // *Het Parool* № 326. 1946. February 1. P. 3.
- [Het5] Editorial, Rndom Van der Waerden // *Het Parool* № 336. 1946. February 13. P. 3.
- [Hod] *Hodge Sir W.* Solomon Lefschetz 1884—1972 // *Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society* 19. 1973. December. P. 433—453.
- [Kei] *Madelon de Keizer* // *Het Parool* 1940—1945: *Verzetsblad in Oorlogstijd*. 2 ed. Amsterdam: Otto Cramwinckel Uitgever, 1991.
- [Kip] *Rudyard Kipling.* Just So Stories. 1 ed. London: Macmillan Publishers Ltd., 1902. (Рус. перевод: *Киплинг Р.* Сказки / Пер. с англ. К. Чуковского; стихи в пер. С. Маршака. Л.: Детская литература, 1989.)

- [Kn1] *Knegtmans P.J.* Een Kweetsbaar Centrum van de Geest: De Universiteit van Amsterdam tussen 1935 en 1950. Amsterdam University Press, 1998.
- [Kn2] *Knegtmans P.J.* E-mail to A. Soifer, May 25, 2004.
- [Kn3] *Knegtmans P.J.* E-mail to A. Soifer, May 26, 2004.
- [Kn4] *Knegtmans P.J.* E-mail to A. Soifer, May 28, 2004.
- [Kn5] *Knegtmans P.J.* E-mail to A. Soifer, June 10, 2004.
- [Kn6] *Knegtmans P.J.* E-mail to A. Soifer, October 4, 2004.
- [Lan] *Lang S.* Algebra. Massachusetts: Addison-Wesley, Reading, 1965. (Рус. перевод: Ленг С. Алгебра. М.: Мир, 1968.)
- [Leh] *Lehto O.* On the life and work of Lars Ahlfors // *Mathematical Intelligencer*. 1998. Vol. 20, № 4. P. 4—8.
- [Lit] *Litten F.* Die Carathéodory-Nachfolge in München 1938—1944 // *Centaurus*. 1994. Vol. 37. P. 154—172.
- [LS] *Lewin Sime R., Meitner L.* A Life in Physics. Berkeley: Univ. California Press, 1997.
- [Meh] *Mehrtens H.* Irresponsible purity: the political and moral structure of mathematical sciences in the National Socialist state // *Science, Technology and National Socialism* / Eds. M. Renneberg, M. Walker. Cambridge University Press, 1994. P. 324—338, 411—413.
- [Mil] *Milosz C.* The Captive Mind. N. Y.: Octagon, 1981. (Рус. перевод: Мулош Ч. Порабощённый разум. СПб.: Алетейя, 2003.)
- [Moo] *Moore G. H.* Zermelos Axiom of Choice / Its Origins, Development, and Influence. N. Y.: Springer-Verlag, 1982. (Studies in the History of Mathematics and Physical Sciences; Vol. 8.)
- [Mor] *Morrison P.* Alsos: The Story of German Science // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1947. Vol. 3, № 12. P. 354, 365.
- [Pash] *Pash B. T.* The Alsos Mission. N. Y.: Award House, 1969.
- [Per] *Peremans W.* Van der Waerden Day in Groningen // *Nieuw Archief voor Wiskunde*. Vierde serie. 1994. Vol. 12, № 3. P. 135—136.
- [Pete] *Peters P.* Mijnheer de Red. // *Propria Cures*. 56th year. № 22. February 8. 1946.
- [Pow] *Powers T.* Heisenberg's War: The Secret History of the German Bomb. Boston: Little, Brown and Co., 1993.

- [Rei] *Reid M. A.* Undergraduate algebraic geometry. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. (Рус. перевод: *Рид М.* Алгебраическая геометрия для всех. М.: Мир, 1991.)
- [Scho] *Schoenberg A.* Предисловие к изданию: Anton Webern, 6 Bagatellen für Streichquartett, op. 9, Partitur, Universal Edition.
- [Seg] *Segal S.* Mathematicians under the Nazis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- [Sie] *Siegmund-Schultze R.* Rockefeller and the Internationalization of Mathematics Between the Two World Wars. Basel: Birkhäuser, 2001.
- [So1] *Soifer A.* Relatives of chromatic number of the plane I // *Geombinatorics*. 1992. Vol. 1, № 4. P. 13—15.
- [So2] *Soifer A.* A six-coloring of the plane // *Comb. Theory. Ser. A*. 1992. Vol. 61, № 2. P. 292—294.
- [So3] *Soifer A.* Six-realizable set X_6 // *Geombinatorics*. 1994. Vol. 3, № 4.
- [So4] *Soifer A.* In Search of Van der Waerden. Leipzig and Amsterdam, 1931—1951. Part I: Leipzig // *Geombinatorics*. 2004. Vol. 14, № 1. P. 21—40.
- [So5] *Soifer A.* In Search of Van der Waerden. Leipzig and Amsterdam, 1931—1951. Part II: Amsterdam, 1945 // *Geombinatorics*. 2004. Vol. 14, № 2. P. 72—102.
- [So6] *Soifer A.* In Search of Van der Waerden. Leipzig and Amsterdam, 1931—1951. Part III: Amsterdam, 1946—1951 // *Geombinatorics*. 2005. Vol. 14, № 3. P. 124—161.
- [So7] *Soifer A.* In Search of Van der Waerden, the Early Years // *Geombinatorics*. 2007. Vol. 16, № 3. P. 305—342.
- [So8] *Soifer A.* To Leave, To Die, or To Compromise? A Review of «Constantin Carathéodory: Mathematics and Politics in Turbulent Times» by M. Georgiadou // *Geombinatorics*. 2004. Vol. 14, № 1. P. 41—46.
- [Ste] *Steinberg R.* The state of the three color problem // *Quo Vadis, Graph Theory?* / Eds. Gimbel J., Kennedy J. W., Quintas L. V. 1993. (Ann. of Discrete Math.; Vol. 55.) P. 211—248.
- [Str] *Struick D.* Letter to A. Soifer, March 3, 1995.
- [Wa1] *van der Waerden B. L.* De algebraïese Grondslagen der meetkunde van het aantal [Ph. D. thesis], Zutphen — W. J. Thieme & Cie, 1926.

- [Wa2] *van der Waerden B. L.* Beweis einer Baudetschen Vermutung // Nieuw Archief voor Wiskunde. 1927. Vol. 15. P. 212—216.
- [Wa3] *van der Waerden B. L.* Moderne Algebra. 1 ed. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1930. Vol. 1; 1931. Vol. 2. (Рус. перевод: *Ван дер Варден Б. Л.* Современная алгебра. М.; Л.: ОНТИ НКТП, 1934. Т. 1; 1937. Т. 2.)
- [Wa4] *van der Waerden B. L.* Die Gruppentheoretische Methode in der Quantenmechanik. Berlin: Springer, 1932.
- [Wa5] *van der Waerden B. L.* Nachruf auf Emmy Noether // Math. Ann. 1935. Vol. 111. P. 469—476.
- [Wa6] *van der Waerden B. L.* Moderne Algebra. 2 ed. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1937. Vol. 1; 1940. Vol. 2. (Рус. перевод: *Ван дер Варден Б. Л.* Современная алгебра / Перевод Д. А. Райкова. М.—Л.: ГТТИ, 1947.)
- [Wa7] *van der Waerden B. L.* Letter to Behnke. May 10. 1940. Erich Hecke's Papers, Private German Collection.
- [Wa8] *van der Waerden B. L.* Letter to Hecke, May 16. 1940. Erich Hecke's Papers, Private German Collection.
- [Wa9] *van der Waerden B. L.* Prof. Van der Waerden verweert zich // Het Parool № 326. February 1. 1946. P. 3.
- [Wa10] *van der Waerden B. L.* Rechtzetting // Propria Cures. February 1. 1946.
- [Wa11] *van der Waerden B. L.* Moderne Algebra. Berlin: Springer-Verlag, 1950. 3 ed. Vol. 1, 2.
- [Wa12] *van der Waerden B. L.* Over de Ruimte, Rede. 4 December 1950. P. Noordhoff N. V., Groningen-Djakarta, 1950.
- [Wa13] *van der Waerden B. L.* Einfall und Überlegung in der Mathematik. 1: Mitteilung // Elem. Math. 1953. Bd. VIII, № 6. P. 121—144; 2: Mitteilung // Elem. Math. 1954. Bd. IX, № 1. S. 1—24; 3: Mitteilung: Der Beweis der Vermutung von Baudet // Elem. Math. 1954. Bd. IX, № 3. S. 49—72 (нем. яз.).
- [Wa14] *van der Waerden B. L.* Einfall und Überlegung: Drei Kleine Beiträge zur Psychologie des Mathematischen Denkens (Idea and Reflection: Three Little Contributions to the Psychology of the Mathematical Thinking: In 3 parts. Part 3: Der Beweis der Vermutung von Baudet). Basel: Birkhäuser, 1954 (German).

- [Wa15] *van der Waerden B. L.* Science Awakening. Groningen: P. Noordhoff, 1954; Expanded edition. N. Y.: Oxford University Press, 1961. (Рус. перевод: *Ван дер Варден Б. Л.* Пробуждающаяся наука: математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М: УРСС, 2007.)
- [Wa16] *van der Waerden B. L.* Wie der Beweis der Vermutung von Baudet gefunden wurde // Abhandlungen aus dem Mathematischen Seminar der Hamburgischen Universität. 1965. Vol. 28. P. 6—15.
- [Wa17] *van der Waerden B. L.* How the proof of Baudet's conjecture was found // Studies in Pure Mathematics / Ed. by L. Mirsky. London: Academic Press, 1971. P. 251—260.
- [Wa18] *van der Waerden B. L.* On the Sources of My Book *Moderne Algebra* // *Historia Mathematica*. 1975. Vol. 2. P. 31—40.
- [Wa19] *van der Waerden B. L.* Undated letter to Soifer, A., (Swiss Post Office seal April 24, 1995).
- [Wa20] *van der Waerden B. L.* Wie der Beweis der Vermutung von Baudet gefunden wurde // *Elem. Math.* 1998. Vol. 53. P. 139—148.
- [WaD1] *van der Waerden Dorith.* E-mail to A. Soifer, February 22, 2004.
- [WaD2] *van der Waerden Dorith.* E-mail to A. Soifer, April 29, 2004.
- [WaD3] *van der Waerden Dorith.* E-mail to A. Soifer, June 14, 2004.
- [WaD4] *van der Waerden Dorith.* E-mail to A. Soifer, June 14, 2004.
- [WaT1] *van der Waerden Theo.* Letter to A. Soifer, June 25, 2004.
- [WaT2] *van der Waerden Theo.* Letter to A. Soifer, November, 2005.
- [WaT3] *van der Waerden Theo.* Letter to A. Soifer, November, 2005.
- [Wal1] *Walker M.* Uranium Machines, Nuclear Explosives, and National Socialism: The German Quest for Nuclear Power, 1939–1949, Ph. D. Dissertation in the History of Science, Princeton University, October 1987.
- [Wal2] *Walker M.* Nazi Science: Myth, Truth, and the German Atomic Bomb. N. Y.: Plenum, 1995.

Александр Сойфер

**Ван дер Варден:
размышления
о жизни и судьбе**

Александр Соيفер родился в России в 1948 г., в настоящее время живет и работает в США. Автор более 200 статей и нескольких книг по математике, активно работает в сфере ее популяризации и преподавания.

ISBN 978-5-94057-395-1

9 785940 573951 >

Они [статьи о ван дер Вардене] отвечают высшим стандартам исторической науки.

Чарлз К. Джиллиспи
Кафедра истории
Принстонского университета (США)

Я как раз прочел Вашу (вторую) статью о «жизни и судьбе ван дер Вардена». Это шедевр, я не мог оторваться... Поздравляю!

Янош Пах
Курантовский институт
математических наук (США)

Вы делаете большое дело для общества тем, что, разбираясь в прошлом, способствуете лучшему пониманию будущего.

Станислав Радзишовский
Рочестерский технологический институт (США)

Вы раскопали массу информации – поздравляю!

Дирк ван Дален
Кафедра философии,
Утрехтский университет (Нидерланды)

Я прочел Ваш триптих [из статей, включенных в книгу] с большим интересом. Восхищен (как сотрудник архива) Вашей скрупулезностью и тем, что Вы сохранили высокую степень беспристрастности. Последнее всегда очень трудно, но Вы обосновали выводы из своего исследования очень тщательно. Очевидно, что Вы обращались к множеству первичных и вторичных источников. Я действительно считаю (как голландец), что Вы очень хорошо сделали, вжившись в бурные времена, когда ван дер Варден и все вокруг него поступали так, как поступали, и действовали так, как действовали. Вы поставили все в должную перспективу. Обстоятельства судьбы ван дер Вардена ясны как день из многочисленных цитат.

Йон Вигманс, архивариус
Государственный архив Северной Голландии

Я уже говорил Вам, насколько важно Ваше исследование. Человечество не должно никогда забывать «столь глубокие уроки понимания человеческой природы», как Вы говорите, – то есть уроки того, как оказался возможен расцвет нацизма в высокоцивилизованном государстве... Ван дер Варден, как мы узнаем от Вас, был не злодей, а «неопределенный» человек, что и породило его компромиссы с режимом. Все мы должны вдуматься в тот факт, что этот режим стал возможным из-за великого множества таких людей.

Джеймс У. Фернандес
Кафедра антропологии
Чикагского университета (США)